

Ватерлоо

Хилэр Беллок

Waterloo

Hilaire Belloc

Электронная книга проекта Гутенберга о Ватерлоо

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинства других частей мира бесплатно и практически без каких-либо ограничений. Вы можете скопировать его, раздать или повторно использовать в соответствии с условиями лицензии Project Gutenberg, прилагаемой к этой книге, или онлайн по адресу www.gutenberg.org. Если вы находитесь за пределами Соединенных Штатов, вам необходимо ознакомиться с законами страны, в которой вы находитесь, прежде чем использовать эту электронную книгу.

Название: Ватерлоо

Автор: Хилэр Беллок

Дата выхода: 11 мая 2010 [Электронная книга № 32332]

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено командой онлайн-корректоров по адресу <http://www.pgdp.net>. (Этот файл был создан на основе изображений, щедро предоставленных Интернет-архивом / Канадскими библиотеками.)

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА ЭЛЕКТРОННОЙ КНИГИ ГУТЕНБЕРГА "ВАТЕРЛОО" ***

ВАТЕРЛОО

ЛОНДОН
СТИВЕН СВИФТ И КОМПАНИЯ, ЛТД.
КИНГ-СТРИТ, 16, КОВЕНТ-ГАРДЕН,
ЗАПАДНЫЙ ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
МСМХII

Содержание

	СТРАНИЦА
I. ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ КАМПАНИИ ПРИ ВАТЕРЛОО	9
II. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: НАСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ САМБР	24
III. РЕШАЮЩИЙ ДЕНЬ: ПЯТНИЦА, 16 ИЮНЯ —	
ЛИНЬИ,	63
ЧЕТВЕРОСТИШИЕ	84
IV. ОТСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ И НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ При ВАТЕРЛОО И ВАВРЕ	129
V. ДЕЙСТВИЕ	158

ВАТЕРЛОО

I ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕЛЬ И ПОСЛЕДСТВИЯ КАМПАНИИ ПРИ ВАТЕРЛОО

В военной истории необходимо постоянно настаивать на том, что общие действия, какими бы решающими они ни были, являются всего лишь функциями кампаний; и что кампании, в свою очередь, являются всего лишь функциями политической энергии правительств, армии которых задействованы.

Целью кампании неизменно является политическая цель, и все ее военные усилия являются или должны быть вспомогательными по отношению к этой политической цели.

Одно человеческое сообщество желает навязать будущему политические условия, которые отвергает другое человеческое сообщество; или каждое из них пытается навязать будущему условия, несовместимые одно с другим. Пока мы не узнаем, каковы эти условия или какова политическая цель каждого противника, мы не можем ни принять решение об успехе кампании, ни определить ее истинное место в истории.

Таким образом, если взять самый простой и грубый случай, нация или ее правительство решает аннексировать территорию соседа; то есть подчинить соседнее сообщество законам завоевателя. Это соседнее сообщество и его правительство, если они настолько старомодны, что предпочитают свободу, будут сопротивляться силой оружия, и последует то, что называется “кампанией” (термин, происходящий от французского и обозначающий сельскую местность, поскольку сельские районы являются театрами военных действий). В этой кампании речь идет о политической цели попытки завоевания, с одной стороны, и о сопротивлении ей - с другой. Военный аспект кампании второстепенен по отношению к ее политическим целям, и мы судим о ее успехе или неудаче не с военной, а с политической точки зрения.

Главная военная цель генерала - “уничтожить” вооруженные силы своих противников. Он может сделать это, разрушив их организацию и рассеяв их, или вынудив их сложить оружие. Он может добиться успеха в этой чисто военной цели в любой степени. Но если в результате его военного успеха политическая цель не будет достигнута — если, например, в рассматриваемом нами конкретном случае соседнее сообщество в будущем не будет подчиняться законам, продиктованным ему завоевателем, а останется автономным, — тогда кампания провалена.

Подобные соображения, повторяю, лежат в основе военной истории; и на протяжении всей этой серии мы будем настаивать на них как на том свете, в котором только и можно понять военную историю.

Далее верно, что кампания может быть не только успешной в военном смысле и все же в самом широком историческом смысле быть неудачной, но, совершенно очевидно, каждое действие в кампании может быть успешным, и все же кампания провалена; или каждое действие в целом может потерпеть неудачу, и все же эта кампания увенчалась успехом. Как гласит старая формула, “Вы можете выиграть каждое сражение и проиграть свою кампанию”. И, опять же, “Великий полководец стремится не к победе в битвах, а к победе в своей кампании”. Действие является результатом контакта противоборствующих сил и необходимости, в которой они оказываются после такого контакта, пытаться одной дезорганизовать или захватить другую. И в большей части действия “принимаются”, как говорится, только любой из сторон, потому что каждая сторона рассматривает действие как открывающее возможности для своего собственного успеха.

Вполне можно придумать кампанию, в которой противник, сознательно уступающий на поле боя, будет избегать активных действий на протяжении всего боя, и благодаря такому плану в конечном итоге кампания может быть фактически выиграна. Исторические примеры этого, хотя и редкие, существуют. И были даже кампании, в которых после крупных действий, катастрофических для одной стороны, эта сторона все же была в состоянии поддерживать сломленное сопротивление, достаточно длительное и изнурительное, чтобы в конце концов помешать победителю достичь его политической цели.

Одним словом, задача серьезного изучающего военную историю - перевернуть популярную и драматическую концепцию войны, пренебречь блеском и местными интересами сражения ради более широкого взгляда на операции в целом; и, опять же, помнить, что эти операции не являются самоцелью, а лишь призваны служить политическому плану правительства, которое ими командовало.

Рассматриваемые в этом истинном свете, мы можем сделать следующие выводы относительно битвы при Ватерлоо.

Во-первых, битва при Ватерлоо была решающим действием, результатом которого стал полный военный успех союзников в предпринятой ими кампании и полное военное поражение выступившего против них Наполеона.

Этот полный военный успех кампании союзников был, опять же, эквивалентен успеху в достижении их непосредственной политической цели, которой было свержение личной власти Наполеона, восстановление Бурбонов на французском троне и восстановление тех традиций и идеалов правления, которые были общими для Европы до начала Французской революции двадцать четыре года назад.

Если бы эффект этого сражения и той кампании был постоянным, можно было бы говорить об их успехе как о полном; но когда мы обсуждаем этот важнейший вопрос из всех, а именно, действительно ли короткая кампания, которая так решительно завершилась при Ватерлоо, достигла своей цели, учитывая, что этой целью было постоянное уничтожение революционных усилий и постоянное восстановление старого положения дел в Европе, мы вынуждены прийти к совершенно иному выводу: выводу, который будет меняться в зависимости от мнения людей, и который не может быть окончательным, потому что драма еще не разыграна; но выводу, который, по сути, является результатом в глазах всех это необычным образом изменяет эффект кампании при Ватерлоо.

При первом взгляде на европейскую историю, скажем, при жизни человека, который в год Ватерлоо должен был быть мальчиком, очевидно, что общая политическая цель революционных и наполеоновских армий не изменилась при Ватерлоо. В конечном счете это было установлено. Война успешно велась в течение слишком долгого периода для искоренения политических условий, которые французы пытались навязать Европе. Опять же, эти условия были достаточно благоприятны европейскому сознанию в то время, чтобы щедро развиваться и расти, несмотря на все попытки ограничения. И мы обнаруживаем, как факт, что демократические институты, по крайней мере, демократический механизм, снова быстро распространились после поражения при Ватерлоо и частично одержали победу, сначала во Франции, а затем и в других странах, в течение всего лишь нескольких лет после этой акции.

То же самое верно и в отношении некоторых вторичных результатов длительных революционных и наполеоновских кампаний. Национальность преобладала над старой идеей монарха, управляющего своими различными "народами", и вся история девятнадцатого века была постепенным утверждением принципа национальности. Аналогичная судьба ожидала институты, связанные с французскими революционными усилиями: широкое и постоянно выражаемое избирательное право, вооружение целых наций для защиты своей независимости,

упорядочивание политической жизни по новому плану, вплоть до деталей революционных мер и весов (метр, грамм и т.д.) — все это имело успех и фактически восторжествовало над порядками, за восстановление которых боролось старое общество.

С другой стороны, продвижение всего этого было гораздо медленнее, гораздо более беспорядочным, гораздо менее полным, чем это было бы, если бы Наполеон не потерпел неудачу в России, не потерпел решающего поражения под Лейпцигом и навсегда пал на знаменитом поле Ватерлоо; и одна особая черта, а именно навязывание всего этого Европе волей правительства в Париже, полностью исчезла.

Таким образом, мы можем подвести итог и сказать, что политическим результатом битвы при Ватерлоо и ее кампании был немедленный успех союзников: что их конечный успех история девятнадцатого века обратила вспять; но что победа при Ватерлоо изменила, задержала и, возможно, навсегда исказила утверждение тех концепций общества и правительства, которые Революция и Наполеон как ее солдат намеревались установить.

Ко всему этому прилагается побочный вопрос, которым я завершу, потому что он является лучшим введением к тому, что последует дальше: этот вопрос звучит так: “Добился бы ли бы Наполеон в конечном итоге успеха, даже если бы он одержал победу, а не пал 18 июня 1815 года?” Другими словами, было ли Ватерлоо одной из этих битв, победа или проигрыш в которой *любой* из сторон означали соответствующий решающий результат для этой стороны? Если бы командование Веллингтона было сломлено при Ватерлоо до прибытия Блюхера, значила бы последующая победа Наполеона для *него* столько же, сколько его поражение на самом деле значило для союзников?

Исторический ответ на этот вопрос таков: нет. Даже если бы Наполеон победил в тот день, он все равно проиграл бы в долгосрочной перспективе.

Дата, к которой мы должны прикрепить обратную сторону усилий Наполеона, - это не 18 июня 1815 года, а 19 октября 1812 года, когда Великая армия начала отступление из Москвы; и политическим решением, неудача в котором стала причиной его падения, было не принятое в июне 1815 года решение о наступлении против союзников в Бельгии, а принятое в мае 1812 года решение о наступлении на обширные пространства России. Решающее действие, которое в ближайшие столетия будет зафиксировано в истории как поражение, погубившее Наполеона, произошло не к югу от Брюсселя, а недалеко от города Лейпцига, двумя годами ранее. С последнего момента этого трехдневного сражения (снова 19 октября, ровно через год после начала отступления из Москвы) Наполеон и французские армии постоянно отступают. 4 апреля следующего года Наполеон отрекся от престола, а ровно месяц спустя, 4 мая, он был заключен в тюрьму на острове Эльба под видом демонстрации местного суверенитета.

Сбежав с этого острова, он высадился на южном побережье Франции 1 марта 1815 года. Последовала обреченная на провал попытка спасти что-то от революции и наполеоновского плана, который известен истории как “сто дней”. Даже эта попытка была бы невозможна, если бы большая часть командиров частей французской армии, то есть полковников полков, не отказалась от правительства Бурбонов, которое было восстановлено в Париже, и не решила поддержать Наполеона.

Но даже в этом случае эксперимент был крайне опасным. Если бы окружающие правительства, которые были свидетелями его падения и восторжествовали над ним, позволили ему, как он желал, управлять Францией в условиях мира и только Францией, эта небольшая часть революционного плана могла бы быть спасена от общего крушения его судьбы и его самого. Но такая гипотеза фантастична. Не могло быть и не было никаких шансов, что эти великие правительства, теперь полностью вооруженные, со всеми своими организованными войсками, подготовленными и наполненными памятью о недавней победе, позволят восстановить демократическое правление в той Франции, которая была центром и началом обширного движения, которое они намеревались уничтожить. Далее, хотя за Наполеоном стояло большинство, у него не было объединенной массы французского народа. Упорядоченный мир, последовавший за победой, дал бы ему такую поддержку; после его недавнего сокрушительного поражения ее не хватало. Особенно верно было то, что великие военачальники армии были полны сомнений. Его собственные генералы присоединились к нему, некоторые с энтузиазмом, другие с сомнением, в то время как некоторые предали его в самом начале процесса его попытки восстановления.

Невозможно поверить, что при таких обстоятельствах Наполеон мог успешно встретить Европу с оружием в руках. Военные ресурсы французского народа, хотя и не были исчерпаны, подходили к концу. Новые призывы людей давали материал, намного уступающий призыву предыдущих лет; и когда император оценил 800 000 человек как силу, которая требовалась ему для его усилий, это был всего лишь расчет отчаяния. Восемьсот тысяч человек: даже если бы они были плодом длительного мира, всей вооруженной нации, крепкой здоровьем и свежей для длительной борьбы, было бы недостаточно. Объединенные державы фактически располагали столь же большим числом вооруженных сил и неисчерпаемыми резервами, из которых можно было черпать силы. Четверть миллиона человек стояли наготове в Нидерландах, еще четверть миллиона могли выступить из Австрии и пересечь Рейн. Северная Италия фактически выставила против него 70 000 человек; а Россия, располагавшая столь же активными и боеспособными силами в 170 000 человек, могла увеличить это войско почти до бесконечности за счет своего огромного населения.

Но пока что из 800 000 человек Наполеон не обнаружил в своем распоряжении и четверти этого числа вооруженных и готовых к войне. Хотя Наполеон прибегнул к этому отчаянному средству истощенной армии - включению ополчения; хотя он заманил в свои сети всю молодежь того года и принимал новобранцев почти без учета физических способностей; хотя он зашел так далеко, что отправил моряков на берег помогать ему в его усилиях, и учитывал в своих силах полицию, таможенников и, можно сказать, каждого человека в форме, он был вынужден даже после двух с половиной месяцев усилий считать, что его боеспособные силы составляют менее 300 000 человек, на самом деле всего лишь немногим более 290 000.

За этим, правда, стоял резерв иррегулярных войск, подобных тому, что я описал, но дух, обуславливавший этих иррегулярных войск, был неопределенным, а их выход - неоднородным. Примерно четверть населения страны с готовностью откликнулась на призыв о создании национального ополчения. Но даже накануне кампании при Ватерлоо были департаменты, такие как Орн, которые не набрали и пяти процентов. из тех, кто был призван встать под знамена, таких как Па-де-Кале и Жер, которые не представили и восьми процентов, и в самый последний момент из каждых двадцати пяти призванных не пришло и пятнадцати.

Добавьте к этому, что Наполеон должен был нанести удар немедленно или не наносить его вообще, и легко станет ясно, насколько отчаянным было его положение. Его великие начальники высшего командования не были едины на службе у него, исход был сомнительным, и присоединиться к Наполеону означало стать мятежником в случае его неудачи, — стать мятежником, то есть в случае весьма вероятного события. Чудо в том, что так много ведущих актеров, которым было что терять, вообще рискнули. Наконец, даже из всей силы, имевшейся в его распоряжении в тот ранний момент, когда он был вынужден нанести удар, Наполеон мог нанести удар лишь малой частью. Менее половины имевшихся в наличии людей он мог собрать для нанесения этого решающего удара; и этот удар, следует помнить, он мог нанести лишь одному из различных отрядов, которые готовились выступить против него.

Таким образом, ему мешали две вещи: во-первых, необходимость, в которой, как он считал, он сам находился, оставить значительные силы для наблюдения за границами. Во-вторых, и это самое важное, ограничения, налагаемые на него отсутствием средств к существованию. При всех усилиях он не мог полностью вооружить, экипировать и вооружить более крупные силы, чем те, которые он собрал в начале июня для своего последнего отчаянного броска; а корпус, от немедленного и решительного успеха которого все зависело, насчитывал всего 124 000 человек.

С этими силами Наполеон продолжил атаку на союзников в Нидерландах. Там был пояс франкоговорящего населения. Там был тот отряд союзников, который находился ближе всего к его руке и над которым, если бы он только одержал победу, его победа имела бы самый полный эффект. Там были войска под командованием веллингтона, поражение которых означало бы отрезание Англии, финансирующей союзников, от Континента. Там присутствовало население, многие элементы которого симпатизировали ему и французским революционным усилиям. Наконец, силы союзников в Бельгии были наименее однородными из сил, с которыми ему придется иметь дело в длительной борьбе, от которой его не избавил бы даже успех в данный момент.

В силу всех этих причин, а также по той дополнительной причине, что Парижу непосредственно угрожала граница с соседней Бельгией, именно на эту границу Наполеон решил бросить свое копье. 5 июня был отдан первый приказ о сосредоточении этой армии для вторжения в Бельгию.

Через десять дней 124 000 человек при 370 орудиях были сосредоточены на линии между Мобежем и Филиппвилем, непосредственно у границы, и были готовы перейти ее. Путь, по которому была пройдена граница и переправлена река Самбр до начала первых боевых действий, составляет промежуточные этапы кампании и должен стать предметом моего следующего раздела.

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДЕЙСТВИЯ: НАСТУПЛЕНИЕ НАПОЛЕОНА ЧЕРЕЗ САМБР

Чтобы понять битву при Ватерлоо, необходимо, возможно, в большей степени, чем в случае любого другого крупного решающего действия, прочесть ее стратегически: то есть рассматривать заключительное сражение в воскресенье, 18 июня, лишь как кульминацию определенных общих перемещений, первой фазой которых было сосредоточение французской армии на Севере, а второй - форсирование реки Самбр и атака. Этот второй этап занял четыре дня по времени, а в пространстве продвинулся почти на сорок миль.

Конечно, в каком-то смысле для каждого сражения верно, что его результат тесно связан со стратегией, которая привела к его тактическим особенностям: то, как силы противника вышли на поле боя, в каком состоянии, в какой диспозиции и в какое время, с каким преимуществом или недостатком, всегда обязательно связано с историей кампании, а не с отдельными действиями; но, как мы видели в случае с Бленхеймом, и как это можно проиллюстрировать на сотне других случаев, большую часть сражений можно понять, следуя тактической диспозиции на поле боя. Они выигрываются или проигрываются, в основном, в зависимости от этих диспозиций.

С Ватерлоо все было не так. Ватерлоо было проиграно Наполеоном, выиграно союзниками, *не* главным образом из-за тактических маневров на самом поле боя, а главным образом из-за того, что произошло в ходе продвижения французской армии к этому полю. Другими словами, военный характер этой великой решающей акции всегда упускается из виду теми, кто читал ее в отрыве от событий, непосредственно предшествовавших ей.

Наполеон, решив нанести удар по Бельгии в тех политических обстоятельствах, которые мы уже видели, атаковал силами, примерно вдвое превосходящими его собственные.

Он был подобен одному человеку, быстро и почти неожиданно подбирающемуся к двум, но надеющемуся, если возможно, разобраться последовательно и поодиночке с любым из противников.

Его сомнительные шансы на успех в такой опасной ситуации, очевидно, заключались в том, что он мог атаковать каждого врага по отдельности: то есть сразиться с первым до того, как второй придет ему на помощь; затем со вторым; и таким образом победить каждого по очереди. Шансы на победу при таких обстоятельствах невелики. Это предполагает застигнутость двух союзных противников врасплох их единственным противником и поражение одного из них так быстро, что другой не сможет прийти ему на помощь, пока все не закончится. Но никакой другой путь к победе не открыт для человека, сражающегося с врагами, вдвое превосходящими его численностью; по крайней мере, в условиях, когда вооружение, материалы и расовый тип практически одинаковы с обеих сторон.

Возможность расправиться таким образом со своим врагом Наполеон считал возможной, и считал это возможным из-за двух факторов в сложившейся перед ним ситуации.

Первым фактором было то, что армия союзников, учитывая ее большую численность, сравнительно небольшое скопление припасов, которыми она все же могла располагать, огромную протяженность границы, за которой ей приходилось следить, была разбита на

большое количество военных городков, протяженность которых составляла не менее ста миль, от Льежа на востоке или слева до Турне на западе или справа.

Вторым фактором, давшим Наполеону шанс, было то, что снабжение, приказы и линия отступления этой длинной линии зависели от двух отдельных и противоположных баз.

Левая, или восточная, половина, сформированная в основном из прусских подданных и действовавшая под командованием Блюхера, прибыла с востока, искала спасения в случае поражения при отступлении к Рейну, получала припасы с этого направления и в целом питалась *с востока* вдоль тех коммуникаций, постоянная деятельность на которых так же необходима для жизни армии, как бесперебойная работа воздушной трубы необходима для жизни водолаза.

Западная, или правая, часть линии, голландская, немецкая, бельгийская и британская, действовавшие под командованием Веллингтона, напротив, зависели от Северного моря и от сообщения через это море с Англией. То есть она черпала свои припасы и предметы первой необходимости для своего существования *с запада*, в противоположном направлении от того, куда стремилась прусская половина союзников. Влияние этого на кампанию сразу легко понять, и оно имеет первостепенное значение в плане Наполеона.

Веллингтон и Блюхер в сложившихся обстоятельствах не противопоставляли Наполеону ни одного подразделения, черпающего жизнь из одного потока коммуникаций. Они не командовали силами, защищавшими один гол; они командовали двумя силами, защищавшими два гола. Полное поражение одного отбросило бы его в сторону от другого, если бы атака была предпринята в точке, где двое только что взялись за руки; и англичане^[1] или западная половина под командованием Веллингтона были вынуждены действовать фактически вразрез с прусской или восточной половиной под командованием Блюхера на случай, если одна из них потерпит поражение до того, как другая сможет прийти ей на помощь.

Таким образом, Наполеон в своем стремительном наступлении на Бельгию был человеком, ведущим колонну против линии фронта. Он вел эту колонну к одной особой точке, точке соединения двух разрозненных половин противоположной линии. Поэтому он наступал узким фронтом перпендикулярно длинному разрозненному кордону своего двойного врага и целился в центр этого кордона, который его делом было, по возможности, разделить как раз там, где западный конец одной половины соприкасался с восточным концом другой. Он детально продумал бой с первой частью, которую смог задействовать, затем переключился на другую и, таким образом, победил как поодиночке, так и по очереди.

Я представлю читателю эту стратегическую позицию в виде английской параллели, чтобы сделать ее более понятной, а затем с помощью схематических карт покажу, как на самом деле располагались союзники на бельгийской границе в тот момент, когда Наполеон предпринял свое наступление на нее.

Представьте себе около четверти миллиона человек, разбросанных линией отдельных военных городков от Виндзора на одном конце до Бристоля на другом; и предположите, что восточная половина этой линии от Виндзора до Уоллингфорда на запад зависит в плане снабжения и коммуникаций от реки Темзы и ее дорожной системы и готова в случае поражения отступить вниз по долине этого потока в направлении Лондона.

С другой стороны, представьте, что западная половина от Суиндона до Бристоля получает снабжение из Северна и Бристольского канала и в случае поражения должна отступить на запад, к этой линии.

Теперь предположим, что колонна вторжения численностью более 120 000 человек продвигается с юга против этой линии, но готова нанести удар практически из любой точки Ла-Манша. Фактически, он наносит удар из Саутгемптона и быстро продвигается на север через Винчестер и Ньюбери. К тому времени, когда он достиг Ньюбери, восточная половина линии противника, та, что между Уоллингфордом и Виндзором, сосредоточилась, чтобы встретить его, но потерпела поражение в окрестностях этого города.

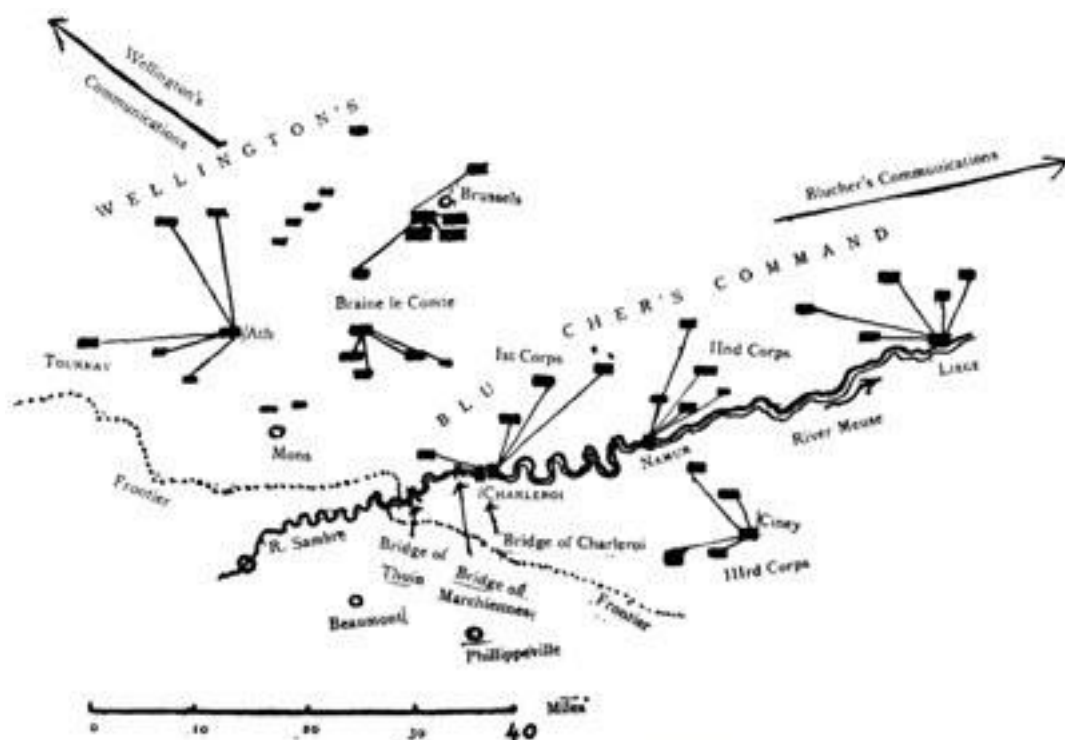
Такая битва при Ньюбери соответствовала бы битве при Линьи (пусть она состоится в пятницу). Тем временем западная половина, спешащая на помощь, не смогла осуществить соединение до того, как восточная половина была разгромлена, слишком поздно подошла к Ньюбери и, обнаружив, что уже слишком поздно, отступила к Абингдону. Победоносный захватчик преследует их и в полдень второго дня выстраивает в длинную линию, которую они держат перед Абингдоном.

Если ему придется иметь дело только с этим вторым или западным таймом на глазах у Абингдона, который слишком поздно поспешил на помощь побежденному восточному тайму, у него будут очень неплохие шансы на успех. Он немного превосходит нас численно; у него, в целом, лучшие войска и больше пушек. Но восточная половина обороняющейся армии, которая была разбита при Ньюбери, хотя и была разбита, не была ни уничтожена, ни рассеяна, ни отброшена очень далеко от линии боевых действий. Она отступила к Уоллингфорду, то есть к северу, параллельно отступлению западной половины; и через несколько часов после того, как эта западная половина вступила в сражение с захватчиками перед Абингдоном, восточная половина появляется на правом фланге этого захватчика, соединяется с силами защитников Абингдона и, таким образом, не только обеспечивает захватчику сокрушительное численное превосходство на поле боя, но и выстраивает его таким образом, что он вынужден сражаться сразу на два фронта. Он, конечно, уничтожен такой комбинацией, а его армия разгромлена и рассеяна. Сражение такого рода при Абингдоне соответствовало бы сражению на поле Ватерлоо, предполагая, конечно, для целей этой грубой параллели, открытую местность без препятствия в виде реки.

Фактические позиции двух объединенных командований, командования Блюхера и командования Веллингтона, которые вместе удерживали длинную линию между Турне и Льежем, будут показаны на эскизной карте на следующей странице.

Читателю, который хочет охватить кампанию в кратких рамках такого очерка, как этот, лучше всего рассмотреть численность и позиции не слишком подробно и составить себе картину, которая, хотя и будет точной, должна носить общий характер.

Тогда пусть он рассмотрит всю линию между Льежем и Турне как состоящую из двух уже представленных половин: западной половины, которую мы назовем полосой герцога Веллингтона, и восточной половины, которую мы назовем полосой Блюхера: из этих двух герцог Веллингтон был главнокомандующим.

Увеличенное изображение

Далее обратите внимание на численность каждого из них и их расположение. Смешанные силы под командованием герцога Веллингтона насчитывали чуть более 100 000 человек и чуть более 200 орудий.^[2] Они состояли из двух корпусов и резерва. Первый корпус находился под командованием принца Оранского и состоял в основном из мужчин из Нидерландов. Его штаб находился в Брен-ле-Конте. Второй корпус находился под командованием лорда Хилла и вмещал основную часть присутствующих британских войск. Его штаб находился в Ате. Эти двое вместе составляли примерно половину отряда Веллингтона, и мы находим их разбросанными по военным городам в Ауденарде, Ате, Энгийене, Суаньи, Нивеле, Руле, Брен-ле-Конте, Хэле. Резервный корпус под личным командованием герцога был расквартирован в Брюсселе и составлял более одной пятой, но менее одной четверти всех вооруженных сил. Оставшаяся четверть с небольшим приходится на разрозненную кавалерию (главным образом, на постах на реке Дендер), на опытных оружейников, артиллеристов и саперов, распределенных по всей армии, и на войска, занимавшие гарнизоны, — в количестве, превышающем десять процентов из силы.

Восточная Пруссия, или левая половина линии, была, как видно на предыдущей карте, несколько больше. В нем было на четверть больше людей и вдвое меньше орудий, чем при герцоге Веллингтоне, и он был разделен на четыре армейских корпуса, штаб-квартирами которых были соответственно Шарлеруа, Намюр, Синей и Льеж.

Таким образом, вся линия фронта, ожидавшая наступления Наполеона, насчитывала не более двух с половиной сотен тысяч человек при более чем 500 орудиях. Из этого общего количества двух таймов, Веллингтона и Блюхера вместе взятых, около восемнадцати процентов. выходцы с Британских островов, и из этих восемнадцати процентов, опять же, очень большая доля — насколько точно, определить невозможно — были ирландцами.

Теперь давайте обратимся к армии, которую Наполеон вел против этой линии Веллингтона и Блюхера. В нем было чуть меньше ста с четвертью тысяч человек, то есть чуть больше половины от общего числа его противников. Однако у него было больше орудий, которых было на две трети больше, чем тех, с которыми ему приходилось сталкиваться.

Эта "Армия Севера" была организована в семь больших отрядов, неодинаковых по численности, но каждое подразделение насчитывало в среднем семнадцать с лишним тысяч человек. Этими семью великими формированиями были 1-й, 2-й, 3-й, 4-й армейские корпуса, 6-й армейский корпус, имперская гвардия и резервная кавалерия под командованием Груши.

Сосредоточение этой армии началось, как я уже говорил в предыдущем разделе, 5 июня и было произведено с быстротой и порядком, которые по праву считаются образцом для всех авторов по военной науке.

Французские войска, когда был отдан приказ о сосредоточении, растянулись на запад до Лилля, на восток до Меца, на юг до Парижа, в окрестностях которого находилась Императорская гвардия. Фактический марш различных подразделений занял неделю. Наполеон был на передовой в ночь на 13 июня; 14-го вся армия была выстроена в линию, протянувшуюся от Мобежа до Филиппвиля, и атака была готова начаться.

Сосредоточение сил было произведено с исключительной секретностью, а также с быстротой и точностью, которые мы отметили; и хотя общее мнение Веллингтона и Блюхера о том, что Наполеон не имел намерения атаковать, основывалось на здравом общем суждении — ибо риск, на который шел Наполеон в этой игре одного против двоих, был чрезвычайно велик, — тем не менее примечательно, что оба этих великих полководца были столь поразительно неосведомлены о готовящемся ударе. Сам Наполеон фактически находился за границей в тот момент, когда Веллингтон непринужденно писал, что намеревается перейти в наступление в конце месяца, а Блюхер несколькими днями ранее выразил мнение, что он может бездействовать целый год, поскольку Бонапарт не собирался наступать.

К вечеру среды, 14 июня, все было готово для наступления, которое было назначено на следующее утро.

Попытка пронести через этот краткий отчет имена и характеры каждого командира лишь запутала бы обычного читателя, но важно запомнить по крайней мере одного — имя *Эрлона*; и он также должен помнить, что корпус, которым командовал Эрлон, был *Первым* корпусом; ибо, как мы увидим, от скитаний Эрлона с этим Первым корпусом зависели неудовлетворительное завершение Линьи и последующее вмешательство пруссаков при Ватерлоо, которое решило исход сражения.

Также не имеет большого значения сохранение названий мест, которые были штабами каждого из этих корпусов до начала наступления. Для читателя важно лишь то, чтобы он имел четкое представление о порядке, в котором происходило это наступление, ибо только так он поймет,

куда оно нанесло удар и почему, при всей своей быстроте, оно пострадало от определенных ударов или рывков.

Наступление Наполеона шло тремя параллельными линиями и тремя главными силами.

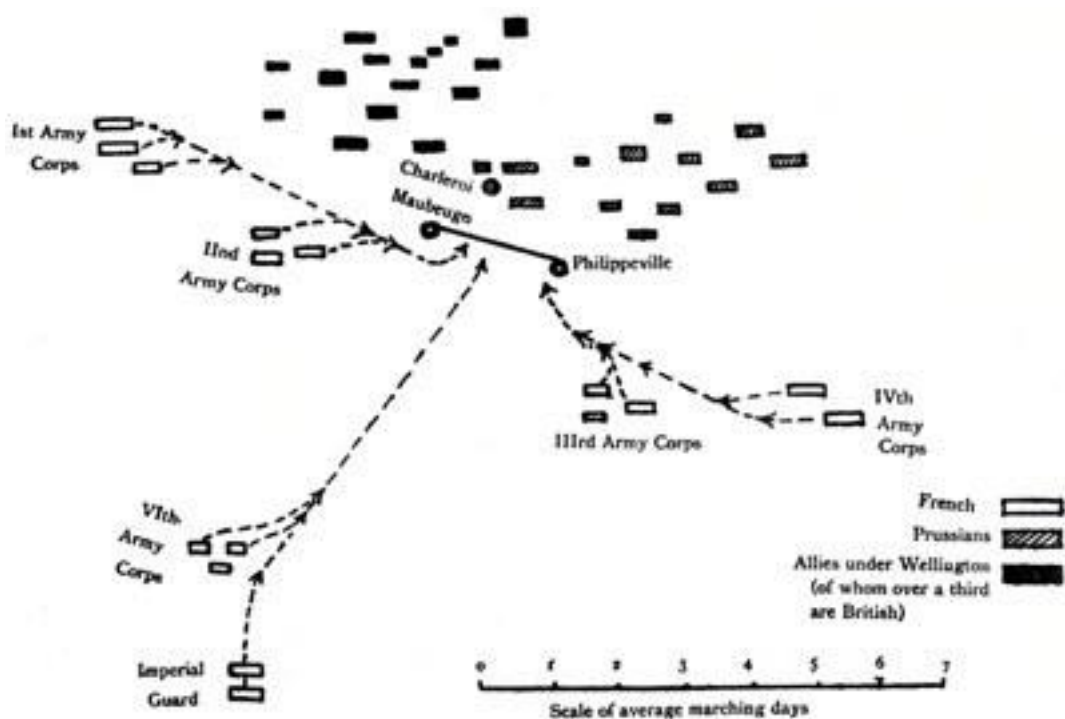
Левый, или самый западный, состоял из Первого и Второго армейских корпусов; центр - из Императорской гвардии вместе с Третьим и Шестым корпусами. Третий, или правый, состоял только из Четвертого корпуса с кавалерийской дивизией. Эти три тела, когда в ночь на среду, 14 июня, упали, лежали: первое в Сорле и Лере; второе в Бомоне и на дороге, которая проходит через него в Шарлеруа; третье в Филиппвиле.

На данном этапе целесообразно рассмотреть, почему Наполеон выбрал переправу через реку Самбр у Шарлеруа и места непосредственно к северу на левом берегу этой реки в качестве точки, откуда он собирался нанести удар по длинной линии союзников.

Многие соображения сошлись воедино, чтобы навязать Наполеону эту линию наступления. Во-первых, его задачей было рассечь линию союзников надвое в том месте, где крайняя часть одной армии, прусской, соприкасалась с оконечностью другой, армии герцога Веллингтона. Это место находилось точно к северу от выбранной им переправы через реку.

Опять же, главная дорога на Брюссель была перекрыта крепостью Монс, которая, хотя и не была грозной, была приведена в состояние некоторой обороны.

Опять же, как показывает прилагаемая карта, прусская половина линии фронта союзников была проведена несколько впереди другой половины; и если бы Наполеону предстояло атаковать врага во всех деталях, он должен был нанести удар по пруссакам первым. Наконец, линия Мобеж-Филиппвиль, на которой он сосредоточил свой фронт, в целом была самой центральной позицией в длинной линии его пограничных войск, которая простиралась от Меца до окрестностей Дуврского пролива. Будучи самой центральной точкой не только в отношении этих двух оконечностей, но и в отношении далекого Парижа, это была точка, на которой он мог сконцентрироваться наиболее быстро.

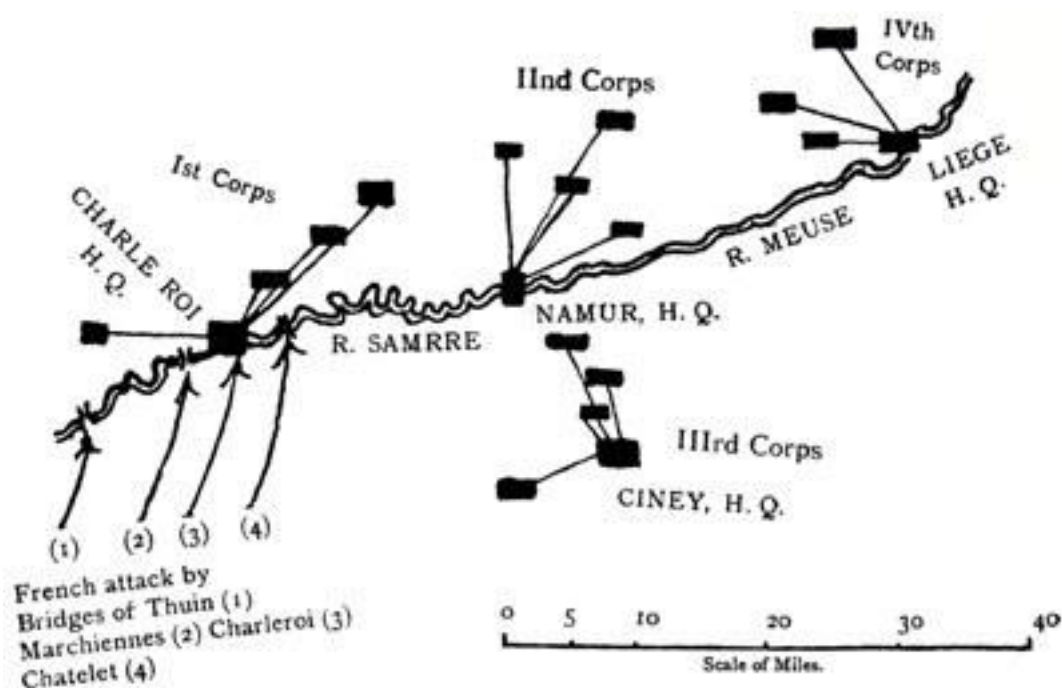

Увеличенное изображение

Таким, значит, было положение в ночь на 14-е число. Трем крупным отрядам французских войск (самый крупный из которых находился в центре) выступить на рассвете, легкая кавалерия двинется уже в половине третьего впереди центра, все силы которого должны были двинуться на Шарлеруа.

Левому, то есть Первому и Второму корпусам, переправиться через Самбру у Тюина, аббатства д'Оль и Маршьена. (Во всех трех местах были мосты.) Правый, или Четвертый, корпус также должен был выступить на Шарлеруа.^[3]

Наполеон намеревался переправиться через реку со всеми своими людьми к полудню 15-го, но, как мы увидим, это “сосредоточение” полной половины наступающих в одном месте переправы вызвало не фатальную, но пагубную задержку. Среди других элементов в этом ложном расчете была очевидная ошибка Сульта, который каким-то образом допустил ошибку, удержав Третий корпус в центре, вместо того чтобы ослабить давление, отправив его с Четвертым корпусом на переправу, согласно пересмотренным инструкциям Шатле.

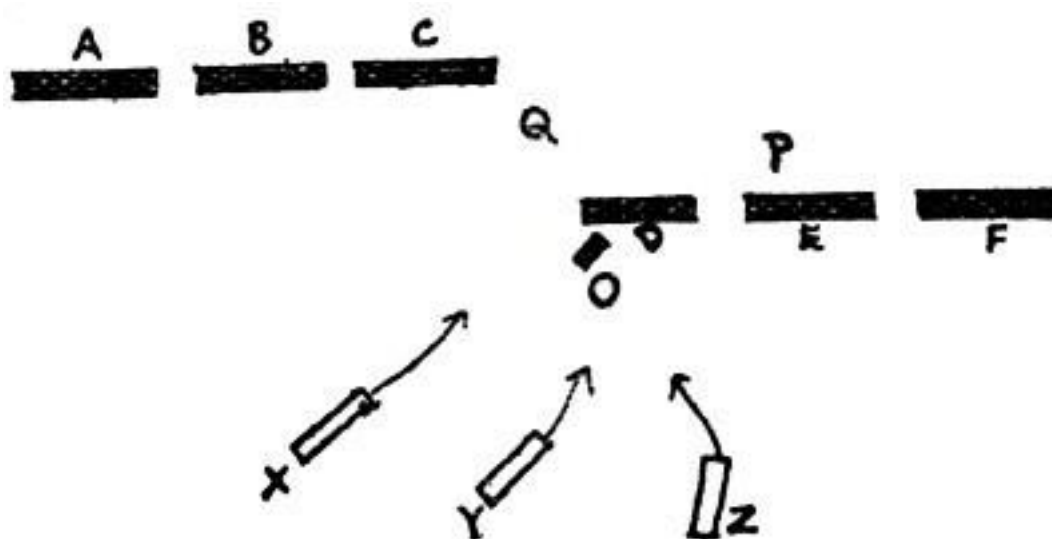
[Увеличенное изображение](#)

Расположение Четырех прусских корпусов 15 июня 1815 года.

Итак, на рассвете весь фронт французской армии пришел в движение. Был рассвет четверга, 15 июня. К закату воскресенья все должно было решиться.

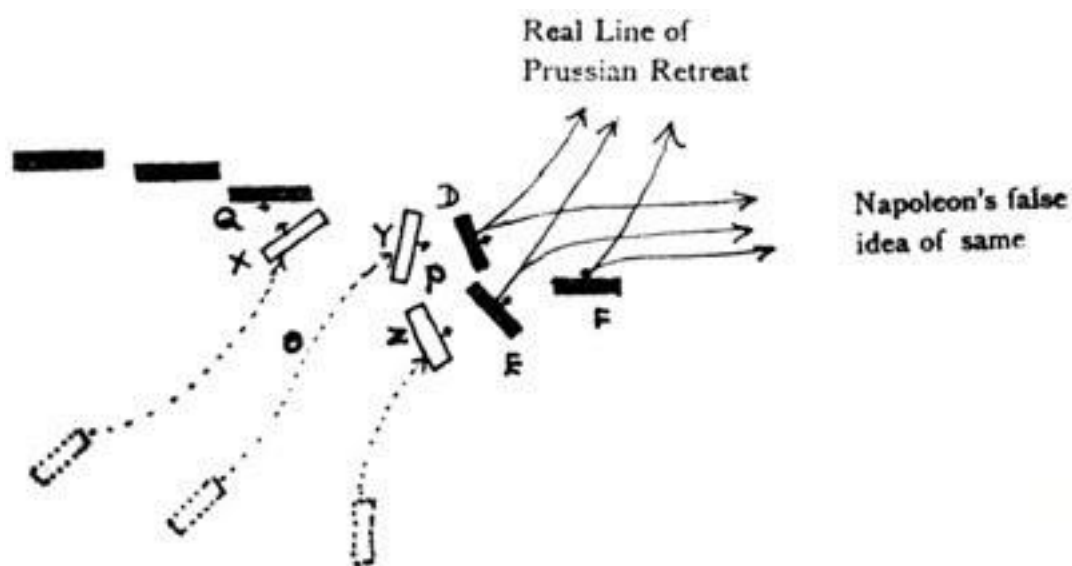
На этом этапе важно понять общую схему операций, которые вот-вот последуют.

Если представить простейшие элементы и изобразить все графически, то весь бизнес начинался примерно в такой форме, которая представлена на прилагаемой эскизной карте.

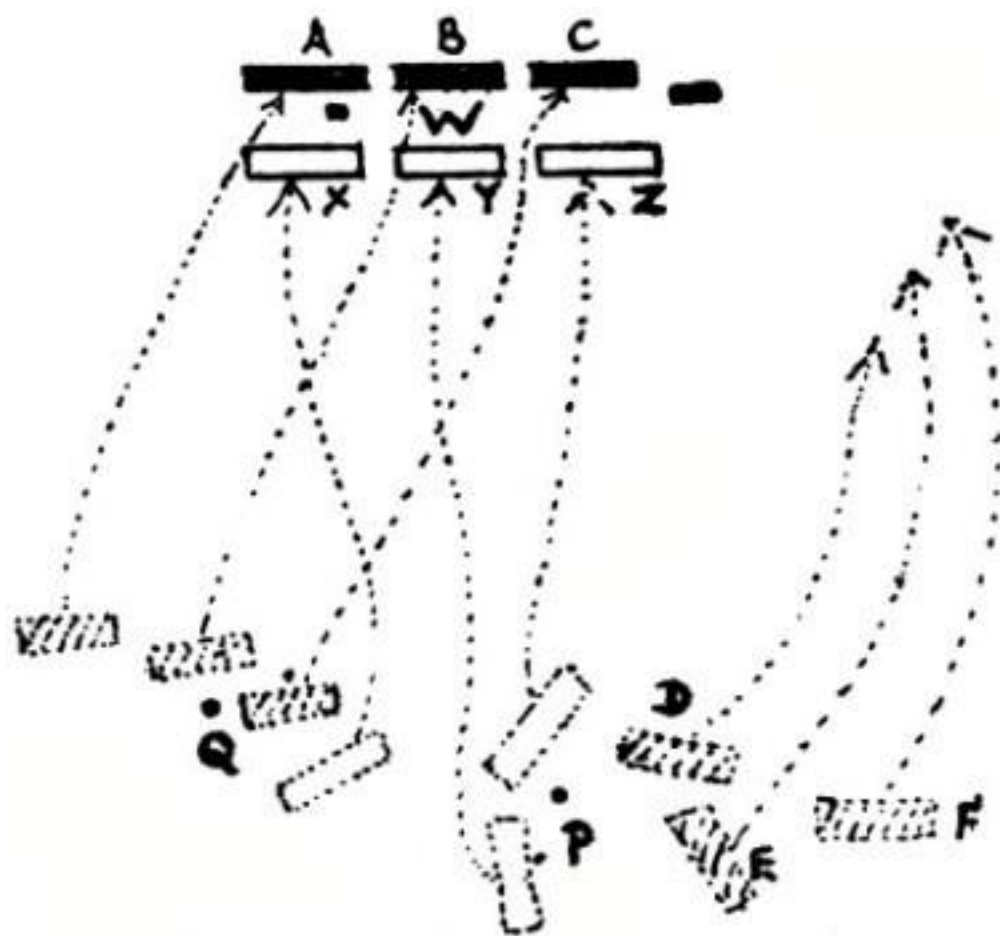

Наступающая армия Наполеона Хуз, выступающая в четверг, 15 июня, наносит удар по О (который находится в Шарлеруа), центру протянувшейся на сто миль линии военных городков А В С-D Еf, которые образуют две армии союзников, вдвое превосходящие по численности его собственную, но таким образом рассеянные. Сразу за Шарлеруа (О) находятся деревушка и поселение, называемые соответственно Катр-Бра (Q) и Линьи (P).

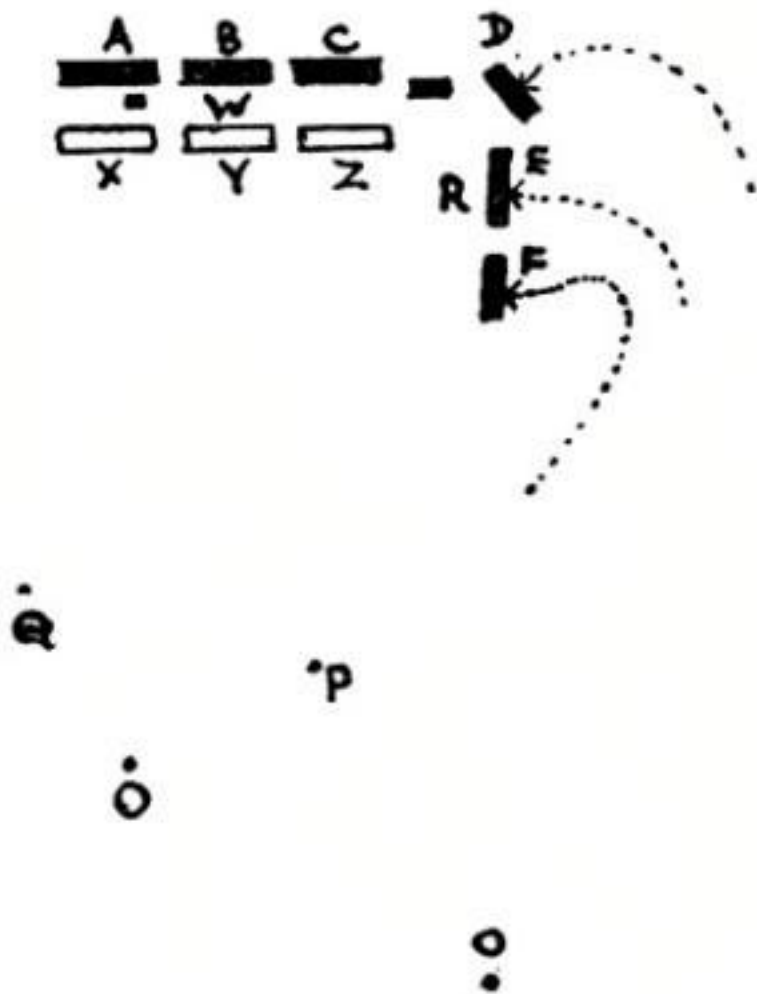
Наполеону удастся ввести в бой восточную, или прусскую, половину этой длинной линии обороны и разгромить ее при Линьи (P) на следующий день, в пятницу, 16 июня, прежде чем западная половина, или А В С Веллингтона, сможет подойти на помощь; и в тот же день часть его войск X под командованием его лейтенанта маршала Нея удерживает эту западную половину, как раз в тот момент, когда она пытается соединиться с восточной половиной у Катр-Бра (Q), в нескольких милях от Линьи (P). Ситуация в ночь на пятницу, 16 июня, в конце этого второго этапа представлена на этой второй эскизной карте.

Полагая, что пруссаки (Def) отступают из Линьи к своей базе на восток, а не на север, Наполеон более или менее пренебрегает ими и концентрирует свои основные силы, чтобы преследовать западную половину Веллингтона (A B C), и в надежде разгромить, в свою очередь, *эту*, поскольку он уже разгромил восточную или прусскую половину (Def) при Линьи (P). С этой целью Наполеон продвигается на север в течение всего третьего дня, субботы 17 июня. Веллингтон (A B C) отступает на север перед ним в тот же день, а затем, на следующий день, 18-го, в воскресенье, разворачивается, чтобы дать сражение при Ватерлоо (W). Наполеон вступает с ним в бой с неплохими шансами на успех, и ситуация, когда битва начнется в полдень 18-го, соответствует той, что изображена на этой третьей карте.

Но неожиданно и вопреки тому, что Наполеон предполагал возможным, пруссаки (D Ef), потерпев поражение при Линьи (P), не отступили на свою базу и не настолько пострадали от своего поражения, чтобы быть неспособными к дальнейшим действиям. Они двинулись на север параллельно отступлению Веллингтона; и пока Наполеон (X, Y, Z) находится в самом разгаре своей борьбы с Веллингтоном (A, B, C) при Ватерлоо (W), эта восточная, или прусская, половина (D, Ef) обрушивается на его фланг в (R) в середине дня, и объединенная численность и диспозиция этой двойной атаки сокрушают армию Наполеона до наступления темноты.

Такова в своих самых кратких графических элементах история четырех дней.

Из сказанного нами следует, что все дело сводится к незавершенности успеха Наполеона при Линьи и возможности *отступления на север*, оставленной пруссакам после этого поражения.

Когда мы приступим к изучению деталей этой истории, мы увидим, что это, поражение пруссии при Линьи, было, таким образом, неполным, потому что один из подчиненных Наполеона, Эрлон, из Первого французского армейского корпуса, получил противоречивые приказы и не поступил так, как ему следовало поступить, чтобы превратить битву при Линьи в решающую победу Наполеона. Часть сил Наполеона была таким образом нейтрализована и оставалась бесполезной во время сражения при Линьи, прусская армия бежала, все еще будучи сформированной как боевая сила и все еще способная вновь появиться, как она и появилась в критический момент, два дня спустя, на поле Ватерлоо.

Наступление

Стремительность удара Наполеона с самого начала была омрачена определенными неудачами, а также определенными просчетами. Его левый фланг, состоявший из Первого и Второго армейских корпусов, действительно достиг реки Самбр утром и к полудню овладел мостом Маршьен, но Первый корпус под командованием Эрлона не переправлялся — то есть весь левый фланг не форсировал реку — почти до пяти часов пополудни.

Затем генерал, командовавший передовой дивизией корпуса правой руки - Четвертого корпуса, — привел первый пример того, чего так боялась вся наполеоновская организация, я имею в виду недоверие к судьбе императора и тенденцию вернуться к старым социальным условиям, которые на мгновение вернули бурбоны и которые так скоро они могли вернуть снова, — он дезертировал. Вслед за этим был отдан приказ Четвертому корпусу, или правому крылу, переправиться через реку у Шатле, но он поступил с опозданием (всего в половине четвертого пополудни) и вызвал лишь задержку. На этом восточном конце фронта Наполеона последние люди переправились через реку только на следующий день.

Что касается центра (основных сил армии), то его кавалерия достигла Шарлеруа к десяти часам утра, но произошел досадный несчастный случай: посыльный оставил пехоту немедленно позади без инструкций. Кавалерия была бессильна форсировать мост через реку Самбр, протекающую через город, до появления основных сил, и только после полудня основные силы начали пересекать Самбр по мосту Шарлеруа. Император, вероятно, намеревался вступить в бой сразу же после того, как переправился через реку. Госсели, расположенный к северу, был прочно удержан; и если бы все его люди переправились через Самбру рано после полудня, как он и намеревался, внезапное, так сказать, застигнутое врасплох сражение против передовых частей Первого прусского корпуса дало бы первый пример того детального уничтожения противника, которое планировал Наполеон. Но задержки в продвижении, каким бы быстрым оно ни было, теперь лишили нас такой удачи. Конец светового дня был потрачен на оттеснение головной части Первого прусского корпуса (с потерей чуть более 1000 человек), и когда наступила ночь вечером того четверга, 15 июня, французы удерживали Шарлеруа и все переправы через Самбр, но еще не были в состоянии атаковать в полную силу. На левом фланге Первый корпус был только что за Самбре; на правом, то есть на Четвертом корпусе, некоторые части все еще находились на другом берегу реки; в то время как в центре всему Шестому корпусу, а также определенной части кавалерии, еще предстояло переправиться!

Наполеону не удалось привлечь врага к активным действиям; этот враг отступил к Флерюсу почти невредимым.^[4] Всю настоящую работу, очевидно, пришлось отложить не только до завтра, но и до довольно позднего часа следующего дня, поскольку потребовалось бы некоторое время, чтобы перебросить все французские силы на бельгийскую сторону реки.

Когда это должно было быть сделано, однако, задача на следующий день, в пятницу, было понятно.

Делом Наполеона было обрушиться на любые прусские силы, которые могли быть сосредоточены перед ним и справа от него, и уничтожить их, одновременно сдерживая силами, направленными по брюссельской дороге на Катр Бра, любую попытку Веллингтона и его западной армии присоединиться к пруссакам и спасти их.

Той ночью армия герцога Веллингтона находилась в своих лагерях, не проявляя ни сосредоточенности, ни тревоги, ни о чем не догадываясь. Глава Первого корпуса Веллингтона, молодой принц Оранский, командовавший нидерландцами, покинул свою штаб-квартиру, чтобы отправиться обедать с герцогом в Брюссель.

Мы можем полагать, что Веллингтон, если захотим (в этом нет никакой уверенности), знал уже в три часа пополудни, что французы двинулись. Возможно, было уже около пяти, а может быть, даже и шести. Но независимо от того, в котором часу он получил информацию, совершенно очевидно, что он не имел ни малейшего представления о серьезности момента. Ближе к десяти часам вечера герцог отдал определенные последующие распоряжения. Ранее он отдал общие приказы (которые не предполагали немедленной атаки), командные действия, которые в долгосрочной перспективе привели бы к концентрации, но, хотя эти приказы было приказано выполнять “с возможно меньшей задержкой”, не было и намека на необходимость немедленного дежурства, и указанные посты никоим образом не выдавали острой необходимости продвигать войска на юг и восток на максимальной скорости и избавить пруссаков от удара, который они должны были получить завтра.

Отдав эти общие приказы — приказы, которые не дают представления о близости исхода, — Веллингтон отправился на бал герцогини Ричмонд, в чем беспристрастный историк не может сомневаться, поскольку он не знал о серьезном ударе, который Наполеон едва не нанес в тот самый день и, несомненно, попытается нанести в следующий.

В разгар бала, или, вернее, во время ужина, пришло известие, что французская армия форсировала реку Самбр и даже продвинула свою кавалерию по брюссельской дороге до Катр-Бра.

Герцог, по-видимому, даже тогда не оценил, что это могло означать с точки зрения опасности для пруссаков и даже прорыва всей линии обороны. Он ушел с танцев около двух часов ночи и лег спать.

Ему недолго оставалось пребывать в покое. Четыре часа спустя, при ярком утреннем свете, его разбудил гость с границы, и по его свидетельству мы знаем, что герцог наконец понял, что ему предстоит, и сказал, что его войска должны быть сосредоточены в Катр-Бра.

Другими словами, в *тупятницу* около шести утра Веллингтон с большим опозданием узнал или оценил, что удар вот-вот обрушится на его прусских союзников на юге и востоке и что задачей его армии на западе было быстро прийти на помощь.

Как мы вскоре увидим, он потерпел неудачу; но было бы очень ребяческим суждением со стороны этого великого человека и превосходного генерала-оборонителя принижать его место в истории войн даже на основании таких ошибок, как эти.

Правда, ошибка и задержка были чудовищными и в некотором роде комичными; и если бы Наполеон предпринял во второй половине дня *вчетверг*, как он намеревался, атаку, которая должна была разгромить пруссаков перед ним, ошибка и задержка Веллингтона обошлись бы очень дорого.

Как бы то ни было, задержка самого Наполеона с переправой через Самбру не привела к тому, что ошибка и опоздание Веллингтона не принесли катастрофических плодов. Герцог не смог

прийти на помощь пруссакам. Его войска, разбросанные по всей Западной Бельгии, не подошли вовремя, чтобы предотвратить поражение его союзников при Линьи. Но он выстоял при Катр-Бра; и в последнем сражении, сорок восемь часов спустя, гениальность, с которой он управлялся со своими необстрелянными войсками на хребте Мон-Сен-Жан, свела на нет все его стратегические заблуждения предыдущих дней.

Исходя из этой неразберихи, этой частичной задержки и ошибки со стороны Наполеона, этого незнания Веллингтоном того, что было впереди, - и то, и другое произошло в четверг, 15-го, - мы должны перейти к подробному описанию того утра, пятницы, 16-го, которое, хотя и менее запомнилось в истории, чем день битвы при Ватерлоо, было, во всех военных смыслах, решающим днем кампании.

Мы увидим, что именно неспособность Наполеона в ту пятницу полностью разгромить или, скорее, уничтожить прусские войска при Линьи — неудача, вызванная главным образом сопротивлением соседей Веллингтона при Катр—Бра, - определила окончательное поражение императора в воскресенье при Ватерлоо.

III

РЕШАЮЩИЙ ДЕНЬ

Пятница, 16 июня

Четыре Бра и Линьи

Мы видели, чем было 15 июня в те четыре коротких дня, кульминацией которых должно было стать Ватерлоо. Тот четверг был заполнен быстрым и неожиданным наступлением на центр линии союзников и, следовательно, на то слабое место, где соединялись две половины линии союзников, а именно на Шарлеруа и местность непосредственно к северу от этого города и моста.

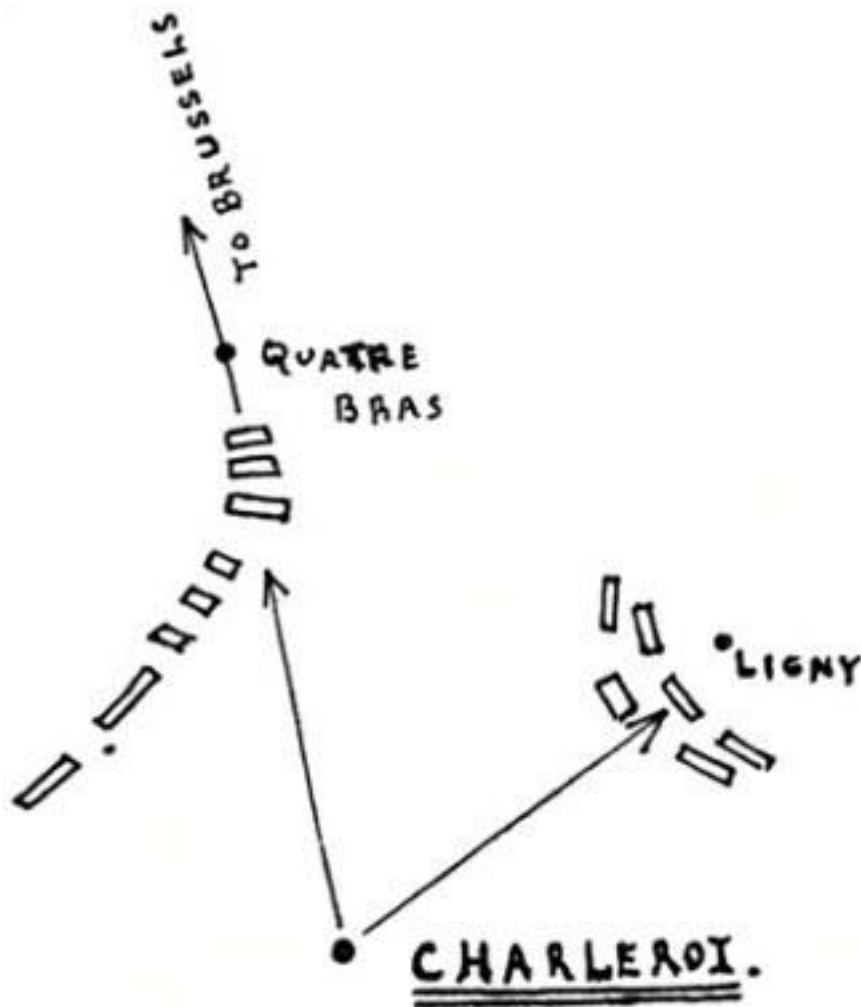
Далее мы видели, что, хотя неожиданность удара была почти такой основательной, какой мог пожелать Наполеон, скорость его нанесения, хотя и значительная, оказалась меньше, чем он ожидал. К вечеру того же дня он переправил через реку Самбр не более трех четвертей своих сил, и этот переход, который планировалось завершить до наступления ночи, растянулся на все утро следующего дня - задержка, последствия которой мы ясно увидим на следующих нескольких страницах.

Намерение Наполеона после форсирования Самбры состояло в том, чтобы разделить свою армию на два отряда: один, левый, должен был быть вверен Нею; другой, правый, - Груши. Резерв, которым император будет командовать лично, должен был состоять в основном составе императорской гвардии.

Левый корпус под командованием Нея должен был двигаться прямо на север по большой брюссельской дороге.

Наполеон справедливо оценил, что застал врага врасплох, хотя и преувеличил степень этого удивления. Он считал возможным, что этот отряд слева под командованием Нея мог бы продвинуться к самому Брюсселю и в любом случае мог бы легко справиться с небольшими и неподготовленными силами, которые он мог бы встретить на своем пути. Его функция в любом случае, независимо от того, оказывалось ли сопротивление незначительным или грозным, заключалась в том, чтобы удержать силы Веллингтона от соединения с Блюхером и пруссаками.

Тем временем правый корпус под командованием Груши должен был обрушиться на крайнюю линию прусских войск и сокрушить ее.

Такое действие против головной части длинного прусского кордона могло привести, как полагал император, лишь к одному из двух результатов: либо подавляющее большинство прусских войск, подошедших, чтобы устранить эту первую катастрофу, потерпело бы полное поражение на месте; или, что более вероятно, оказавшись отрезанным от всякой помощи со стороны войск Веллингтона на западе и его головной отряд был бы сокрушен, длинная прусская линия развернулась бы назад по своим коммуникациям на восток, откуда она пришла.

В любом случае главная цель внезапного наступления Наполеона была бы достигнута; и, когда корпус слева, под командованием Нея, продвигался бы по Брюссельской дороге, а корпус справа, под командованием Груши, оттеснял бы переднюю часть прусской линии на восток, две половины союзников были бы полностью разделены, и позже можно было бы иметь дело с каждой по очереди. Основное неудобство, от которого страдал Наполеон, — тот факт, что у него было немногим более половины людей, чем у его врагов вместе взятых, — было бы нейтрализовано, потому что после разделения этих врагов на две группы он был бы волен иметь дело с любым из них по своему выбору. Их сообщения поступали с диаметрально противоположных направлений,^[5] и, поскольку план каждого из них зависел от сотрудничества другого, их разделение привело бы к путанице и отсутствию плана.

Наполеон во всем этом преувеличивал легкость стоявшей перед ним задачи; но прежде чем мы углубимся в нее, важно, чтобы читатель усвоил определенный характер всех военных дел, неправильно понять который - значит неправильно истолковать историю армий.

Эта характеристика - необходимая неопределенность, в условиях которой находится каждый командир относительно расположения, численности, порядка и информации своих противников.

Это необходимая характеристика любой войны, потому что при ведении войны первоочередной обязанностью является сокрытие от противника вашей численности, вашей дислокации и объема вашей информации. Это долг, который каждый командир всегда будет выполнять в меру своих возможностей.

Поэтому следует отметить, что это характеристика, которую никакое развитие человеческой науки не может уничтожить, поскольку с каждым усовершенствованием наших средств передачи информации мы также расширяем наши знания о средствах, с помощью которых новые средства связи могут быть прерваны. Преимущество над противником в средствах, которыми человек располагает для получения знаний о нем, должно, конечно, всегда иметь первостепенное значение, и когда эти средства новы, та или иная сторона часто на несколько лет опережает новую науку об их использовании. Когда это так, необразованному мнению кажется, что наука изменила эту древнюю и неизменную характеристику, которая заложена в самой природе войны. Но на самом деле такого изменения не произошло. В самых примитивных условиях преимущество такого типа имело первостепенное значение; в условиях наиболее научных и утонченных это преимущество все еще может быть нейтрализовано, если противник научится скрываться так же превосходно, как мы - обнаруживать его. Даже самолет, появление которого на вооружении современной Франции так сильно изменило характер информации, а следовательно, и войны, никогда не сможет устранить фактор, о котором я говорю. Служба, обладающая большим превосходством в этом новом виде войск, конечно, будет хозяином над своим врагом; но когда использование нового вида войск будет распространено и уравнено среди всех европейских вооруженных сил так, что две противоборствующие силы будут равны

даже в этом новом открытии, тогда старый элемент перемещения и контрдвижения, ложный маневр, скрытность и рассчитанное замешательство противника появятся снова.[6]

Таким образом, в целом, указывать на невежество и неверные представления одного командира - это не критика кампании, пока мы не оценим соответствующее невежество и неправильные представления другого. Мы уже видели, как французское наступление почти полностью застало Веллингтона врасплох; мы увидим, как он, даже когда он осознавал его существование, воображал, что оно направлено главным образом против него самого. Мы точно так же увидим, что Наполеон недооценивает прусские силы перед собой и недооценивает даже ту запоздалую информацию, которая достигла Веллингтона вовремя, чтобы он мог направить войска по брюссельской дороге и остановить продвижение французов вдоль нее. Но мы должны судить любого из двух великих противников не по единой картине его собственных заблуждений, а по объединенной картине заблуждений обоих, и особенно по рассмотрению того, каким образом каждый извлек или пытался извлечь результаты этих заблуждений, когда ему было передано истинное представление о расположении противника.

Итак, перед нами Наполеон утром в пятницу, 16 июня, готовый иметь дело с пруссаками. Именно его правому корпусу под командованием Груши поручено это сделать, в то время как он посылает левый корпус под командованием Нея на север, чтобы отбросить или, на худой конец, по крайней мере, сдержать то, что под командованием герцога Веллингтона может быть обнаружено на брюссельской дороге при попытке соединиться с пруссаками.

Общий план того, что произошло в тот решающий день, 16-го числа, достаточно прост.

Левый корпус под командованием Нея продвигается по Брюссельской дороге, встречает большее сопротивление, чем ожидалось, но в целом выполняет свою задачу и препятствует оказанию какой—либо эффективной помощи западной половиной союзников — половиной Веллингтона — восточной половине - прусской половине. Но это лишь затрудняет выполнение этой задачи и приводит к тактическому поражению. Это действие называется *Quatre Bras*.

Тем временем правый корпус в равной степени выполняет элементы своей задачи, вступает в бой с головной частью прусской линии и с чрезвычайным трудом разгромляет ее незадолго до наступления темноты. Это действие называется *Лигни*.

Но незначительное предприятие, проводимое левыми под руководством Нея, только что увенчалось успехом, и успешным только в том смысле, что оно ценой огромных затрат предотвратило соединение Веллингтона с Блюхером. Крупное дело, проведенное правыми, самим Наполеоном, в поддержку Груши, вызывает разочарование. Передний край прусской линии не уничтожен; прусская армия, хотя и разбита, вольна отступить в справедливом порядке и почти в том направлении, которое она выберет.

Конечным результатом является то, что Веллингтону и Блюхеру удастся осуществить свое соединение послезавтра при Линьи и Катр-Бра и, таким образом, нанести поражение Наполеону при Ватерлоо.

Итак, почему обе эти операции, Катр-Бра и Линьи, оказались не совсем успешными? Отчасти потому, что вдоль брюссельской дороги было оказано большее сопротивление, чем ожидал

Наполеон, и перед ним оказались гораздо большие силы пруссаков, чем он ожидал;но гораздо больше потому, что целый французский армейский корпус, который, будь он в действии, мог бы на треть увеличить силы правого или левого крыла, выбыл из строя на весь день; и бесцельно бродил по пустой зоне, отделявшей Нея от Груши, Катр-Бра от Линьи, левую половину разделенной армии Наполеона от ее правой половины.

Именно это предотвратило то, что могло бы быть возможным, — оттеснение Веллингтона по брюссельской дороге и даже, возможно, дезорганизацию его войск. Именно это упустило то, что в противном случае было, безусловно, возможно, — полное крушение прусской армии.

Этот армейский корпус, брошенный таким образом без использования в часы бесцельных маршей и контрмаршей, был Первым армейским корпусом. Ее командиром был Эрлон; и огромная ошибка или фатальный исход, позволивший Эрлону и его 20 000 человек 16 июня оказаться столь же бесполезными, как если бы они были уничтожены в результате какого-то поражения, - вот что делает 16 июня решающим днем кампании.

Именно неспособность Эрлона присутствовать *либо* с Неем, *либо* с Груши, *либо* слева, *либо* справа, *либо* при Катр—Бра, *либо* при Линьи, в то время как каждое из этих двух действий было под вопросом, позволила войскам Веллингтона остаться непобежденными на западе, пруссакам отступить — не целыми, но все же целой армией - с востока, и обоим объединиться послезавтра, в воскресенье, и разгромить французскую армию при Ватерлоо.

Все зависит от ошибки или несчастья Эрлона, и в пятницу 16 июня на пустых полях между Катр-Бра и Линьи судьба армии Наполеона была решена в гораздо большей степени, чем в знаменитое воскресенье при Ватерлоо.

Чтобы прояснить это, давайте сначала проследим за тем, что произошло в операциях правого крыла Наполеона против противостоявших ему пруссаков, — операциях, которые носят в истории название “Битва при Линьи”.

ЛИНЬИ

“Если они будут сражаться здесь, их жестоко покалечат.”

(Слова Веллингтона при виде оборонительных позиций, выбранных пруссаками в Линьи.)

Наполеон воображал, что, когда он форсирует Самбру с основной частью своих сил, внезапность его атаки (ибо, хотя она и была замедленной, как мы видели, и хотя войска были оставлены не на том берегу реки, она была внезапной) застанет прусские войска на исходных позициях, где, как он знал, они находились до его марша. Он не думал, что у них еще было время, а тем более намерение, сконцентрироваться. Эти исходные позиции ясно видны на карте на стр.41.

124 000 человек и более, находившиеся под верховным командованием Блюхера, были распределены перед началом атаки по всей протяженной линии от Льежа до Шарлеруа и располагались равномерно слева направо в составе четырех армейских корпусов.

Штаб-квартира первого из них находилась в самом Шарлеруа, его самый дальний форпост находился всего в пяти милях к востоку от города, центром трех его бригад был Шарлеруа; его

резервная кавалерия находилась в Сомбреффе, резервная артиллерия - в Жамблу. Штаб Второго корпуса находился в двадцати милях к востоку, в Намюре, и занимал посты в сельской местности вплоть до Ханнута (в тридцати милях от Шарлеруа).

Штаб-квартира Третьего корпуса находилась в Синее в Арденнах и была разбросана на различных постах по всему этому лесу, его самый дальний пункт расквартирования находился не ближе Динана, который поединственной доступной хорошей дороге находился милях в сорока-тридцати от точки атаки Наполеона.

Наконец, Четвертый корпус находился так же далеко, как Льеж (примерно в пятидесяти-сорока милях по дороге от последнего расквартирования Первого корпуса), и его различные подразделения были разбросаны по окрестностям этого города.

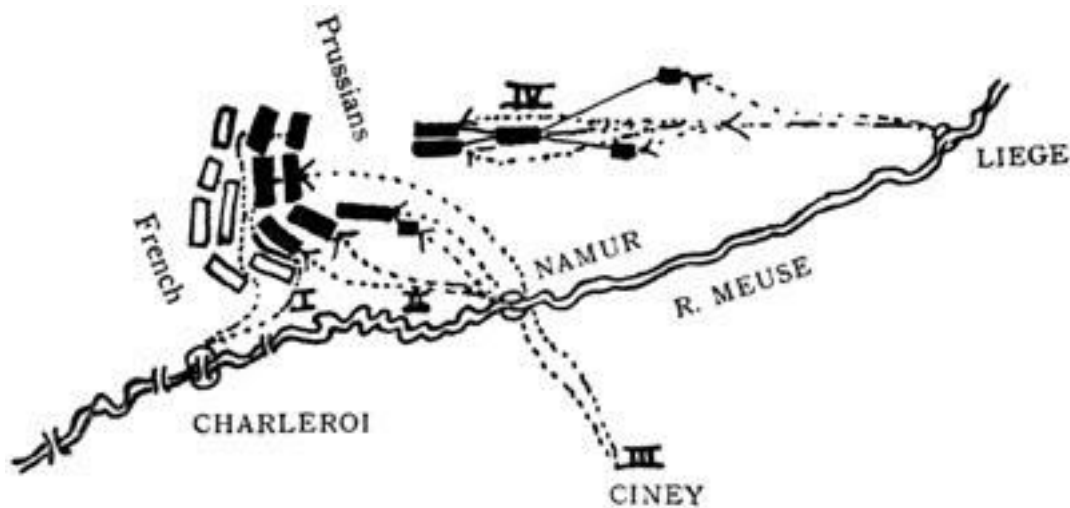
Поэтому Наполеон, внезапно атакуя Шарлеруа, воображал, что ему придется иметь дело только с Первым корпусом в Шарлеруа и его окрестностях. Он не думал, что остальные три корпуса вовремя получили информацию, которая позволила бы им продвинуться на запад, к концу линии фронта, и встретить его. Аванпосты Первого корпуса, конечно, отступили перед наступлением великой армии императора; он знал, что основная масса этого Первого корпуса находилась сегодня утром 16-го примерно в миле или двух к северо-востоку от Флерюса, на пересечении большой дороги, ведущей из Шарлеруа в Жамблу. Самое большее, и предположив, что этот Первый корпус (насчитывавший 33 000 человек под командованием Зитена) получил подкрепление с ближайших постов Второго и Третьего корпусов, Наполеон не думал, что он может иметь перед собой самое большее около 40 000 человек.

Он ошибался. Среди прусских лидеров было условлено, что сопротивление Наполеону, когда для этого может представиться случай, должно быть оказано в районе перекрестка дорог, где дорога из Шарлеруа в Жамблу пересекается с дорогой из Нивеля в Намюр. Другими словами, они были готовы стоять и сражаться между Сомбреффом и деревней Линьи. План был подготовлен задолго до этого. Весь Первый корпус с утра находился на позициях, ожидая атаки императора. Второй корпус находился в движении уже несколько часов и все утро продвигался маршем. Как и Третий корпус, стоявший за этим. Сам Блюхер прибыл на поле битвы за день до этого (15-го) и написал оттуда своему государю, что он полностью готов к действиям на следующий день.

Действительно, Блюхер 15-го числа уверенно ожидал победы и окончания кампании тут же. Он имел на это право, поскольку наступление Наполеона было встречено такой быстрой концентрацией, что вскоре после полудня в ту пятницу, 16-го, и до того, как прозвучали первые выстрелы, более 80 000 человек были подтянуты, чтобы принять удар правого фланга Наполеона. Но все говорило о том, что правое крыло, даже когда запоздалые французские войска за Самброй наконец переправились через эту реку, и даже когда император подтянул гвардию и резерв, насчитывало всего 63 000 человек. Предположив, что французы могли использовать каждого человека, чего на самом деле не было, они насчитали всего от семи до девяти своих противников. И девятерым пришлось обороняться; семерым пришлось взять на себя задачу нападения.

Было уже поздно за день до начала сражения. Наполеон достиг Флерюса около десяти часов утра, но прошло еще четыре часа, прежде чем он переправил все свои войска через реку, и к тому времени, когда он сделал это, произошли две вещи. Во-первых, герцог Веллингтон

(который, как мы увидим позже, прибыл в то утро в Катр-Бра и написал Блюхеру, сообщив ему о своем прибытии) лично отправился на прусские позиции и обсудил дела возле ветряной мельницы Бюсси с прусским главнокомандующим. В этом разговоре Веллингтон, несомненно, пообещал осуществить, если сможет, соединение с пруссаками в течение второй половины дня. Даже без этой помощи Блюхер был вполне уверен в победе; с ней он мог быть совершенно уверен.

Увеличенное изображение

Концентрация войск пруссаков перед Линьи, показывающая соединение Первого, Второго и Третьего корпусов утром 16 июня, и неспособность Четвертого корпуса подойти вовремя.

Как оказалось, Веллингтон оказался не в состоянии осуществить свой союз с Блюхером. Ней, как мы увидим позже, встретил на брюссельской дороге гораздо более ожесточенное сопротивление, чем он предполагал, но Веллингтон также был удивлен, обнаружив, какой силы были французские войска под командованием Нея в Катр-Бра. Веллингтон, как мы увидим, выстоял 16 июня, но был совершенно неспособен прийти на помощь Блюхеру, когда ожидаемая победа этого генерала обернулась поражением.

Вторым событием, произошедшим в те часы, было открытие Наполеоном того, что прусские войска, собирающиеся выступить против него перед Линьи, будут представлять собой гораздо больше, чем один корпус. Это больше походило на всю прусскую армию. Это было, действительно, три четверти этой армии, поскольку она состояла из Первого, Второго и Третьего корпусов. Только Четвертая, со штаб-квартирой в далеком Льеже, не смогла прибыть вовремя. Этот Четвертый корпус также присутствовал бы и, вероятно, склонил бы чашу весов в

пользу пруссаков, если бы приказы штаба были разосланы своевременно и переданы с достаточной оперативностью. Как бы то ни было, его самые передовые подразделения в ходе боевых действий продвинулись на запад не дальше, чем примерно на полпути между Льежем и полем боя.

Наполеону удалось с некоторой легкостью обнаружить огромные силы, которые сосредоточились против него, исходя из того факта, что эти силы были сосредоточены на неудачной позиции. Веллингтон, величайший генерал-оборонец своего времени, сразу обнаружил эту слабость в выбранном Блюхером поле боя, и это открытие вызвало восклицание, стоящее во главе этого раздела. Холмистая местность, занятая прусской армией, была открыта регулярным простором вниз, к высотам, на которых расположились французы, и прусская армия, когда она разворачивалась, полностью находилась в поле зрения своего противника. Ничего не было скрыто; и еще одним результатом было то, что, как заметил сам Наполеон, вся артиллерийская работа французской стороны была прекращена. Если бы снаряд не попал в передовые позиции прусской армии, он обязательно попал бы в ряды позади них.

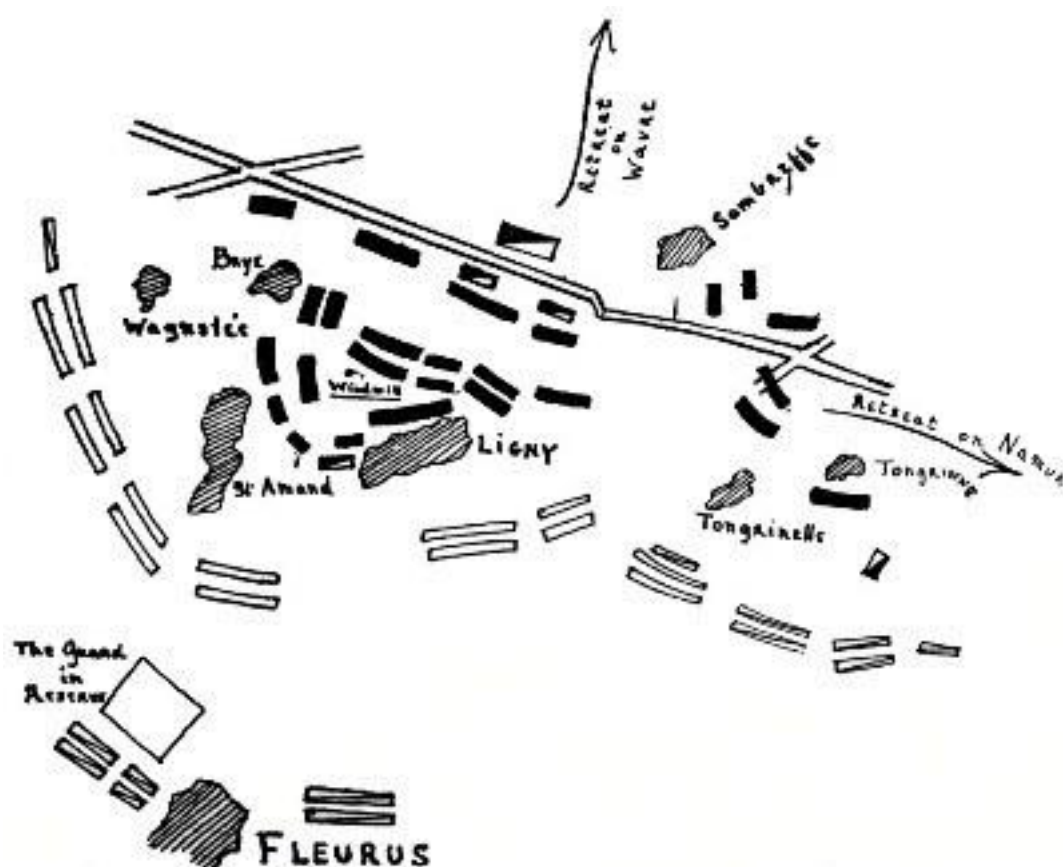
Это открытие, что перед ним не один корпус, а целая армия, казалось Наполеону преимуществом при одном условии. Новое развитие событий, при этом единственном условии, дало бы ему, если бы его войска были того качества, каким он их оценивал, полную победу над объединенными силами пруссии и вполне могло бы завершить кампанию в тот же день и в том же месте. Этим единственным условием была возможность заставить Нея слева или, по крайней мере, какую-то часть сил Нея оставить задачу сдерживания Веллингтона, ударить во фланг пруссакам с севера и запада, окружить их и, таким образом, совместно с войсками самого Наполеона полностью уничтожить три прусских армейских корпуса.

Если бы это условие было выполнено, кампания действительно завершилась бы решительно в пользу Наполеона, и, как он выразился знаменитой фразой, “ни одно ружье” противостоящей ему армии “не ускользнуло бы”.

К несчастью для императора, это единственное условие выполнено не было. 63 000 французов правого крыла под командованием Наполеона действительно разгромили и прогнали противостоявших им 80 000 человек. Но эта армия противника не была уничтожена; ее не удалось сдержать; она оставалась организованной для дальнейших боевых действий и выжила, чтобы решить проблему Ватерлоо.

Чтобы оценить идею Наполеона и то, как она могла бы увенчаться успехом, пусть читатель рассмотрит диспозицию битвы при Линьи.

Поле битвы, названное в истории в честь деревни Линьи, состоит из нескольких коммун, центральной из которых является эта деревня. Прусская армия удерживала деревни, отмеченные на карте названиями Тонгринель и Тонгринн, к востоку от Линьи; она удерживала Брай, Сент-Аман и Вагнеле на востоке. Он удерживал также высоты позади большой дороги, ведущей из Нивеля в Намюр. Когда Наполеон, наконец, перебросил свои последние войска из-за Самбры на поле боя, что произошло только в два часа пополудни, разработанный им план состоял в том, чтобы удержать прусский левый фланг и центр энергичной атакой, то есть прижать пруссаков к Тонгринну, Тонгринелле и Линьи, в то время как на другом фронте, восточном и южном фронте пруссаков, другая энергичная атака должна была отбросить их от Ваньеле и Сен-Амана.

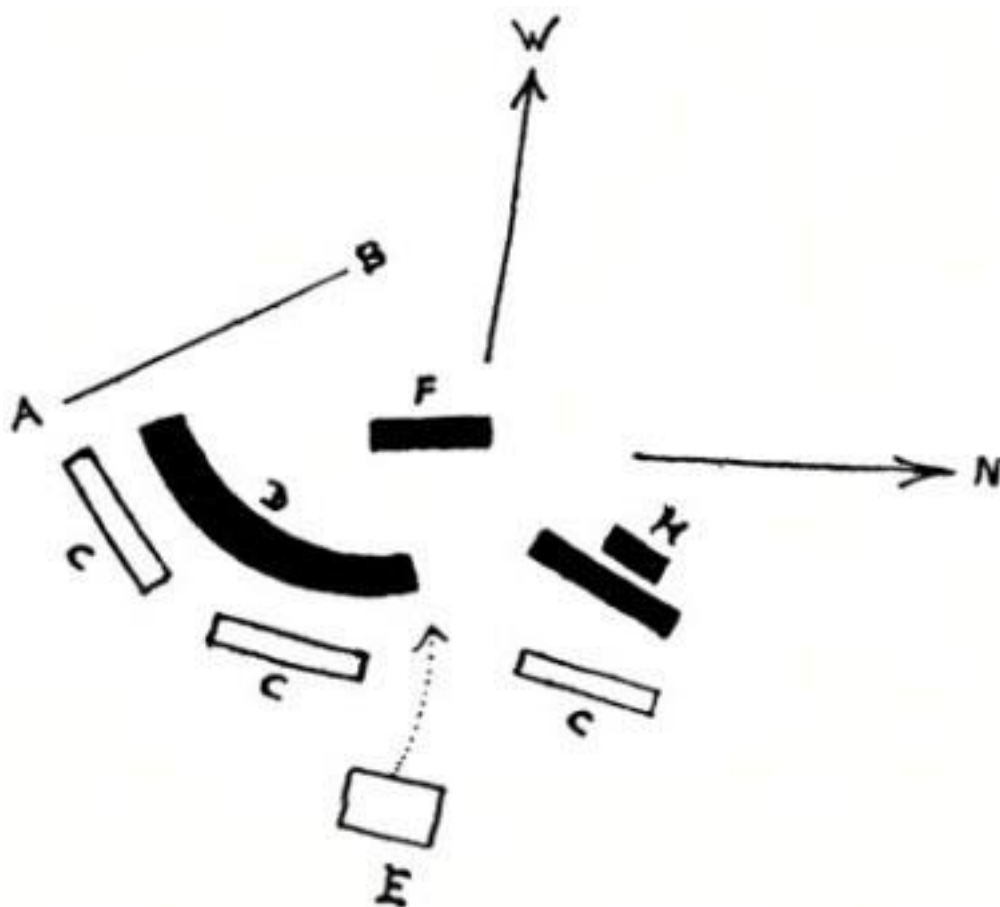

Увеличенное изображение

План можно уточнить, рассмотрев элементы сражения в том виде, в каком они нанесены на карту поверх листа. Войска Наполеона в Сс Сс должны были удерживать прусский левый фланг у Н, атаковать прусский правый фланг у D, оставив гвардию у E в резерве для последнего удара.

Удерживая таким образом пруссаков у Н и тесня их у D, он начал бы загонять их обратно, и для этого требовалось всего лишь прибытие на поле боя свежих французских сил, атакующих пруссаков вдоль АВ, чтобы уничтожить сдерживаемые таким образом силы. Что касается этих свежих сил, то Наполеон полагался на новые и измененные инструкции, которые он отправил Ней, когда увидел численность прусских войск перед собой. Во время главного наступления Наполеона какая-то часть сил Ней, а если возможно, и все они целиком, должны были неожиданно появиться с севера и запада, промаршировать по полям между Вагнеле и дорогой Нивель-Намюр и зайти севернее противника со стороны пункта АВ, чтобы атаковать его не только во фланг, но и в тыл. Тогда он не смог бы отступить в направлении Вавра (W) — разбитые

остатки могли бы убежать в сторону Намюра (N). Но более вероятно, что все силы будут задержаны и уничтожены.

Элементы Лигни.

Предположим, что 63 000 человек Наполеона показали бы себя способными сдержать, не говоря уже о частичном вытеснении, 80 000 человек, находившихся перед ними, внезапное и неожиданное появление новых сил в разгар сражения, добавляющих еще двадцать или тридцать тысяч к уже задействованным французским войскам, заходящих с фланга и распространяющихся в тыл прусскому войску, неизбежно уничтожило бы это войско, и, повторяя знаменитое восклицание Наполеона, “ни одна пушка не уцелела бы”.

Читатель может спросить: “Если этот план победы был настолько очевиден, почему Наполеон послал Нея с отдельным левым крылом численностью от сорока до пятидесяти тысяч человек в направлении Катр-Бра?”

Ответ таков: когда накануне, в четверг, Наполеон составлял эту диспозицию и отдавал ее в качестве общего приказа на ту пятницу, он предполагал, что перед ним будет только один корпус пруссаков.

Правого крыла, с которым оставался сам император, насчитывавшего, как мы видели, около 63 000 человек, было бы вполне достаточно, чтобы справиться с этим одним прусским корпусом; и он направил такие большие силы под командованием Нея вверх по брюссельской дороге не потому, что он полагал, что они встретят серьезное сопротивление, а потому, что это должно было стать направлением его главного наступления, и он намеревался занять город Брюссель при первой же возможности. Разобравшись с единственным прусским корпусом, как он сначала предполагал, перед Флерюсом, он намеревался в тот же вечер лично вернуться на брюссельскую дорогу и вместе с Неем провести решающие операции против половины союзников Веллингтона, которые тогда, конечно, оказались бы в безнадежном меньшинстве.

Но когда вскоре после полудня пятницы Наполеон увидел, что ему приходится иметь дело почти со всей прусской армией, он понял, что огромные силы под командованием Нея будут потрачены впустую там, на западе, — при условии, что они встретят небольшое сопротивление, — и их гораздо лучше использовать для достижения сокрушительной победы над пруссаками. Добиться такой победы, не беспокоясь о силах герцога Веллингтона на западе, было бы вполне достаточно, чтобы решить исход кампании в пользу французов.

Уже в два часа дня Нею была отправлена записка, призывающая его, после того как он преодолеет столь незначительное сопротивление, какое император ожидал встретить на брюссельской дороге, вернуться и помочь окружить прусские войска, на которые император собирался напасть. В тот час Наполеону было еще не совсем ясно, насколько на самом деле велики прусские силы. Таким образом, это первое послание Нею, к сожалению, было не таким энергичным, каким могло бы быть; хотя, даже если бы оно было настолько энергичным, насколько это было возможно, Ней, столкнувшийся с неожиданным сопротивлением на брюссельской дороге, определенно не смог бы прийти на помощь Наполеону со всеми своими силами. Однако он мог бы пощадить часть его, и эта часть, как мы увидим позже, была бы, очевидно, корпусом Эрлона — Первым. Чуть более часа спустя, примерно в четверть четвертого, когда Наполеон только что вступил в сражение с пруссаками, он получил записку от Нея, в которой сообщалось, что левое крыло встречает значительное сопротивление и едва ли может оставить место, где оно вступило в бой перед Катр-Бра, чтобы напасть на прусский фланг у Линьи. Наполеон прислал ответную ноту, в которой говорилось, что, тем не менее, необходимо приложить усилия любой ценой, чтобы направить войска Нея к нему для атаки на прусский фланг, поскольку такая атака означала бы победу в большом решающем сражении.

Расстояние, на которое приходилось переносить эти записки туда-сюда, от Наполеона к Ней, составляло не более пяти миль. Следовательно, после своего последнего послания император мог справедливо ожидать, что ближе к середине дня — скажем, в половине шестого или в шесть — на северо-западном горизонте появятся войска и двинутся ему на помощь. В свое время такие войска действительно появились; насколько безрезультатно, будет моим делом зафиксировать.

Тем временем Наполеон начал сражение при Линьи по своему обычному сигналу тремя пушечными выстрелами, и между тремя и четырьмя часами дня фронт всей армии был занят. В течение многих часов это были просто бои молотом и наковальней, французы не производили

особого впечатления на своем правом фланге у Линьи или деревень к востоку от него, но отчаянно сражались за Сент-Аман и Вагнеле. Такой ход событий был частью плана Наполеона, поскольку он решил, как я уже говорил, только удерживать левый фланг пруссии, нанести сильнейший удар справа от нее и, когда его подкрепление подойдет из Нея, повернуть этот фланг вправо, окружить его и таким образом уничтожить всю прусскую армию.

Эти деревни на правом фланге пруссии были взяты и отвоеваны в результате серии яростных атак и контратак, описывать которые было бы столь же утомительно, сколь и невыносимо терпеть.

Вся эта нерешительная, но яростная борьба за линию деревень (ни одна из которых еще не была окончательно захвачена французами) длилась более двух часов. Было уже далеко за пять часов, когда вдаль, под заходящим солнцем, показался новый крупный отряд войск, продвигавшийся на восток, как будто для того, чтобы достичь того пункта между Ванье и Сент-Амандом, где левый фланг французских войск боролся за господство с правым флангом пруссаков. На мгновение не было уверенности в том, что это за далекая наступающая сила. Но вскоре, как раз когда на мгновение показалось, что фортуна благоприятствует численному превосходству Блюхера и французская линия фронта сдает позиции, император узнал, что таким образом приближается его Первый армейский корпус под командованием Эрлона.

В этот момент — около шести часов вечера — Наполеон, должно быть, поверил, что его новый и быстро составленный в тот день план с его срочными записками в Катр-Бра и призывом о подкреплении принес плоды; по крайней мере, часть командования Нея была выделена, как казалось, для нанесения той последней и неожиданной атаки на прусский фланг, которая была краеугольным камнем всего плана.

Одновременно с известием о том, что эти далекие наступающие тысячи были его собственными людьми и превратят эту сомнительную битву в решающую победу императора, пришло известие — необъяснимое, необъяснимо — что войска Эрлона дальше продвигаться не будут! Эта огромная группа людей, изолированная в пустынных полях на западе, это подкрепление, от которого зависела судьба Наполеона и французской армии, не приближалась. При наблюдении с такого расстояния могло показаться, что они ненадолго остановились. Вскоре стало очевидно, что они действительно удаляются. Они снова вернулись назад, вернувшись по своим следам за западный горизонт, и были потеряны в великой борьбе с пруссаками. Почему был предпринят этот удивительный контрмарш со всеми его катастрофическими последствиями, будет обсуждаться позже. Достаточно отметить, что это сделало невозможной ту решающую победу, которую Наполеон на мгновение удержал в пределах своей досягаемости. Его находчивость при таком разочаровании удивительно иллюстрирует природу его ума.

Еще до появления каких-либо признаков приближающейся помощи император решил, что, если его оставят одного принимать решение, если судьба не позволит ему окружить и уничтожить прусские войска, он может, по крайней мере, выбить их с поля боя с большими потерями и, насколько это возможно, деморализовать. В долгом сражении во второй половине дня он намеревался лишь потеснить линию фронта пруссии, ожидая сил, которые должны были завершить ее окружение; поскольку этих сил ему теперь не хватало, он решил изменить свой план, использовать свои резервы, гвардию и направить лучшую боевую технику, которая у него была, подобно острию копья, в центр прусских позиций. Поскольку он не мог поймать, он пытался прорваться.

Поскольку надежда на помощь от Первого корпуса Эрлона постепенно исчезала, он выбрал этот курс. Этого было недостаточно. Он не мог надеяться, что с его помощью удастся полностью уничтожить своего врага. Но он мог выгнать его с поля боя и, возможно, деморализовать или настолько ослабить поражением, что он останется калеккой.

Как раз в то время, когда Наполеон решил нанести удар в центр прусского фланга, Блюхер, воодушевленный своими недавними успехами на правом фланге и частичным захватом деревни Сен-Аман, отвел войска из этого центра, чтобы развить свое преимущество. Это был неподходящий момент. Пока Блюхер, таким образом, направлялся с основной массой своих людей к Сент—Аманду, Старая гвардия с тяжелой кавалерией гвардии, а также кавалерия Мийо — весь резерв Наполеона - остановились напротив деревни Линьи для последнего штурма.

Почти все орудия гвардии и все орудия Четвертого корпуса обрушились на деревню, готовясь к штурму, и в этот критический момент сражения, словно для того, чтобы подчеркнуть его характер, над сражающимися разразилась сильная гроза, и в этот поздний час (было около семи) вечернее небо потемнело.

Именно под шум и ливень этой бури был предпринят штурм, прусский центр был прорван, а Линьи взят.

Когда тучи рассеялись, незадолго до захода солнца, этот сильнейший ветеранский корпус армии Наполеона сделал свое дело. Линьи понесли и удерживали. Прусский строй, состоявший из выпуклой линии, теперь представлял собой линию, загнутую внутрь в своем центре и почти сломанную.

Блюхер быстро вернулся с правого фланга навстречу опасности. Он атаковал во главе своих уланов. Голова французской гвардейской колонны сдерживала свой огонь до тех пор, пока конница не оказалась почти рядом с ними; затем, залп за залпом на расстоянии броска камня, они разбили эту кавалерию, которую, в свою очередь, французские кирасиры атаковали, когда она бежала, и уничтожили ее. Собственная лошадь Блюхера была подстрелена под ним, уланский полковник взят в плен, весь прусский центр пришел в беспорядок и был в замешательстве оттеснен к дороге Нивель-Намюр.

Наступила темнота, и больше ничего нельзя было сделать. Поле боя действительно было выиграно, но прусская армия все еще оставалась организацией и силой. Она понесла большие потери в сдаче, бегстве и падении, но ее основная часть все еще была организована. Она была вынуждена отступить в темноте, но оставалась готовой, когда потребуется время, появиться снова. Он сохранял свой порядок до конца французского натиска в течение последних проблесков сумерек; и когда наступила темнота, войска Блюхера, хотя и отступали, отступали компактно и организованно, и основная часть его командования была спасена от врага и доступна для дальнейших действий.

Так завершилась битва при Линьи, славная для императора, который добился такого большого успеха вопреки большим шансам и после самого жаркого боя; но его полный план потерпел неудачу, поскольку войско перед ним все еще существовало: оно было свободно отступать в любом направлении, на восток или север, по своему выбору. Выбор был сделан с немедленным и победоносным решением: приказ был передан в темноте “Тилли на Вавре”. Прусский штаб не растерялся под ударом своего поражения. Он сохранил четкое представление о кампании с ее оставшимися шансами, и разбитый тогда армейский корпус был сосредоточен на движении на

север. Свежему и неиспользованному Четвертому корпусу было приказано присоединиться к трем другим в *Вавре*, и марш был начат, что позволило Блюхеру сорок часов спустя зайти во фланг французам при Ватерлоо и уничтожить их.

Quatre Bras

Таков был результат долгой дневной работы на правом, или восточном, поле битвы при Линьи, где Наполеон лично командовал.

Несмотря на его призывы, никто не добрался до него с западного поля боя, и Первый корпус только появился поблизости от Наполеона, чтобы снова исчезнуть.

Что происходило на западном поле боя, в трех-четыре милях от нас, что, таким образом, предотвратило, по крайней мере, некоторую часть армии Нея, выйти во фланг пруссакам у Линьи ближе к концу дня и нанести Блюхеру полный урон?

То, что произошло, было медленным, запутанным сражением, известным в истории как битва при Катр-Бра.

Следует помнить, что Наполеон доверил Нейю абсолютное и независимое командование чем-то меньшим, чем половиной всей его армии.^[7]

Он предоставил в свое распоряжение Первый и Второй армейские корпуса под командованием Эрлона и Рейля соответственно — почти 46 000 человек; и к ним он добавил, по запоздалой мысли, восемь полков тяжелой кавалерии под командованием Келлермана.

По замыслу Наполеона, роль этих сил заключалась в том, чтобы просто продвигаться по брюссельской дороге, обходя перед ней влево или на запад, подальше от пруссаков, аванпостов той западной половины союзной армии, которой командовал Веллингтон.

Мы видели, что Наполеон, который, несомненно, быстро и наполовину неожиданно прибыл в точку соединения разрозненных сил Веллингтона и пруссаков, когда он форсировал реку Самбр у Шарлеруа, переоценил свой успех. Он думал, что его враг заметил его продвижение еще меньше, чем на самом деле; он думал, что у этого врага было меньше времени сосредоточиться, чем на самом деле было у него. Таким образом, Наполеон неизбежно пришел к выводу, что его противник сосредоточился в меньшей степени, чем это было на самом деле.

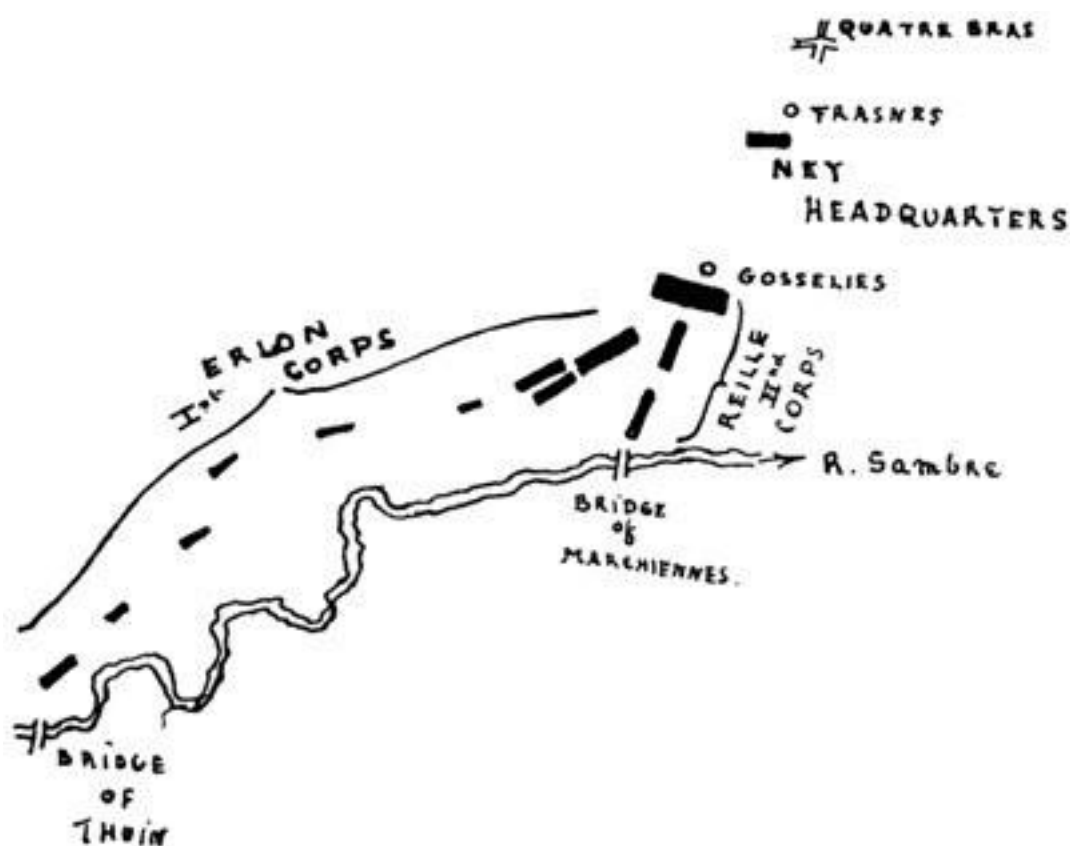
Эта ошибка привела к тому, что в случае с правой армией, которой он сам командовал, ему противостоял не один прусский армейский корпус, а три. Этот несчастный случай не смутил его, поскольку он надеялся превратить его во всеобщее бедствие для пруссаков и воспользоваться их неожиданным сосредоточением для полного разгрома. Но такой план зависел от армии левой руки, или западной, то есть от Брюссельской дороги под командованием Нея, не обнаружив перед собой ничего серьезного. Нейю было бы легче выделить людей, если бы расчет императора относительно сопротивления, которое, вероятно, встретится на брюссельской дороге, оказался неверным. Это было неверно. Это сопротивление было не слабым, а значительным, и Ней не был волен прийти на помощь Наполеону. Как ни запоздала информация, переданная герцогу Веллингтону, и как ни прискорбно, что герцог Веллингтон неправильно понял ее важность, перед Неем на брюссельской дороге оказалось больше, чем

ожидал император. Однако то, что там было, могло быть отброшено назад — это правда, после довольно ожесточенных боев, но без какого—либо риска провала, - если бы не другой фактор в ситуации, которым были собственные просчеты и инертность Нея.

Сам Наполеон позже сказал, что его маршал уже не был тем человеком, каким был после катастроф двухлетней давности; но даже если Ней был таким же бдительным, как всегда, в том, что он делал, должно быть, было столько же недооценки, сколько и отсутствия воли. Он, как и император, думал, что на брюссельской дороге перед ним почти ничего не будет. Но между этими двумя ошибками была разница: Ней был на месте и мог бы выяснить со своими кавалерийскими разведчиками довольно рано утром в пятницу, 16-го, с чем ему действительно пришлось столкнуться. Он предпочитал принимать все как должное, за что и заплатил высокую цену. Он думал, что у него было достаточно времени, чтобы продвигаться на досуге; и, думая об этом, он, должно быть, далее пришел к выводу, что задержаться на той части брюссельской дороги, которая была ближайшей к предстоящим действиям императора на востоке у Линьи, было бы хорошей политикой на случай, если император будет нуждаться в нем там.

В ночь на 15-е Ней сам был во Фрэнесе, в то время как самый дальний из его отрядов находился не ближе, чем у моста Туин через реку Самбр, в шестнадцати милях отсюда. Грубый набросок, напечатанный напротив, показывает, насколько длинной была эта линия, учитывая близость стратегического пункта Катр-Бра, занять который ему предстояло в следующий раз. Второй армейский корпус под командованием Рейля действительно был довольно хорошо подтянут, и все они были в окрестностях Госсели к ночи с 15-го на 16-ю пятницу июня. Но другая половина сил, Первый армейский корпус под командованием Эрлона, была растянута на многие мили дороги позади.

Сосредоточение всех этих 50 000 человек, половина из которых была разбросана на таком большом пространстве, означало обычный дневной марш; и можно было бы подумать, что Ней должен был начать концентрироваться до наступления ночи 15-го. Однако он помнил, что люди были утомлены, он думал, что у него впереди еще много времени, и он не повлиял на их концентрацию. Основная масса Второго армейского корпуса (Рейля) была, как я уже говорил, близ Госсели на рассвете пятницы; но Эрлон с Первым армейским корпусом был не в состоянии подтянуть основную его часть к тому же времени. Он не мог рассчитывать оказаться поблизости от Катр-Бра раньше полудня или часа дня. Но даже к этому элементу задержки из-за его неточности Ней добавил дополнительную задержку из-за несвоевременности заказов.

Увеличенное изображение

Было одиннадцать часов утра той пятницы, 16-го, прежде чем Ней отдал Рейлю четкий приказ выступить; было двенадцать часов, прежде чем голова этого Второго армейского корпуса выступила по большой дороге, чтобы преодолеть четыре или пять миль, отделявших их от штаба Ней во Фрэнсе. Эрлон, лежавший рядом с Рейлем, не мог продвинуться вперед, пока последняя дивизия Рейля не вышла на дорогу. Итак, Эрлон с Первым армейским корпусом не был в колонне и начал наступление головными войсками только после часу дня.

Таким образом, примерно в половине вторые части армейского корпуса Рейля достигли Ней во Фрэнсе, его хвост находится немного дальше от Госсели; в то же время Первый армейский корпус Эрлона марширует колонной через Госсели.

Было бы вполне возможно, ценой небольшой усталости людей, расположить Второй армейский корпус прямо у Фрэнсе и перед ним и развернуть к девяти часам, в то время как армейскому корпусу Эрлона, Первому, идущему за ним в качестве резерва, равному по численности, превосходству и порядку, потребовалось бы утро, чтобы подойти. Другими словами, к середине утра у Ней могло быть более 20 000 человек, готовых к атаке на Катр-Бра, и еще столько же человек на час или два отставали от них и были готовы по прибытии выступить в качестве резерва. На самом деле он ждал со своим единственным батальоном и несколькими всадниками в своем штабе во Фрэнсе, отдавая только те приказы, которые мы видели, и которые привели головные колонны Рейля к нему только в половине второго. Было уже далеко

за два часа, когда войска Рейля развернулись перед Фрэнсом, и этот Второй армейский корпус был готов атаковать позиции у Катр-Бра, которые, по мнению Нея, все еще удерживались очень слабо. Другая половина командования Нея, Первый армейский корпус под командованием Эрлона, все еще находилась далеко по дороге.

С учетом сказанного нам следует рассмотреть стратегическую ценность позиции Катр-Бра, а позже увидеть, насколько прав был Ней, полагая, что она все еще была недостаточно обеспечена защитниками, даже в этот поздний час дня.

Армии должны маршировать по дорогам. В любом случае, армия, идущая по дороге, имеет огромное преимущество перед армией, пытающейся наступать по пересеченной местности; и чем лучше ухожена дорога, тем большее преимущество, при прочих равных условиях, имеет армия, использующая ее, перед другой армией, лишенной возможности ее использовать.

Катр-Бра - это перекресток двух великих дорог. Первая дорога - это главная дорога с севера на юг, ведущая от границы и Шарлеруа к Брюсселю; по этой дороге Наполеон в конечном итоге намеревался провести зачистку, и по этой дороге он шел в то утро 16-го, послав Нея расчистить ему путь. Вторая дорога - это великая дорога на восток и запад от Нивеля до Намюра, которая в июне 1815 года была главной коммуникационной линией, по которой две половины союзников могли соединиться.

Таким образом, захватчик, удерживая Катр-Бра, мог задержать войска, идущие против него с севера, войска, идущие против него с востока, или войска, идущие против него с запада. Он мог предотвратить или, скорее, отсрочить их соединение. Он бы встал между ними.

Но у Катр-Бра есть преимущества, превышающие это простое стратегическое преимущество. Во-первых, он доминирует над всей сельской местностью. Пятачок или холм на высоте 520 футов над уровнем моря, кульминационная точка плато, находится в нескольких ярдах от перекрестка дорог. Стоя там, в нескольких шагах к западу от шоссе, вы смотрите во все стороны на холмистую равнину, самую высокую точку которой вы занимаете на несколько миль вокруг.

Теперь эту позицию “Катр-Бра”, или “Перекресток дорог”, можно легко оборонять от противника, наступающего с юга, как это делали два корпуса под командованием Нея. В 1815 году его оборонять было еще легче.

Большой участок подлеска, вырубаемый поочередно, называемый Лесом Боссю, тянулся вдоль большой дороги из Фрэнса и Шарлеруа, примыкая к этой дороге с запада и образуя прикрытие для войск, которые могли захотеть перекрыть доступ по ней. Местность несколько резко понижается перед перекрестком дорог, ведущим к небольшому ручью, и как раз там, где ручей пересекает дорогу, находится обнесенная стеной ферма Жемонкур, которую можно удерживать как передовую позицию, в то время как перед полями, где когда-то стоял Лес Боссю, находится группа хозяйственных построек под названием Пьерпон. Наконец, тот рукав перекрестка, который выходит на склон, ведущий к Жемонкуру, частично проходил по насыпи, которую можно было использовать для обороны как готовое земляное укрепление.

Теперь давайте посмотрим, какие войска на самом деле присутствовали в ту пятницу утром на стороне союзников для защиты этой позиции от наступления Нея, и какие другие находились достаточно близко по соседству, чтобы выступить на защиту позиции во время боя.

Фактически на месте была только одна дивизия союзников. Это была нидерландская дивизия под командованием Перпончера; и вся она, включая артиллеристов и саперов (с ней почти не было кавалерии[8]), насчитывала менее 8000 человек. Их было очень мало, чтобы удержать расширенную позицию, которую дивизия сразу же заняла. Им предстояло прикрыть фронт протяженностью более 3000 ярдов, не далее двух миль.

Они действительно не знали, что Ней выдвигал против них; сам Веллингтон позже сильно недооценил французские силы в тот день. Теперь, даже если бы у Ней было гораздо меньше людей, чем у него, тем не менее было бы очень рискованно рассредоточить дивизию, как это сделал Перпончер, особенно имея для поддержки не более четырнадцати орудий,[9] но в сложившихся обстоятельствах это оказалось разумным риском. Ней уже колебался и был настроен удивиться любому серьезному сопротивлению. Чем больше завесы будет задержана перед ним, тем лучше для союзников и их карты промедления. Ибо все зависело от времени. Ней, как будет видно, упустил свой шанс на победу из-за крайней медлительности, и в течение дня союзникам приходилось подтягивать подразделение за подразделением, пока к ночи почти 40 000 человек не только успешно удержали Катр-Бра, но и отбросили французов от их атаки на него.

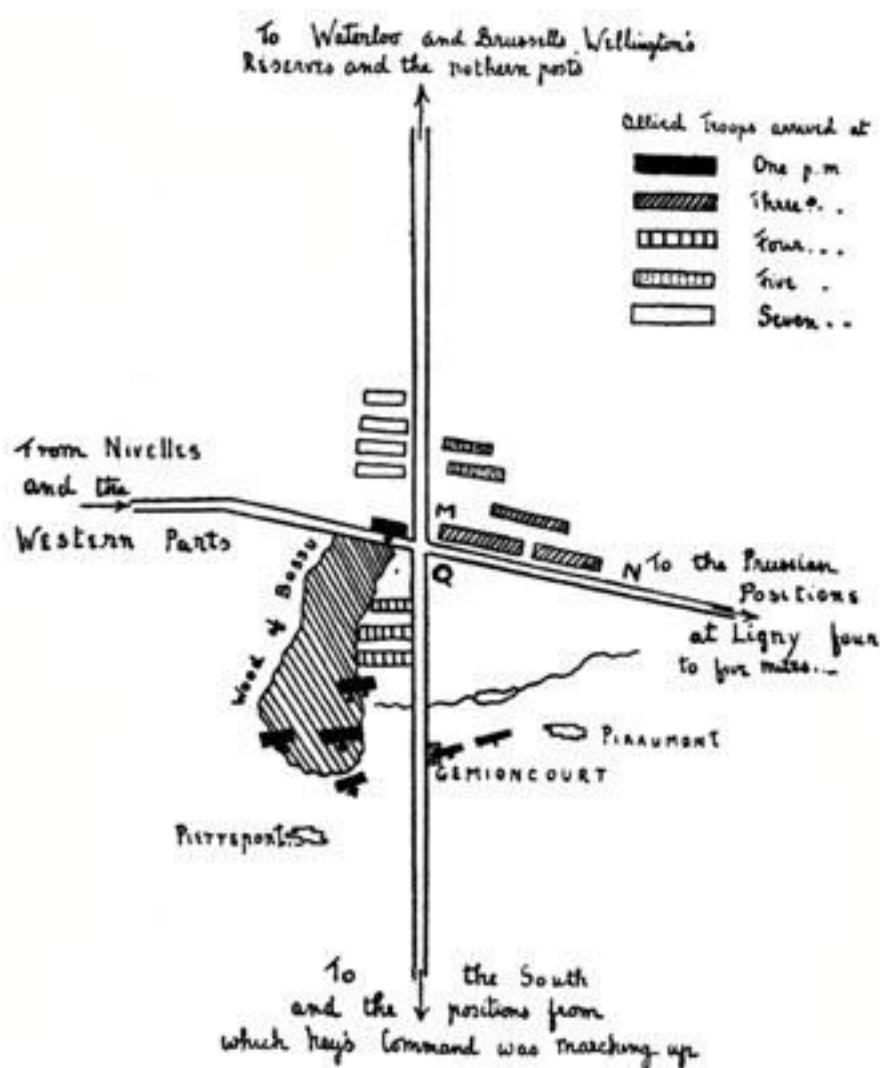
Затем Перпончер поставил батальон и пять орудий перед Жемонкуром, еще один батальон внутри стен фермы, четыре батальона и конную батарею перед лесом Боссю и фермой Пьерпон. Таким образом, большая часть его батальонов была растянута перед позицией Катр Бра, фактическим Перекрестком дорог, где он оставил только два в качестве резерва.

Против голландцев, растянутых таким образом, был отдан французский приказ наступать, и где-то между половиной третьего и без четверти три французская атака началась. Оно было доставлено в Жемонкур и поля справа или к востоку от брюссельской дороги.

Последовавшее за этим действие достаточно просто для понимания по описанию, но его трудно выразить на карте. Это трудно выразить на карте, потому что это состояло в повторяющейся атаке одного фиксированного числа людей против растущего числа людей.

Ней весь тот день бил французскими силами, которые вскоре достигли своего максимума. Позиция, по которой он наносил удары, хотя и удерживалась поначалу силами, значительно уступавшими его собственным, сразу же после этого начала получать подкрепление за подкреплением, пока к концу боя защитники значительно не превосходили численностью атакующих.

В черновом наброске напротив этой страницы я попытался выразить это положение дел на стороне союзников во время сражения, отметив последовательными степенями затемнения тела защитников в том порядке, в котором они наступали, но читатель должен помнить о факторе времени и о том, как в течение всего дня командование Веллингтона в Катр-Бра все увеличивалось и увеличивалось по каплям, по мере того как подразделения маршировали по спешному призыву из различных точек за полем боя. Это постепенное усиление защиты придает действию весь его характер.

Увеличенное изображение

Таким образом, французы начали наступление, продвинувшись вправо или восточнее брюссельской дороги. Они выбили защитников из Жемонкура; они заняли эту укрепленную позицию; они переправились через ручей и начали подниматься к Катр-Бра, когда около трех часов дня Веллингтон, который был в Линьи и обсуждал позицию с Блюхером, подъехал и увидел, насколько критическим был момент.

Через несколько минут первая французская дивизия может оказаться на перекрестке дорог в Кью.

Лес Боссу с удерживающими его четырьмя батальонами еще не был атакован французами, потому что их вторая дивизия из Второго корпуса Рейля (под командованием брата Наполеона Жерома) еще не подошла; Первый корпус Эрлона был все еще далеко, вниз по дороге. Люди из леса Боссу вышли, чтобы попытаться остановить наступление французов. Они были отброшены

французской кавалерией, и как раз в этот момент прибыла дивизия Джерома, атаковавшая южнее леса Боссу и доведшая все силы Нея примерно до 19 000 или 20 000 человек.

Продолжавшееся таким образом французское наступление, несомненно, привело бы к успеху против 8000 голландцев в этот момент в три часа (и суждение Веллингтона о том, что в тот момент ситуация была критической, было слишком обоснованным), если бы именно в этот момент не прибыло первое из его подкреплений.

Бригада голландской кавалерии подошла с запада по Нивельской дороге, и появились три бригады пехоты, спешно двигавшиеся с севера по Брюссельской дороге; две из этих бригад были британскими, под командованием Кемпа и Пака, и они сформировали дивизию Пиктона. Третьей была бригада ганноверцев под командованием Беста. Британцы и ганноверцы выстроились вдоль дороги на Намюр у М. Н., защищенные ее насыпью, стоя на коленях в высокой пшенице и готовые открыть огонь, когда линия атаки противника приблизится на расстояние близкого выстрела из их мушкетов.

Вновь прибывшая голландская кавалерия на другой стороне дороги атаковала наступающих французов, но, в свою очередь, была атакована французской кавалерией, опрокинута и в паническом бегстве пронесла Веллингтона и его штаб через перекресток; но французская кавалерия, в свою очередь, была вынуждена отступить под огнем пехоты, с которой она столкнулась, когда отъехала слишком далеко. Сразу после этого французская пехота, достигнув дороги на Намюр, неожиданно наткнулась на только что прибывших британцев и ганноверцев и была в беспорядке отброшена назад сильным залпом с близкого расстояния с насыпи и глубокого укрытия за ней.

Атака кавалерии и контратака (Джером начал очищать южную часть леса Боссу), сдерживание французов справа от бригады Пиктона и ганноверцев заняли почти час. Было около четырех часов, когда Ней получил первую срочную депешу от Наполеона, в которой ему предписывалось подавить сопротивление противника в Катр-Бра, а затем двигаться на восток, к Линьи, и оказать помощь пруссакам.

Ней не мог повиноваться. Он потратил впустую целое драгоценное утро, и к настоящему времени, ближе к четырем часам пополудни, подошло еще одно подразделение, чтобы усилить мощь обороны и сделать все более сомнительными его шансы овладеть Катр-Бра на перекрестке дорог, отбросить командование Веллингтона, оказаться свободным посылать людей к Наполеону.

Новым подразделением, которое подошло, был корпус герцога Брауншвейгского, и когда он прибыл, Веллингтон впервые имел численное превосходство над единственным корпусом Нея (по-прежнему не было признаков Эрлона), хотя он все еще немного уступал в вооружении.

Однако французское наступление велось энергично. Почти весь лес Боссу был очищен. Брауншвейгцы, посланные вперед по дороге между Катр-Бра и Жемонкуром, были отброшены назад в том, что касается их пехоты; их кавалерия разбилась о французский батальон.

Именно в ходе этой вдвойне безуспешной попытки герцог Брауншвейгский, сын знаменитого генерала предыдущих войн за независимость, пал с простреленным животом. Он умер той ночью в деревне.

Сдерживание этого общего наступления французов по всей линии было снова остановлено английскими войсками вдоль дороги на Намюр. Пиктон воспользовался моментом, приказал перейти в штыковую атаку и погнал французов прямо вниз по долине. Его люди, в свою очередь, были отброшены назад к тому времени, когда они очистили склон, но французам был дан отбой, и они так и не восстановили его. Две ожесточенные кавалерийские атаки французов не смогли прорвать английскую линию, хотя горцы на крайнем правом фланге Пака, недалеко от самого Катр-Бра, были схвачены прежде, чем смогли выстроиться в каре, и вторая фаза сражения закончилась вничью.

Ней упустил возможность, когда противник перед ним был в два раза меньше его собственного; он не смог прорвать их линию обороны, когда подкрепление довело их численность до превосходства над его собственной. Теперь он должен был приступить к гораздо более серьезному делу, поскольку к вечеру появились все основания полагать, что Веллингтон получит еще больше подкреплений, в то время как у Нейя не было ничего, кроме первоначальных 20 000 человек — половины его команды; о приближении Эрлона не было и намека! Еще один час ушел на общее наступление французов и его отражение, которое я только что описал. Было пять часов.

Я прошу читателя сосредоточить свое внимание на этом моменте действия — на нескольких минутах до и после пяти часов. За этот короткий промежуток времени произошел ряд важных событий, о которых следует помнить.

Первое было таково: в этот момент прибыла пара бригад на подкрепление Веллингтону. Они отдали ему 25 процентов. превосходство в людях, а также заметное превосходство в оружии.

Во-вторых, Ней сдерживал боевые действия, ожидая, пока его собственные силы не будут удвоены к прибытию войск Эрлона. Ней сражался все это время, как я уже говорил, только половиной своего командования — Вторым армейским корпусом Рейля. Первый армейский корпус Эрлона составлял вторую половину, и когда он подойдет — а Ней уверенно ожидал, что это произойдет немедленно, — его численность удвоится и увеличится с 20 000 до 40 000 человек. Имея такое превосходство, он мог быть уверен в успехе, даже если, что было вполне вероятно, к линии фронта противника подойдут дополнительные подкрепления. Следует отметить, что Эрлон прибыл так поздно из-за опоздания Нейя с отдачей приказов, но сейчас, в пять часов, голову его колонны могли в любой момент увидеть выходящей из Фрэсна.

В-третьих, пока Ней с таким нетерпением ожидал Эрлона и видел, что силы перед ним все больше и больше превосходят его собственные, пришло еще одно сообщение от Наполеона, в котором Наполеон рассказывал Нейю о том, как обстоят дела в большом сражении, которое происходило в пяти милях отсюда, и снова с максимальной энергией убеждал его сделать то, что было сделано при Катр-Бра, вернуться на восток, ударить во фланг пруссакам у Линьи, и таким образом полностью уничтожить их армию и “спасти Францию”.

Покончить с акцией при Катр-Бра! Но перед Неем уже были превосходящие силы! И они увеличивались! Если бы он захотел повернуть, это означало бы уничтожение его войск или, по крайней мере, то, что его армия и армия Наполеона оказались бы меж двух огней. Он мог просто успеть, когда подойдет Эрлон — а Эрлон, несомненно, должен появиться с минуты на минуту, — он мог просто успеть опрокинуть врага перед собой так быстро, чтобы успеть развернуться и появиться в Линьи до наступления темноты, через три-четыре часа.

Все зависело от Эрлона: —Он *мог!* и в этот самый момент, когда его нетерпение достигло предела и все его ожидания обратились на Фрэснес, откуда должна была появиться голова колонны Эрлона, к Ней подъехал генерал по имени Делькамбр. Он пришел с сообщением. Оно было от Эрлона.... Эрлон свернул с дороги на Катр-Бра; он понял, что в конце концов ему предстояло не присоединиться к Ней, а отправиться на восток и помочь Наполеону! Он свернул на восток направо, пройдя две с половиной мили назад, и к этому времени был уже далеко в том направлении, которое привело бы его к участию в битве при Линьи!

Под ошеломляющим ударом этой новости Ней пришел в ярость. Это означало, возможно, уничтожение его тела, и, безусловно, его поражение. Он сделал две вещи, обе неразумные с точки зрения его собственной битвы, и одну фатальную с точки зрения всей кампании.

Сначала он направил свою резервную кавалерию, совершенно недостаточную по численности для такой безумной попытки, прямо на линию обороны англичан, в отчаянной попытке прорваться через такое численное превосходство одной отчаянной атакой. Во—вторых, он отправил Делькамбре обратно, не рассчитав расстояние или время, с категорическим приказом Эрлону, как своему подчиненному, немедленно возвращаться на поле битвы при Катр—Бра.

Командующим этой кавалерийской атакой был Келлерман. У него была всего одна кирасирская бригада: два кавалерийских полка против 25 000 человек! Это была потрясающая поездка, но она не могла достичь ничего стоящего. Он прогремел вниз по склону, прорвавшись сквозь наступающие английские войска (сбитые с толку ошибочным приказом и еще не построившиеся в каре), изрубил артиллеристов батареи, разбил полк брауншвейгцев у вершины холма и достиг, наконец, перекрестка дорог в Катр-Бра. Пятьсот человек все еще сидели на своих лошадях, когда была достигнута вершина склона. Бригада прорубила полосу прямо в массе обороны; она не прорвала ее полностью.

Некоторые предполагают, что если бы в этот момент гвардейская кавалерия, которая все еще находилась в резерве, последовала за этой первой атакой второй, Ней мог бы достичь своей цели и прорвать линию обороны Веллингтона. Это крайне сомнительно, поскольку численность была совершенно несоразмерна такой задаче. В любом случае, приказ о второй атаке, когда он поступил, поступил с некоторым опозданием. Пятьсот человек, остановившихся на вершине холма, были встречены и разбиты яростным перекрестным огнем с дороги на Намюр справа, из леса Боссу слева, в то время как еще одно подразделение, подошедшее в этой длинной последовательности для усиления обороны, — батарея Королевского германского легиона - открыла по ним картечный огонь. Бедные остатки Лошади Келлермана развернулись и в замешательстве поскакали обратно.

Вторая попытка кавалерийской атаки французского резерва, предпринятая слишком поздно, неизбежно провалилась, и в тот же момент подошло еще одно подкрепление — первая британская гвардейская дивизия и корпус нассауэров с несколькими орудиями, чтобы увеличить теперь уже подавляющее превосходство линии Веллингтона.^[10]

Была даже предпринята попытка наступления со стороны Веллингтона.

По мере того как вечер переходил в закат, а закат — в ночь, это продвижение продвигалось очень медленно и со все возрастающими трудностями - и все это время сбитые с толку силы Нея, которым теперь противостояло примерно вдвое больше, чем им самим, и которые по мере сдачи отвоевывали ярд за ярдом территорию, не получали никаких известий об Эрлоне.

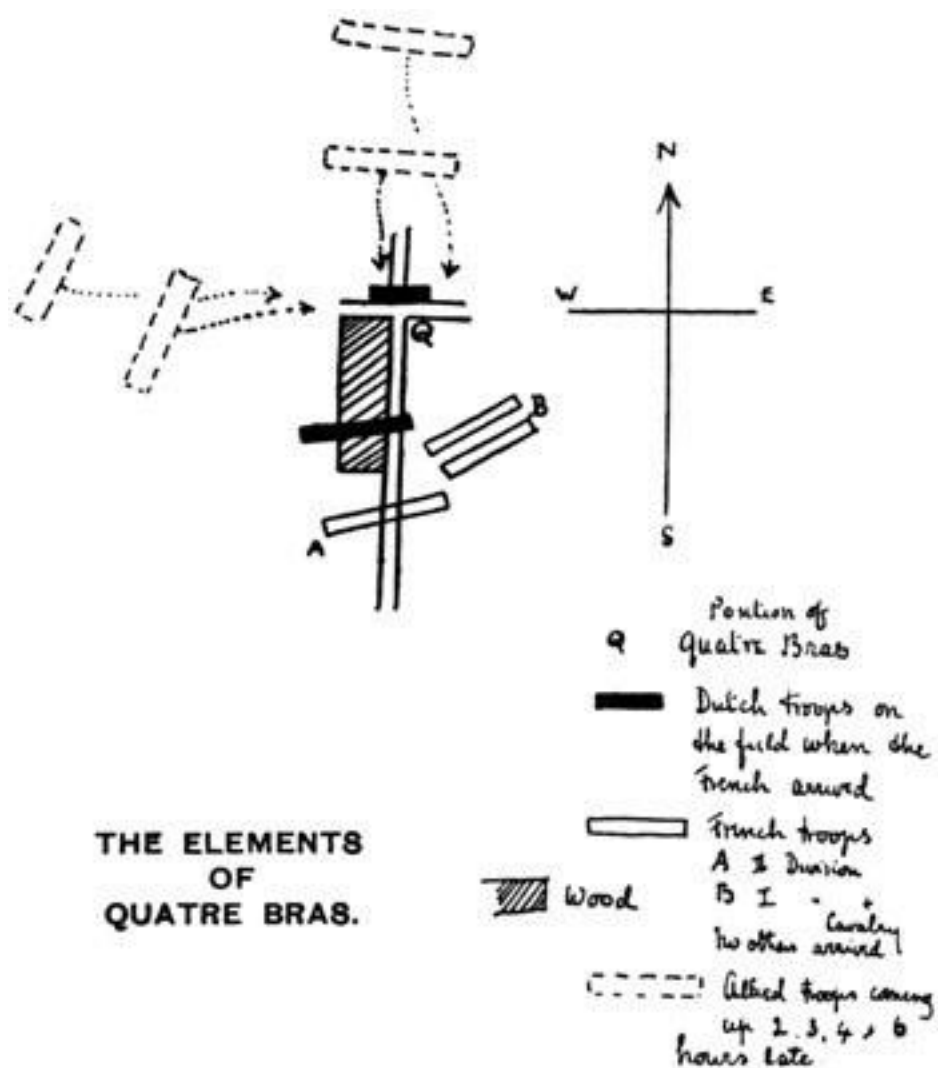
Расчистка леса Боссу правым крылом армии Веллингтона, усиленным недавно прибывшей гвардией, заняла более часа. Столько же времени потребовалось, чтобы оттеснить французский центр обратно к Жемонкуру, и все последние лучи солнца стены фермы отчаянно удерживались. Слева Пьерпонт был точно так же продержан почти час. Солнце уже село, когда гвардейцы выступили из леса Боссю, но были встречены и остановлены яростным артиллерийским огнем Пьерпонта, в то время как остатки кирасир снова атаковали и разбили бельгийский батальон на опушке леса.

К девяти часам стемнело, и бой прекратился. Как только он прекратился, и хотя в последних проблесках света основные объекты пейзажа, группы лесов и отдаленных деревень, все еще можно было смутно различить на фоне мрака, один такой объект, казалось, медленно приближался и двигался. Сначала это было угадано, а затем воспринято как группа людей: голова колонны начала отходить от Фрэсна. Это был Эрлон со своими 20 000, вернувшийся на час позже, чем следовало.

Весь этот критический день прошел, когда Первый корпус вышел из строя. Она не *ни* подошла к Наполеону, чтобы уничтожить пруссаков при Линьи, *ни* вовремя вернулась в контрмарш, чтобы спасти Ней и отбросить Веллингтона при Катр-Бра. С таким же успехом его могло и не существовать, если судить по судьбе французов, и его отсутствие на обоих полях сражений в тот день делало поражение неизбежным в будущем, как будет показано на остальных страницах.

Две вещи бросаются в глаза, когда мы рассматриваем общий итог того критического дня, 16 июня, когда Ней не смог удержать брюссельскую дорогу у Катр-Бра и там отбить наступающие на Брюссель силы противника Веллингтона, и который также стал свидетелем успешного бегства пруссаков из Линьи, бегства, которое должно было позволить им присоединиться к Веллингтону сорок восемь часов спустя и решить проблему Ватерлоо.

Первая - это катастрофическое для французской судьбы значение того, что Эрлон не участвовал в обоих сражениях из-за своего бесполезного марша и контрмарша.

[Увеличенное изображение](#)

Элементы Quatre Bras.

Второе - это необычный способ, с помощью которого командование Веллингтона действовало бессистемно, перебрасываясь частями в течение всего дня, и как это командование было обязано осторожности и опозданию Нея, гораздо больше, чем действиям своего собственного генерала, численным превосходством, которым оно начало пользоваться с самого начала сражения.

Я рассмотрю эти два пункта в их порядке.

Что касается первого:—

Все четыре дня 1815 года и исход самого Ватерлоо были сосредоточены на катастрофическом контрмарше Эрлона между Катр-Бра и Линьи в эту пятницу, 16 июня, которая стала решающим днем войны.

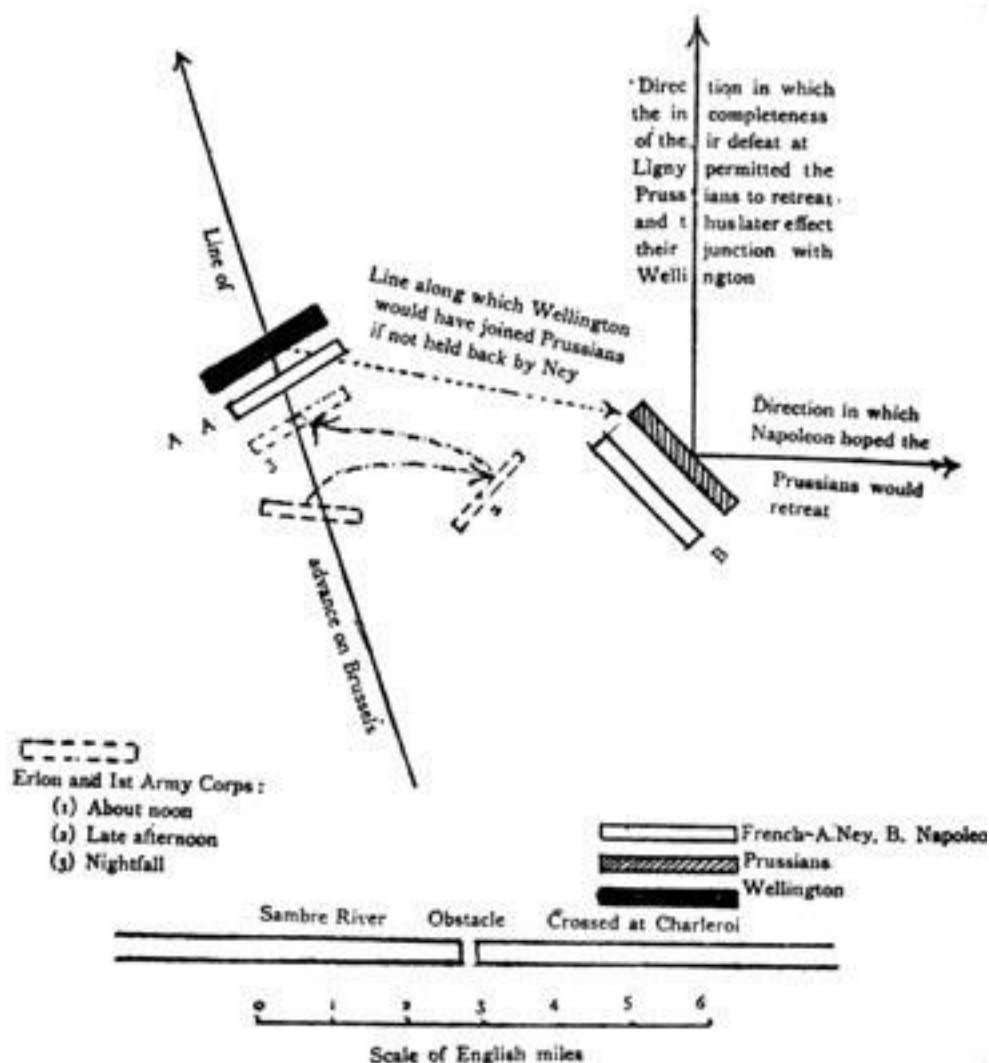
То, что на самом деле *произошло*, было достаточно описано. Бесплезное наступление армейского корпуса Эрлона навстречу Наполеону и правого фланга — бесплезное, потому что оно не было завершено; бесплезный поворот этого армейского корпуса назад к Нею и левого фланга — бесплезный, потому что он не смог вовремя достичь Нея, — вот определяющие факторы того критического момента кампании.

Другими словами, зигзаг Эрлона вывел из строя 20 000 человек Первого корпуса на весь день. Если бы они были с Неем, союзники под командованием Веллингтона при Катр-Бра потерпели бы катастрофу. Если бы они были с Наполеоном, пруссаки в Линьи были бы уничтожены. Как бы то ни было, Первому армейскому корпусу не удалось появиться ни на *том* поле. Веллингтон более чем выстоял; пруссаки при Линьи бежали, чтобы два дня спустя сражаться при Ватерлоо.

Таковы факты, и они объясняют все, что последовало за ними (см. Карту, [следующая страница](#)).

Но для историков справедливо оказалось весьма интересным попытаться выяснить человеческие мотивы и личные случайности, связанные с темпераментом и непониманием, которые привели к такой экстраординарной ошибке, как полная потеря целого армейского корпуса в течение целого дня на площади размером менее пяти на четыре мили.

Именно с целью рассмотрения этих человеческих мотивов и личных происшествий я предлагаю вам эти страницы; ибо, если мы сможем понять ошибку Эрлона, мы восполним единственный оставшийся исторический пробел в истории Ватерлоо и определим истинные причины результата этого действия.

Увеличенное изображение

Есть два способа оценить исторические свидетельства. Первый - это путь юриста: представить доказательства в виде ряда разрозненных единиц, соединить их, а затем проследить за тем, чтобы они были механически собраны воедино; при этом допуская только такие доказательства, которые соответствуют строгим и неизменным правилам нашей конкретной процедуры в судах. Этот способ, как можно было бы заключить из его криминалистического происхождения, особенно приспособлен для получения заранее определенного заключения. Это бесполезно или даже хуже в попытке установить сомнительную истину.

Второй способ - это тот, с помощью которого мы постоянно судим обо всех реальных доказательствах по вопросам, имеющим значение для нас в нашей обычной жизни: способ, которым мы инвестируем деньги, защищаем свою репутацию и оцениваем личный риск или личную выгоду в каждом серьезном случае.

Этот способ заключается в признании любого рода свидетельств, полученных из первых рук, из вторых рук, из третьих рук, документальных, устных, традиционных, и оценке общего эффекта от всего этого не в соответствии с установленными юридическими категориями, а в соответствии с нашим общим жизненным опытом и, в частности, человеческой психологией. Мы в основном зависим от того, как, насколько нам известно, люди ведут себя под влиянием тех или иных эмоций, от того, какую правду или неправду, как мы знаем, они скажут; и к этому мы добавляем рассмотрение физических обстоятельств, законов природы и, следовательно, степеней вероятности, присущих событиям, о которых повествует вся эта масса свидетельств.

Только с помощью этого второго метода, который является методом здравого смысла, можно сделать что угодно из сомнительной исторической точки зрения. Юридический метод сделал бы из истории то, что он делает из правосудия. Чего не дай Бог!

Исторические моменты вызывают сомнение именно потому, что существует конфликт доказательств; а конфликт доказательств может быть надлежащим образом разрешен только путем рассмотрения психологии свидетелей в сочетании с учетом физических обстоятельств, которые ограничивали содержание их показаний.

Если судить по этим стандартам, фатальный марш и контрмарш Эрлона становятся достаточно очевидными.

Его неспособность помочь ни Ней, ни Наполеону не была государственной изменой просто потому, что этот человек не был предателем. Оно исходило исключительно из повиновения приказам; но эти приказы были фатальными, потому что Ней ошибся в оценке как реального состояния двойной борьбы — Катр-Бра, Линьи — так и времени, необходимого для контрмарша. Это я сейчас покажу.

Затем вкратце:—

Эрлон, когда он вел свой армейский корпус на помощь Нею, своему непосредственному начальнику, свернул его с дороги еще до того, как достиг Нея, и повел его навстречу Наполеону.

Почему он это сделал?

Это было потому, что он получил приказ сделать это не от своего непосредственного начальника, Нея лично, а *через приказ Наполеона, который, как он знал, был адресован Нею.*

Когда Эрлон почти добрался до Наполеона, он развернул свой армейский корпус лицом к лицу и снова повел его обратно к Ней.

Зачем он это сделал?

Это произошло потому, что в тот момент он получил *еще один безапелляционный приказ от Нея, своего непосредственного начальника, действовать подобным образом.*

Таково простое и основанное на здравом смысле объяснение мотивов, по которым был предпринят этот роковой ход и контрдвижение, с его бесполезными уходами и наступлениями, с его очевидной нерешительностью, с его реальной строгостью военной дисциплины. Что касается Эрлона, то это было не более чем постоянное повиновение приказам или

предполагаемым приказам, к которым солдат привязан. С ответственностью Нея я разберусь чуть позже.

Позвольте мне сначала прояснить этот вопрос, если смогу, с помощью иллюстрации.

Пожар вспыхнул в стоге рядом с домом фермера и одновременно в сарае в полумиле от него. Фермер посылает десять человек с ведрами для воды и мотором тушить пожар в сарае, в то время как он сам с еще десятью людьми, но без двигателя, ухаживает за стогом. Он дает своему бригадиру, который присматривает за пожаром в сарае, задание отдавать приказы паровозу, и человеку у паровоза приказано обращаться за его приказами к бригадиру, и ни к кому другому. Известно, что бригадир пользуется наибольшим авторитетом у своего хозяина. Едва фермер отдает все эти инструкции, как обнаруживает, что пожар в стоге перекинулся на его дом. Он пускает сарай на самотек и отправляет посыльного к бригадиру со срочной запиской немедленно отправить двигатель домой и рикю. Посыльный находит человека с паровозом на пути к сараю, перехватывает его и сообщает, что фермер отдал приказ бригадиру немедленно доставить паровоз в дом. Парень разворачивается на своем двигателе и направляется к дому, когда поспешно прибывает другой посыльный *непосредственно от бригадира*, приказывая ему любой ценой вернуть двигатель в сарай. Человек с двигателем заводит еще раз, покидает дом, но не может вовремя добраться до сарая, чтобы спасти его. Результатом драки стало то, что сарай сгорел дотла, а пожар в доме фермера потушили только после того, как он нанес серьезный ущерб.

Фермера зовут Наполеон. Его скирда и дом - Линьи. Бригадира зовут Ней, а амбар - Катр-Бра. Человек с двигателем — Эрлон, а двигатель - это командование Эрлона - Первого армейского корпуса.

В сознании Эрлона не было вопроса о *противоречивых* приказах, как, похоже, воображают многие историки; с точки зрения Эрлона, просто был *отмененный* приказ.

Он действительно получил приказ от императора, но получил его только как подчиненный Нея и только, как он предполагал, с ведома и согласия Нея, либо данного, либо готового быть данного. В разгар выполнения этого приказа он получил другой приказ, отменяющий его, исходящий непосредственно от его непосредственного начальника. Он подчинился этому второму приказу так же точно, как подчинился первому.

Таково, несомненно, объяснение происходящего, и Ней - это ум, личность, исторически ответственная за весь бизнес.

Давайте рассмотрим трудности, стоящие на пути принятия этого вывода. Первая трудность заключается в том, что Ней не взял бы на себя смелость отменить приказ Наполеона. Те, кто рассуждает таким образом, не знают ни характера Нея, ни характера сражения при Катр-Бра; и они, безусловно, недооценивают как неразбериху, так и гибкость военных действий. Ней, человек буйного темперамента (как, впрочем, и следовало ожидать при таком мужестве), находился в разгаре отчаянной борьбы при Катр-Бра, когда получил приказ Наполеона оставить свое дело (что на столь позднем этапе было физически невозможно). Почти в тот же момент Ней с большим опозданием получил известие от гонца, которого отправил Эрлон (некий полковник Делькамбр), что Эрлон со своими 20 000 человек — Эрлон, который явно находился в его подчинении, — ушел по касательной и оставил его с явно недостаточными силами, чтобы противостоять быстро растущим войскам Веллингтона. У нас есть достаточно доказательств

того, в какую ярость он пришел, и того факта, что он отослал обратно Делькамбре с абсолютно однозначным приказом Эрлону развернуться и возвращаться в Катр-Бра.

Конечно, если бы война была заводной, если бы у командира не было человеческого характера, если бы не понималась широта суждений в самой природе большого независимого командования, каким в тот день был Ней, если бы перед мысленным взором каждого независимого командира всегда присутствовала точная карта операций и, *в то же время*, план точного расположения всех войск на ней в любой данный момент — если бы все эти кабинетные концепции войны были верны, тогда приказ Нея был бы таким же недисциплинированным по характеру и таким же глупым по намерениям, каким он был. катастрофический по сути.

Но такие концепции неверны. Великим генералам, которым доверены отдельные силы и которым приказано участвовать в крупных действиях вдали от верховного командования, по самой природе своей миссии предоставлена широчайшая свобода суждений. Они совершенно свободны решить, в каких-то отчаянных обстоятельствах, что если бы их начальник знал об этом обстоятельстве, он бы понял, почему его последующий приказ не был выполнен или даже был прямо отменен. Следовательно, то, что Ней должен был послать этот яростный контрзаказ Эрлону, приказав ему немедленно возвращаться, несмотря на первую записку Наполеона, хотя это была грубая ошибка, вполне объяснимо и параллельно многим другим подобным инцидентам, которые разнообразят историю войн. По сути, Ней сказал себе: “Император понятия не имеет о серьезном кризисе в моем конце борьбы, иначе он не отдал бы такого приказа. Во всяком случае, он побеждает; мне действительно грозит поражение; и если я потерплю поражение, войска Веллингтона хлынут вперед, нападут на армию императора с тыла и уничтожат ее. Следовательно, у меня есть право призвать Эрлона обратно”. Таково было обоснование решения Нея. Его страстное настроение сделало остальное.

Вторая и более серьезная трудность заключается в следующем: к тому времени, когда Эрлон получил сообщение о возвращении, было уже так поздно, что он никак не мог доставить свои 20 000 долларов вовремя, чтобы быть полезным Нею в Катр-Бра. Они могли прибыть на поле, как и прибыли на самом деле, только тогда, когда уже стемнело. Утверждается, что генерал на месте Нея быстро рассчитал бы необходимое расстояние и увидел бы, что посылать за своим подчиненным в такой час бесполезно.

Ответ на это предположение двоякий. Во-первых, человек, находящийся под горячим огнем, способен совершать ошибки; а Ней в тот момент, когда он отдавал этот приказ, находился под самым горячим огнем за всю операцию. Во-вторых, он не мог иметь ни малейшего точного представления о том, где на всех этих четырех милях открытых полей позади него может находиться голова колонны Эрлона, и уж тем более о том, где именно Делькамбре найдет ее к тому времени, как прискачет обратно. Миля в любую сторону имела бы решающее значение; если бы Эрлон был где—нибудь достаточно близко; если бы Делькамбр точно знал, где его найти, и поскакал кратчайшим путем - если то и это, все еще могло случиться так, что Эрлон появится незадолго до наступления темноты и решит исход боя в пользу Нея.^[11]

Развернулась значительная дискуссия о том, получал ли Эрлон, как полагают лучшие авторитетные источники, записку, написанную карандашом лично ему императором, в которой ему предписывалось немедленно развернуться и прийти ему, Наполеону, на помощь и своим неожиданным появлением на фланге уничтожить прусскую армию.

В качестве объяснения ложных перемещений Эрлона взад-вперед существование этой записки несущественно. Весомость доказательств говорит в его пользу, и люди будут верить или не верить ему в зависимости от того, как они судят о человеческом характере и мотивах. Для целей драматического рассказа случай с маленькой запиской, написанной карандашом Эрлону, очень ценен, но как разъяснение исторической проблемы он не имеет значения, поскольку, даже если он и получил такую записку, Эрлон получил ее только в связи с общими приказами, которые, как он знал, направлялись к *Ней*, его начальнику.

Суть военной истории в том, что...

(a) Эрлон с Первым корпусом, направлявшийся в тот день днем в Катр—Бра, был перехвачен гонцом, который сообщил ему, что император хочет, чтобы он повернул на восток и шел в Линьи, а не в Катр-Бра; в то время как...

(b) Он также знал, что это сообщение также предназначалось для передачи, и либо уже было, либо должно было быть передано его вышестоящему офицеру Ней. Поэтому он направился на восток, как ему было сказано, полагая, что Ней все об этом знает; и поэтому, также получив от Ней прямой приказ снова повернуть на запад, он повернул обратно.

Если мы продолжим распределять вину за этот катастрофический эпизод, который, позволив Блюхеру сбежать, стал очевидной причиной последующего поражения Наполеона при Ватерлоо, очевидно, что вина должна пасть на Ней, который в пылу насильственных действий, в которые он был вовлечен, не мог поверить, что современные действия Наполеона против Линьи могли быть более решающими или более важными, чем его собственные. Это был вопрос здравого смысла и решения вопроса о том, справедливо ли оценил Наполеон соотношение между своими шансами на крупную победу и шансами Ней; и далее, имела ли бы большее значение крупная победа при Линьи, чем крупная победа или предотвращение сокрушительного поражения при Катр-Бра. Наполеон был прав, а Ней ошибался.

Я слышал или читал дальнейшее предположение, что Наполеон, увидев Эрлона или получив о нем донесение менее чем в двух милях от него, должен был послать ему дальнейшие категорические приказы продолжать марш и наступать на Линьи.

Это плохая история. Эрлон, как это было, направлялся немного южнее, так что Наполеон, который думал, что все командование Ней находится несколько дальше к северу по Брюссельской дороге, чем было на самом деле, сначала не догадался, что это могут быть за новые войска, и даже опасался, что это может быть отряд Веллингтона, который, возможно, разбил Ней и теперь приближается с запада, чтобы атаковать его.

Он послал ординарца выяснить, что это за новоприбывшие. Ординарец вернулся и доложил, что войска принадлежали Эрлону, но они повернули назад. Если бы после этого Наполеон снова послал за Эрлоном, чтобы заставить его в третий раз изменить направление, было бы уже слишком поздно использовать армейский корпус Эрлона в Линьи к тому времени, когда он должен был подойти. Следовательно, Наполеону ничего не оставалось, как поступить так, как он поступил, а именно: отказаться от всякой надежды на помощь с запада и нанести пруссакам при Линьи поражение, если не решительно, то, по крайней мере, в меру своих возможностей, имея под рукой войска.

Вот и все для Эрлона.

Теперь перейдем ко второму пункту: способ, которым подразделения войск Веллингтона в течение всего дня бессистемно наступали на позиции у Катр-Бра.

Веллингтон, как мы видели на предыдущей странице, был дезинформирован и сбит с толку относительно характера и скорости французского наступления в Бельгию. Он слишком поздно осознал ни важность позиции у Катр-Бра, ни намерение французов двинуться маршем по великой северной дороге. Даже на самом поле Ватерлоо его преследовало странное заблуждение, что армия Наполеона попытается пересечь его коммуникации с морем, и он оставил, пока на самом деле велись бои при Ватерлоо, значительные бесполезные силы далеко справа от него, по той же причине.

Степень ошибочности суждений Веллингтона мы можем легко ощутить и понять. По природе войны каждый генерал должен в какой-то степени неверно оценивать характер передвижений своего противника, но шокирующие ошибки, к которым привела его плохая штабная работа в этой его последней кампании, совершенно исключительны.

По прибытии на поле битвы при Катр-Бра, около половины одиннадцатого утра, Веллингтон написал Блюхеру записку, в которой ясно давал понять Блюхеру, что он может ожидать английской помощи во время предстоящего сражения с Наполеоном при Линьи. Он не говорил об этом так многословно, но он сказал: “Мои силы находятся в таких-то местах”, что эквивалентно высказыванию: “Мои силы могут подойти довольно легко, поскольку они находятся рядом с вами”, добавив: “Я не вижу перед нами каких-либо крупных сил противника; и я жду новостей от вашего Высочества и прибытия войск, чтобы определить мои операции на день”.

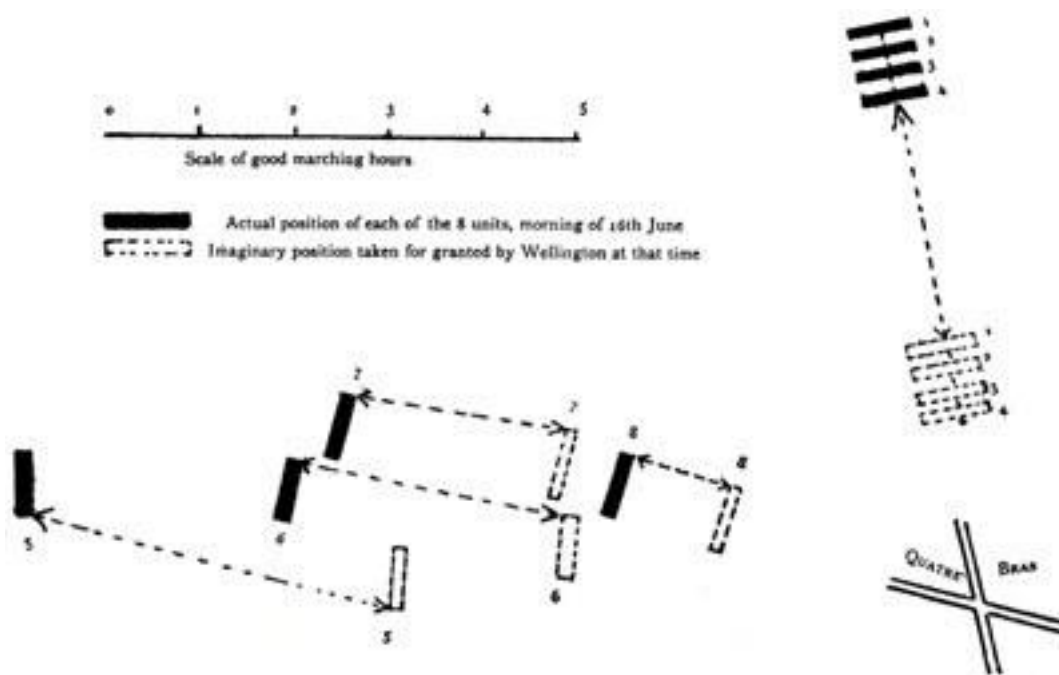
Более того, в этом письме он многословно сообщал, что его резерв, крупная группировка, от которой он в основном зависел, будет в трех милях от него к полудню, а британская кавалерия - в семи милях к тому же часу.

Затем он поехал повидаться с Блюхером на поле Линьи перед началом атаки Наполеона на этого генерала. Он добрался туда около часа дня.

Возникла острая дискуссия о том, обещал ли он выступить на помощь Блюхеру вскоре после этого или нет, но это дискуссия не к месту, поскольку, во-первых, Веллингтон совершенно определенно *намеревался* выступить на помощь пруссакам; а во-вторых, он был совершенно точно *неспособен* сделать это, поскольку французское сопротивление под командованием Нея, которое он недооценил, оказалось серьезным.

Но его письмо и его несомненное намерение выступить на помощь Блюхеру зависели от его уверенности в том, что все подразделения его армии находятся довольно близко и что, скажем, к половине второго все они будут занимать высоты Катр-Бра.

На самом деле подразделения под командованием Веллингтона были разбросаны повсюду, и удивительно отметить несоответствие между его представлением об их положении и их реальным положением утром того дня, когда сражались за Катр-Бра. Когда понимаешь, в чем заключалось это несоответствие, понимаешь, насколько плохая штабная работа велась в тот момент при Веллингтоне.

Увеличенное изображение

План (стр. 127)[12] проводит различие между реальными позициями командования Веллингтона утром 16-го, когда он писал свое письмо Блюхеру, и позициями, которые Веллингтон в этом письме ошибочно приписывает им. Это покажет читателю, какая огромная разница существовала между представлением Веллингтона о том, где находились его войска, и их фактическим положением в то утро. Это не нуждается в комментариях. Этого достаточно само по себе, чтобы объяснить, почему действие при Катр-Бра состояло не в запланированной встрече армий и отражении натиска французов (это могло бы привести к их уничтожению, учитывая отсутствие Эрлона), а в постоянном прибытии отдельных и спешенных частей, которые продолжались с полудня почти до наступления ночи.

IV

ОТСТУПЛЕНИЕ СОЮЗНИКОВ И НАСТУПЛЕНИЕ ФРАНЦУЗОВ При ВАТЕРЛОО И ВАВРЕ

Когда пруссаки сосредоточились, чтобы встретить Наполеона при Линьи, им удалось вовремя собрать для сражения три из своих четырех армейских корпусов.

Эти три армейских корпуса были Первым, Вторым и Третьим, и, как мы только что видели, они потерпели поражение.

Но, как мы также видели, они не были полностью разбиты. Они не были дезорганизованы, и тем более основная их часть не была захвачена в плен и разоружена. Самое главное, они могли свободно отступать любой дорогой, которая не приводила их к победоносному врагу. Другими словами, они могли свободно отступить как на север, так и на восток.

После постоянного повторения этого выбора на предыдущих страницах читателю станет ясна вся важность этого выбора. Отступление на восток, к линии коммуникаций, питавших прусскую армию, имело бы следующие два эффекта: во-первых, это привело бы к отходу свежего Четвертого армейского корпуса под командованием Бюлова, который еще не вступил в бой и насчитывал не менее 32 000 человек. Ибо он находился к востоку от поля боя. Другими словами, этот армейский корпус был бы потрачен впустую, и все прусские войска были бы вытеснены из оставшейся части кампании. Во-вторых, это окончательно отделило бы Блюхера и его пруссаков от командования Веллингтона. Герцогу со своей западной половиной союзных войск пришлось бы в одиночку противостоять массе армии Наполеона, которая после поражения пруссаков при Линьи, естественно, обратилась бы к задаче разгрома английского генерала.

Итак, факт первостепенной важности, на котором должен сосредоточиться читатель, если он хочет понять исход кампании, заключается в том, что французский штаб ошибся относительно истинного направления отступления пруссии.

Наполеон, Сульт и все главнокомандующие французской армией были убеждены, что прусское отступление *исовершалось* по этой восточной дороге.

На самом деле пруссаки под покровом темноты отступили *не* на восток, а на север.

Разбитые армейские корпуса, Первый, Второй и Третий, не отступили к свежему и неиспользованному Четвертому корпусу; они оставили его беспрепятственно продвигаться также на север; и все время темноты прусские войска в целом маршировали примерно параллельными колоннами на Вавр и его окрестности.

Именно это бегство на север, а не на восток, позволило пруссакам соединиться с Веллингтоном в день Ватерлоо; но не следует воображать, что это в высшей степени удачное решение покинуть поле своего поражения при Линьи в северном, а не восточном направлении было изначально намеренно задумано пруссаками с особой целью позднее соединиться с Веллингтоном.

Во-первых, пруссаки понятия не имели, по какому пути пойдет отступление Веллингтона. Они знали, что он особенно беспокоился о своих сообщениях с морем и с такой же вероятностью двинется на запад, как и на север, когда Наполеон выступит против него.

Полная историческая правда, точно изложенная, не может быть выражена в формуле: “Пруссакки отступили на север, чтобы двумя днями позже присоединиться к Веллингтону при Ватерлоо”. Утверждать это так означало бы читать историю задом наперед и предполагать, что прусский штаб знает будущее. Истинная формула, скорее, такова: “Пруссакки отступили на север, а не на восток, потому что незавершенность их поражения позволила им сделать это, и таким образом сразу избежать потери своего Четвертого армейского корпуса и занять позиции, откуда они могли бы, в случае необходимости, получить известия о том, что случилось с Веллингтоном”.

Другими словами, отступление на север, хотя решение сделать это зависело только от соображений самого общего характера, было мудрой стратегией, и возможность для этого была использована; но отступление на север не было предпринято с конкретной целью немедленного воссоединения с Веллингтоном.

Далее следует указать, что это отступление на север, хотя и оставляло постоянную линию коммуникаций, ведущую через Намюр и Льеж к Экс-ла-Шапель, привело бы к появлению в нескольких милях другой линии коммуникаций через Лувен, Местрихт и Кельн. Прусское командование, принимая решение об этом марше на север, никоим образом не рисковало ни своим снабжением, ни существованием своей армии, полагаясь на большой шанс. Они воспользовались одним из двух путей, оставшихся для них открытыми, и этот путь был более мудрым из двух.

Это отступление к Вавре было проведено с точностью и стойкостью, весьма примечательными, если учесть тот факт, что оно произошло сразу после тяжелого, хотя и не решающего поражения.

Из восьмидесяти с лишним тысяч пруссаков, сражавшихся при Линьи, вероятно, 12 000 пали убитыми или ранеными. Когда прусский центр был разбит, многие подразделения полностью дезорганизовались; и, считая пленных и беглецов, которые не смогли вернуться под знамена, мы должны принять как, безусловно, не преувеличенное прусское официальное сообщение о потерях в 15 000 человек.^[13]

Несмотря, повторяю, на это тяжелое поражение, порядок отступления был хорошо соблюден и был вознагражден исключительной быстротой.

Первый корпус двинулся маршем по западному маршруту, который пролегал прямо перед ними через Тилли и Мон-Сен-Гибер. Они прошли мимо самого Вавра и расположились бивуаком около полудня субботы 17-го, около деревни Бьерджес, на другом берегу реки Дайл.

Второй корпус последовал за Первым и завершил свой марш на южной стороне Вавра, вокруг деревни Сент-Энн.

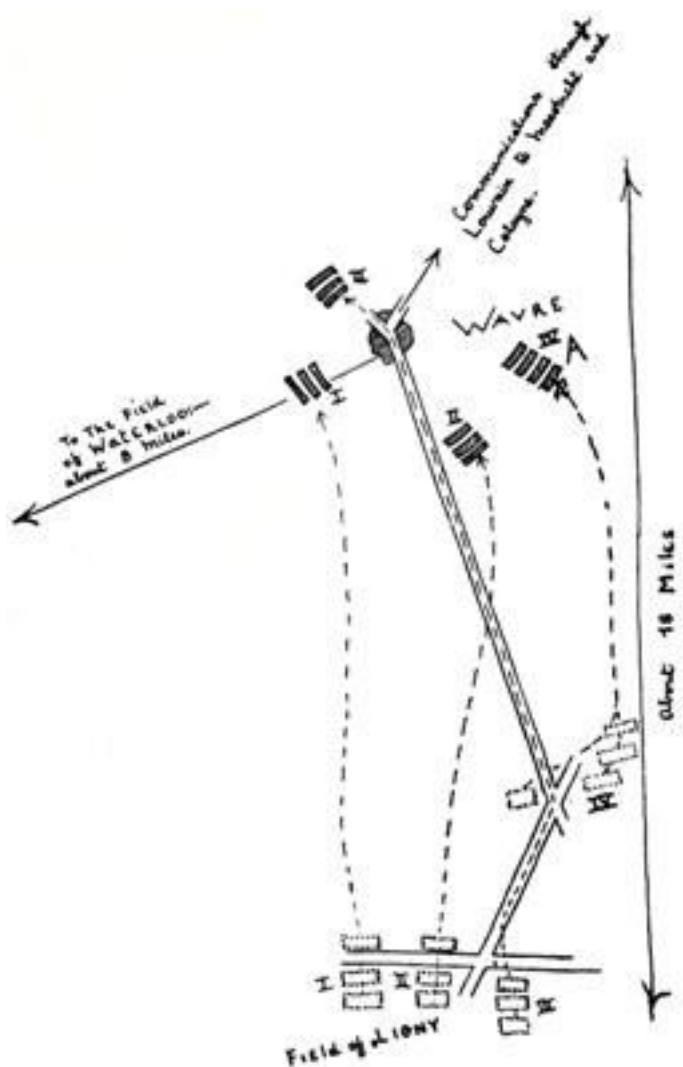
Третий корпус завершил отступление только к концу дня 17-го, а затем прошел маршем через Вавр, переправился через реку на север и расположился бивуаком вокруг Ла-Баветт.

Наконец, еще позже, в тот же вечер, Четвертый корпус Бюлова, который прибыл в Линьи слишком поздно для начала боевых действий, двигаясь восточными дорогами через Сарт и Корри, окружил Дион-ле-Мон.

Таким образом, к наступлению ночи, в субботу 17 июня, основная масса прусской армии находится в безопасности вокруг Вавра и должным образом размещена вокруг этого города в идеальном порядке.

За исключением арьергарда, который подошел только утром в воскресенье, все они были благополучно выведены за сутки, последовавшие за поражением при Лigny.

Можно спросить, почему этому великому движению было позволено состояться без помех со стороны победителей.

[Увеличенное изображение](#)

Естественно, что после разгрома пруссаков Наполеон отвел бы на запад большую часть сил, которые он использовал против Блюхера при Линьи, и направил бы их к брюссельской дороге, чтобы в следующий раз использовать их против Веллингтона. Но Наполеон оставил позади себя Ворчливого верховным командованием над большим отрядом войск, всего около 33 000 человек, задачей которого было преследовать пруссаков, выяснять, по какой дороге они двинулись; по крайней мере, наблюдать за их передвижениями, а в лучшем случае отрезать любые изолированные части или дать бой любым разрозненным частям, которые при отступлении могли остаться без поддержки. В общем, Груши должен был позаботиться о том, чтобы пруссаки не вернулись.

С этой задачей Ворчливый не справился. Правда, император не давал ему последних инструкций почти до полудня 17-го, но человек, преданный своему делу, обнаружил бы линию отступления пруссии и держался бы за нее. Груши потерпел неудачу отчасти потому, что он был недостаточно обеспечен кавалерией, отчасти потому, что он был человеком, способным решать только внезапные тактические дилеммы, некомпетентным в крупных стратегических проблемах, отчасти потому, что он не доверял своим подчиненным, а они ему; но больше всего из-за первоначального предположения (под которым, справедливости ради следует добавить, находились все французские лидеры), что отступление пруссии приняло форму бегства к Намюру, вдоль восточной линии коммуникаций, в то время как на самом деле оно приняло форму дисциплинированного отступления к Намюру. Вавр и север.

В десять часов вечера субботы 17-го, через двадцать четыре часа после битвы при Линьи, и в тот момент, когда вся основная масса прусских войск уже воссоединилась в организованном кольце вокруг Вавра, Груши, в двенадцати милях к югу от них, начал — но только начал — узнавать правду. В тот час он написал императору, что “пруссаки отступили в нескольких направлениях”: один корпус в направлении Намюра, другой с главнокомандующим Блюхером в направлении Льежа, *и третий корпус, по-видимому, в направлении Вавра*. Он даже добавил, что собирается выяснить, не могло ли это быть более крупное из трех тел, направившихся к Вавру, и он оценил, что тот, кто направился к Вавру, намеревался поддерживать связь с остальными союзниками под командованием Веллингтона. Но все, что сделал Граучи после написания этого письма, доказывает, как мало он пока по-настоящему верил, что какие-либо крупные силы врага двинулись на Вавр. Он с тревогой послал войска не на север, а на восток и северо-восточнее, чтобы нащупать то, что, по его мнению, было основными силами отступающего врага.

Ночью масса доказательств, собранных его разведчиками, окончательно убедила его, что вокруг Вавра сосредоточены все прусские силы, и вывод, к которому он пришел, был странным! Он считал само собой разумеющимся, что через Вавр пруссаки определенно намеревались полностью отступить к Брюсселю. На рассвете 18 июня он написал, что собирается преследовать их.

То, что Блюхер мог мечтать о том, чтобы срезать путь на запад, обеспечив таким образом немедленную стыковку с Веллингтоном, никогда не приходило Гручи в голову. Он привел свою армию в движение только после того, как написал это письмо. Он достойно и неторопливо продвигал свои войска по Ваврской дороге в середине дня, а сам, незадолго до полудня, написал депешу императору; он написал ее из Сарта, пункта в десяти милях к югу от Вавра. В

этом письме он объявил о “своем намерении собраться в Вавреэтой ночью” и просил “приказов относительно того, как ему начать атаку на *следующий день*”.

На следующий день! Понедельник!

Уже за несколько часов до этого — к полуночи субботы — Блюхер отправил свое послание Веллингтону, заверяя его, что пруссаки придут к нему на помощь завтра в воскресенье.

Пока Граучи писал, прусский корпус двигался на запад через местность, чтобы через четыре часа появиться на фланге Наполеона и решить исход кампании.

Написав письмо, Граучи сел обедать. Пока он сидел за мясом, вдалеке раздались первые выстрелы битвы при Ватерлоо.

До сих пор мы следили за отступлением пруссаков на север после их поражения при Линьи. За исключением арьергарда, все они были расположены к вечеру субботы 17-го организовано вокруг маленького городка Вавр. Мы также проследили за методичным, но запоздалым и непродуманным преследованием, в ходе которого Груши нащупал со своей кавалерией, чтобы обнаружить линию отступления пруссии, и продолжал сомневаться в ее характере по крайней мере до полуночи, а возможно, и позже полуночи, в ту ночь с субботы 17-го на воскресенье 18 июня.

Далее мы видели, что утром в воскресенье 18 июня он не принимал никаких мер для быстрого преследования, но, будучи теперь убежден, что пруссаки просто намеревались начать общее отступление на Брюссель, предложил последовать за ними, чтобы наблюдать за этим отступлением и, если возможно, направить их на восток. Как мы только что сказали, он написал императору в то воскресное утро, сообщив, что намеревается сосредоточить свои войска в Вавре к ночи, и запросив приказы на следующий день.

Что делали пруссаки в то воскресное утро, когда Граучи так спокойно и трезво принимал как должное то, что они не могли или не хотели воссоединиться с Веллингтоном, и так спокойно прикрывал свою ответственность приказами императора, мы увидим, когда поговорим о самом действии — битве при Ватерлоо.

Тем временем мы должны вернуться ко второй половине великого стратегического маневра и понаблюдать за отступлением герцога Веллингтона в ту же субботу и за позицией, которую он занял на хребте, называемом “Мон-Сен-Жан”, к наступлению ночи того дня, чтобы принять бой утром в воскресенье.

Наблюдатель, наблюдавший за всем происходящим в ту субботу с некоторой высоты в воздухе над долиной Самбр и смотревший на север, увидел бы внизу, справа от себя, пруссаков, идущих большими параллельными колоннами на Вавр с поля битвы при Линьи. Он бы увидел разбросанные по дорогам небольшие группы всадников, которые здесь соприкасались с последними рядами прусской колонны, а там терялись и бредли вперед по пустым пространствам, где не было солдат. Это были кавалерийские разведчики Граучи. К югу от них, далеко в тылу пруссии, отделенный от нее промежутком в десять миль, плотным скоплением пехоты, выстроенной в тяжелые маршрутные колонны, находился корпус под командованием Груши.

Что бы увидел такой наблюдатель на ландшафте внизу и перед ним слева от себя? Он увидел бы также нескончаемую вереницу людей, всю вторую половину дня двигавшихся на север по брюссельской дороге из Катр-Бра; а позади них, наступая им на пятки, другая колонна длиной в несколько миль продолжала преследование. Отступающую колонну, когда она спешила прочь, он видел прикрываемой с тыла массой кавалерии, которая время от времени атаковала и сдерживала преследователей, а иногда выставляла пушки, чтобы сдерживать их. Преследователи, после каждой такой проверки, все равно продолжали бы наступать. Первая, "Тысячи отступающих", была командой Веллингтона, отступавшей из Катр-Бра; вторая, преследователи, представляла собой отряд численностью около 74 000 человек, сформированный на стыке Нея и Наполеона и продвигавшийся вперед, чтобы ввести Веллингтона в бой.

При Катр-Бра Веллингтону не удалось, как он надеялся, присоединиться к пруссакам и спасти их от поражения. Французы под командованием Нея задержали его. Он даже потерпел бы поражение, если бы Ней быстро и сильно атаковал ранее, в пятницу 16-го, но Ней действовал не быстро и сильно.

В течение всего дня подкрепления прибывали одно за другим, намного позже, чем предполагал герцог, но в количестве, достаточном для отражения запоздалого и слишком осторожного развития атаки Нея. Наконец, реальная опасность, которой подвергался герцог (хотя он и не знал об этом) — соединение Эрлона и его войск с Неем — не произошло до наступления темноты, и 20 000 человек Эрлона были потрачены впустую тем способом, который был описан и проанализирован.

Итогом, таким образом, всей операции в Катр-Бра стало то, что в течение ночи с пятницы на субботу с 16-го на 17-е англичане и французы оставались на своих позициях, серьезно не мешая друг другу.

В течение той ночи дальнейшее подкрепление достигло Веллингтона, где его войска расположились бивуаком на позициях, которые они так хорошо удерживали. Утром подошли лорд Аксбридж, командовавший британской кавалерией, и бригада Омптеды, а также дивизии Клинтон и Колвилла, а также резервная артиллерия.

Несмотря на все эти подкрепления, несмотря даже на огромную массу кавалерии, которую подтянул Аксбридж, и на новые орудия, положение Веллингтона в то субботнее утро 17 июня было, хотя он еще не знал этого, очень опасным.

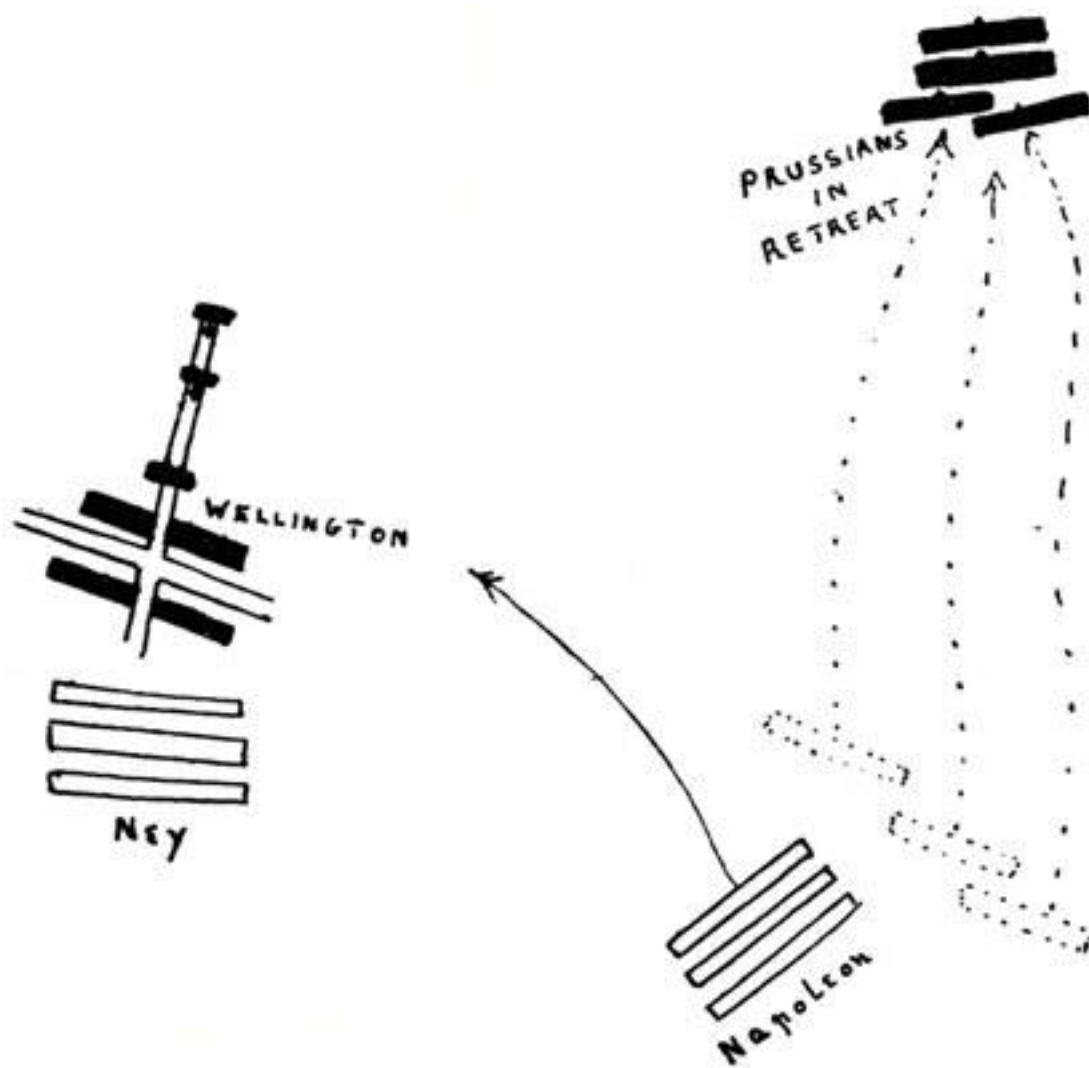
Он все еще верил, что пруссаки удерживают Линьи и что они удерживали свои позиции в течение ночи, которую он сам провел в Женаппе, в тылу поля битвы при Катр-Бра.^[14]

Когда Веллингтон проснулся утром в субботу в Женаппе, по городу ходили слухи, что пруссаки потерпели поражение накануне при Линьи. Герцог немедленно отправился в Катр-Бра; послал полковника Гордона на восток с отрядом десятого гусарского полка выяснить, что произошло, и этот офицер, обнаружив, что дорога из Линьи в руках французов, сообразил провести разведку на севере, напал на хвост отступающим пруссакам и вернулся к Веллингтону в Катр-Бра к половине восьмого со всей историей: пруссаки действительно были разбиты; они полностью

отступали; но возможность отступления оставалась открытой в северном направлении, и это была дорога, по которой они пошли.

Следовательно, Веллингтон знал еще до восьми часов утра в ту субботу, что весь его левый, или восточный, фланг обнажен, и было разумно ожидать, что Наполеон с основными силами французов, разбив пруссаков при Линьи, теперь выступит против него самого, наступит на этот незащищенный фланг (в то время как Ней удерживал фронт) и, таким образом, численно превзойдет англо-голландцев под командованием герцога. В худшем случае это командование было бы уничтожено; в лучшем случае оно могло надеяться только на то, что, если даст время подойти Наполеону, ему придется отступить на запад и навсегда потерять связь с пруссаками.

В таком тяжелом положении делом Веллингтона было отступить на север, чтобы поддерживать связь со своими прусскими союзниками, пока еще этот путь отступления был открыт для него, и до того, как Наполеон должен был навязать сражение.

Набросок, показывающий ситуацию, в которой находился Веллингтон в Катр-Бра утром 17-го.

Герцог не спешил предпринимать это движение, поскольку пока не было никаких признаков прибытия Наполеона. Солдаты позавтракали, и только в десять часов началось отступление. Он послал сообщение обратно по дороге, чтобы остановить подкрепление, которое все еще находилось в пути, чтобы присоединиться к нему в Катр-Бра, и снова повернуть их по Брюссельской дороге, тем путем, которым они пришли, пока они не достигнут гребня Мон-Сен-Жан, прямо перед деревней Ватерлоо, где он решил остановиться. Покончив с этим, он составил диспозицию для отступления, и вскоре после десяти часов началось отступление при Ватерлоо. Его английская пехота возглавила отступление, за ней последовали нидерландские войска, затем брауншвейгцы, и последние ряды всего этого огромного войска еще до полудня маршировали по брюссельской дороге на север. Тем временем лорд Аксбридж со своими весьма значительными силами кавалерии и пушками, необходимыми для их поддержки, развернулся, чтобы прикрыть отступление, и наблюдал за противником.

Этот враг был неподвижен. Ней не собирался атаковать, пока не подойдет Наполеон. Наполеон и его войска, прибывшие с поля битвы при Линьи, были видны только около двух часов дня. Когда он приблизился, был замечен император, его запоминающаяся фигура выделялась среди небольшого отряда сопровождения, подгонявшего марш; и английские пушки в один из тех редких моментов, когда война приобретает драматический оттенок, открыли огонь по человеку, который был воплощением всего этого яростного поколения оружия. В военном исследовании этим моментом, ценным для гражданской истории, можно пренебречь.

Поток прибывающих французских войск затруднил Аксбриджу, несмотря на его очень многочисленную кавалерию и вспомогательные орудия, прикрыть отступление Веллингтона.

Однако задача была выполнена не только успешно, но и благородно. Как раз в тот момент, когда подошли французы, небо потемнело, и с северо-запада на противоборствующие силы обрушился яростный шторм. Погоня началась в разгар ливня, такого сильного, что друга едва можно было отличить от врага на расстоянии тридцати ярдов, и к шуму передков, которые яростно скакали галопом, чтобы избежать поимки, и ко всем этим эскадронам, преследовавшим и преследовать, присоединился непрекращающийся гром.

На войне совершаются поступки, которые не укладываются в рамки ее крупнейших историй и, следовательно, имеют тенденцию быть проигранными. Омраченная великой историей Ватерлоо, работа, которую лорд Аксбридж и его Лошадь проделали в тот субботний день 17 июня, слишком часто забывается.

Продемонстрированные способности и энергия были равны.

Первое развертывание для отражения наступления французов, наблюдение за отходом основных сил Веллингтона, постоянная оценка местности во время быстрого и опасного движения и в самую плохую погоду, случайный выбор артиллерийских позиций — все это продемонстрировало мастерство и обеспечило полный порядок отступления Веллингтона.^[15]

Преследование было остановлено в самом важном месте (где французам пришлось форсировать реку Дайл у Генаппе) быстрым развертыванием кавалерии на склоне за ручьем, быстрым развертыванием отходящих батарей и двойной атакой, сначала Седьмого гусарского, затем Первого лейб-гвардейского.

Эти атаки были успешными, они остановили французов, и в течение оставшейся части дня преследование к северу от Дайла ослабевало, пока перед наступлением темноты не прекратилось совсем.

Действительно, к тому времени от этого уже не было никакой пользы. Основная масса армии Веллингтона достигла и развернулась на том гребне Мон-Сен-Жан, где он намеревался развернуться и дать сражение. Они были в состоянии принять любое немедленное нападение, и цели простого преследования были исчерпаны.

Напротив хребта Мон-Сен-Жан, где в конце дня и в течение всего вечера войска Веллингтона уже занимали свои позиции, находился другой хребет, который лучше всего запомнился по названию фермы на его гребне - "Бель-Альянс". Этот гребень служил естественным местом привала преследователей. От высоты над Генаппом до гребня БелльАльянса было всего 5000 ярдов; и если будет указана еще одна причина прекращения преследования и перехода в боевое построение любого из отрядов, то погода послужит этой причиной.

Почва на всех этих полях своеобразно черная и вязкая, почти непроходимая после проливного дождя. Большая мощеная дорога, пересекающая его, была занята и загромождена колесными повозками и артиллерией. Быстрое продвижение пехотных частей, выброшенных справа и слева от дороги, и, таким образом, обеспечение скорости параллельным продвижением, было невозможно из-за грязи, и линия становилась все длиннее и длиннее вдоль главной дороги, препятствуя быстрому передвижению. От грязи, этого "пятого элемента войны" (как называл это сам Наполеон), войска Веллингтона — по крайней мере, основная их масса — были практически свободны. Они достигли своих позиций до начала ливня. Только кавалерия арьергарда и его батареи ощутили всю силу шторма. На гребне Мон-Сен-Жан была скошена сухая солома для высоких посевов, и люди под командованием Веллингтона разбили бивуак настолько хорошо, насколько это было возможно в такую погоду.

С французами дело обстояло иначе. Их запоздалые части продолжали отступать еще долго после наступления ночи. Армия была сформирована лишь с большими затратами времени и невероятных усилий, в основном в темноте, насквозь промокшая от грязи, вдоль хребта Бель-Альянс. С трудом удалось заставить древесину для бивуачных костров вообще гореть. Они постоянно уходили; и вся эта тьма проходила в страданиях, которых рядовой солдат должен молча ожидать как части своего ремесла и которые облегчаются только теми смутными корпоративными предчувствиями общей опасности и, возможно, общей славы, которые, несмотря на все физические трудности, составляют душу армии.

Наполеон, осмотрев все это и убедившись, что Веллингтон стоит в ряд на противоположном гребне, вернулся поспать часок-другой на ферму под названием Ле Кайю, в миле за линией бивуаков. Веллингтон расположился в деревне Ватерлоо, примерно в полутора миль позади бивуаков своих войск на Мон-Сен-Жан.

В таком расположении оба командира и их войска ждали наступления дня.

Наконец, прежде чем перейти к описанию действия, необходимо учитывать природу поля, на котором оно должно было быть оспорено. Это поле было изучено Веллингтоном годом ранее. Он, несравненно величайший командующий тактической обороной своего времени и один из величайших за все время, выбрал его из-за его возможностей защиты. Они были грозны. Полагаясь на них и уверенный в том, что пруссаки придут к нему на помощь, когда начнется сражение, он справедливо рассчитывал на успех.

Давайте начнем с того, что ни в одном сражении так важно точно знать природу местности, то есть местности, на которой оно велось, как при Ватерлоо.

На первый взгляд структура поля боя проста и состоит, по существу, из двух небольших округлых хребтов, разделенных очень мелкой волнистостью местности.

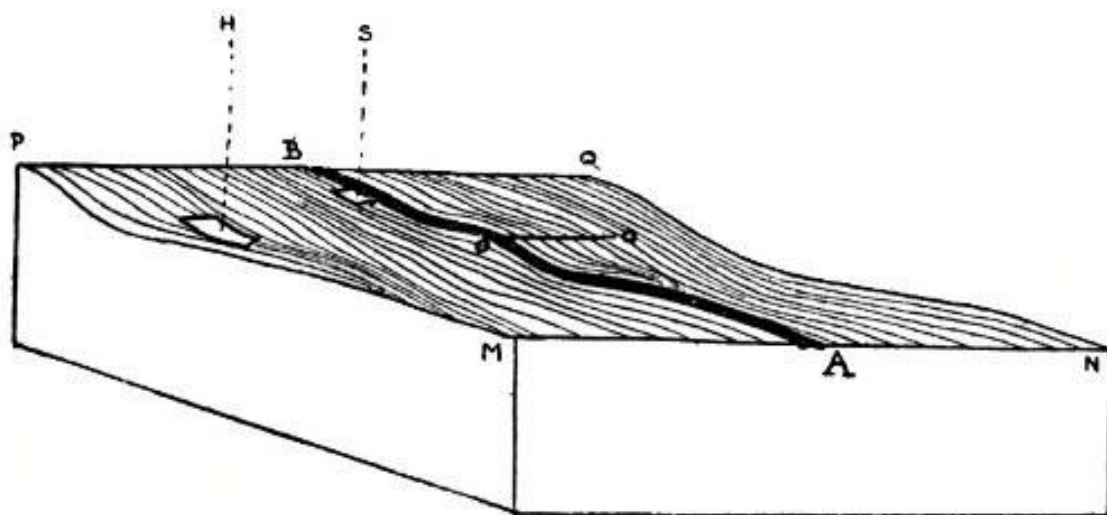
Но это общее построение осложняется определенными особенностями, которые можно уловить только с помощью контуров, и эти контуры, опять же, не очень легко проследить с первого взгляда тем, кто не видел поля боя.

На карте, которая занимает титульный лист этого тома и к которой я попрошу читателя обратиться, я обозначил неровности местности бледно-зелеными линиями, лежащими в основе других деталей сражения, которые выделены черным, красным и синим. Контуры нарисованы на расстоянии пяти метров (то есть 16 футов 4 дюйма); контуры не указаны ниже 100 метров над уровнем моря. Дно долины ниже этого уровня заштриховано. До 120-метровой линии контуры обозначены непрерывными линиями увеличивающейся толщины. Выше 120-метровой линии они обозначены слабыми пунктирными линиями. Я надеюсь таким образом, хотя задача и трудная, составить общее впечатление об этой области.

Все поле, как небольшие гряды, так и промежуточная впадина, лежит на большой возвышенности площадью во много квадратных миль, при этом она постепенно уходит на восток с одной стороны и на запад с другой. Самые высокие и едва различимые его холмы возвышаются над уровнем моря примерно на 450 футов. Место битвы на самом деле находится в самой высокой части, у водораздела; и дно долин, по которым ручьи текут на восток и на запад, на 150-200 футов ниже, чем этот запутанный участок суши между ними. Однако для человека, стоящего на любой части поля боя, эта особенность высоты не очень заметна. Правда, видны более низкие уровни, уходящие влево и вправо, и вид кажется странно широким, но глаз создает впечатление немногим большего, чем холмистая равнина. Это происходит потому, что по сравнению с масштабом ландшафта в целом возвышенности и впадины здесь незначительные.

На этом холмистом массиве возвышенности выделяются, как я уже говорил, два небольших хребта, и эти хребты лежат, грубо говоря, на востоке и западе - перпендикулярно большой брюссельской дороге, которая пересекает их с юга на север. Именно на этой большой брюссельской дороге Веллингтон и Наполеон заняли, на расстоянии менее мили друг от друга, свои соответствующие центры боевых действий. Хотя эта линия дороги не разделяла точно пополам две линии противостоящих армий, точка, где она пересекала каждую линию, отмечала тактический центр этой линии: и Веллингтон, и Наполеон лично оставались на этой дороге.

Теперь не следует воображать, что неглубокая впадина между хребтами тянется одинаковой глубины между двумя позициями, занятыми Веллингтоном и Наполеоном, и дорога пересекает ее посередине; напротив, немного западнее дороги ее пересекает “седловина” - пояс полей, почти плоских и почти таких же высоких, как каждый хребет. Таким образом, восточная половина впадины постоянно поднимается и становится все мельче по мере приближения к дороге с востока на запад, и дорога пересекает только последний ее участок. Затем, сразу к западу от дороги, находится седловина; и когда вы продвигаетесь еще дальше на запад вдоль линии на полпути между позициями французов и англичан, вы обнаруживаете, что вторая неглубокая долина отступает. Эта вторая долина не совсем повторяет направление первой, а скорее поворачивает больше к северу. На первом небольшом спуске этой второй долины, в нескольких сотнях ярдов к западу от дороги, находится загородный дом под названием Хугомон, а сразу за ним находится западная оконечность линии фронта Веллингтона. Таким образом, вся позиция, если бы она была вырезана в виде модели в разрезе из куска дерева, могла бы выглядеть так же, как и прилагаемый план.

В такой модели северный хребет P-Q длиной около двух миль удерживается Веллингтоном. Южный хребет M-N удерживается Наполеоном. Наполеон командовал из пункта A, Веллингтон - из пункта B, а темная полоса, протянувшаяся от одного к другому, символизирует великую Брюссельскую магистраль. Вспомогательный гребень O—O - это тот, на котором Наполеон, как мы увидим, установил свою большую батарею, готовясь к штурму. Загон H - это Гугомон, загон S - Ла-Эй-Сент.

Из двух горных хребтов тот, который удерживал Наполеон, требует менее тщательного изучения для понимания хода битвы, чем тот, который удерживал Веллингтон.

Последний известен как Хребет Мон-Сен-Жан из-за фермы, расположенной немного ниже его самой высокой точки и немного позади его центральной оси. Этот горный хребет Веллингтон

тщательно изучил годом ранее, и этот великий мастер обороны отметил превосходство его оборонительного характера и восхитился им. Мало того, что местность поднимается к хребту на протяжении всей пары миль, которые занимали его войска, мало того, что она почти свободна от “мертвой”^[16] земли, но перед ней раскинулись две обнесенные стенами ограды, маленькая в Ла-Э-Сент и большая в Гугомоне, которые, должным образом подготовленные и снабженные бойницами, были эквивалентны паре фортов, стоящих, чтобы отразить атаку. Опять же, за всей линией хребта есть более низкая местность, на которой герцог мог и действительно прятал войска и по которой он мог и действительно безопасно передвигал их в ходе боевых действий.

Любой, кто знаком с различными действиями Веллингтона и их местностью, заметит в них общее качество: все они были выбраны непревзойденным умением использовать все возможности оборонительной позиции, даже там, где требовалось немедленное решение. Тот, который был взят 18 июня 1815 года в последнем сражении герцога, был выбран не в связи с необходимостью немедленного боя, а с полным досугом и после тщательного изучения. Поэтому неудивительно, что это лучший пример из всех. Из всех оборонительных позиций, которые гений Веллингтона прославил в Европе, ни одна не превосходит позиции при Ватерлоо.

V

ДЕЙСТВИЕ

Подходя к этому знаменитому действию, важно вспомнить стратегические условия, которые определили его результат.

Я упоминал о них в начале и снова в середине этого исследования; я должен повторить их здесь.

Единственным шансом, который был у Наполеона, когда он выступил в начале июня, чтобы атаковать союзников в Бельгии, авангард его врагов (которыми была вся Европа), был шанс застать этот авангард врасплох, внезапно ударить между двумя его половинами, нанести полное поражение одной или другой, а затем нанести такое же полное поражение своему коллеге.

Других шансов, кроме этого отчаянного шанса, у него не было; ибо он сражался с перевесом почти два к одному даже в своей атаке на этот простой авангард вооруженных королей; их общие силы, конечно, были подавляюще выше.

Как мы видели, ему удалось нанести внезапный удар между двумя частями армии союзников в Бельгии. Он действовал не так быстро, как намеревался. Были ошибки и задержки, но ему удалось, в основном благодаря неверной информации и неправильным суждениям Веллингтона, справиться с пруссаками, не поддержанными западным крылом Веллингтона.

Он атаковал этих пруссаков основной частью своих сил; и хотя даже на этом поле его превосходили численностью, он разбил пруссаков при Линьи. Но поражение не было полным. Пруссаки могли свободно отступать на север и, таким образом, в конечном итоге воссоединиться с Веллингтоном. Они воспользовались этой возможностью, и с того момента, как они ею воспользовались, Наполеон был обречен.

Далее мы видели, что Груши, которого послали после отступления пруссии, мог бы, если бы он видел все возможности этого отступления и вовремя заметил их, встать между пруссаками и Веллингтоном и предотвратить появление первого на поле Ватерлоо.

Если бы Граучи поступил так, Ватерлоо не стало бы таким сокрушительным поражением Наполеона. Весьма вероятно, что это было бы тактическим успехом для Наполеона.

Но, с другой стороны, у нас нет оснований думать, что это был бы окончательный и определяющий успех императора. Ибо, если бы Веллингтон в самом начале сражения не знал, что он может рассчитывать на прибытие пруссаков, он бы не принял сражения. Если бы он действительно обнаружил, что пруссаки перехвачены, он мог бы разорвать контакт и отступить, пока не стало слишком поздно.

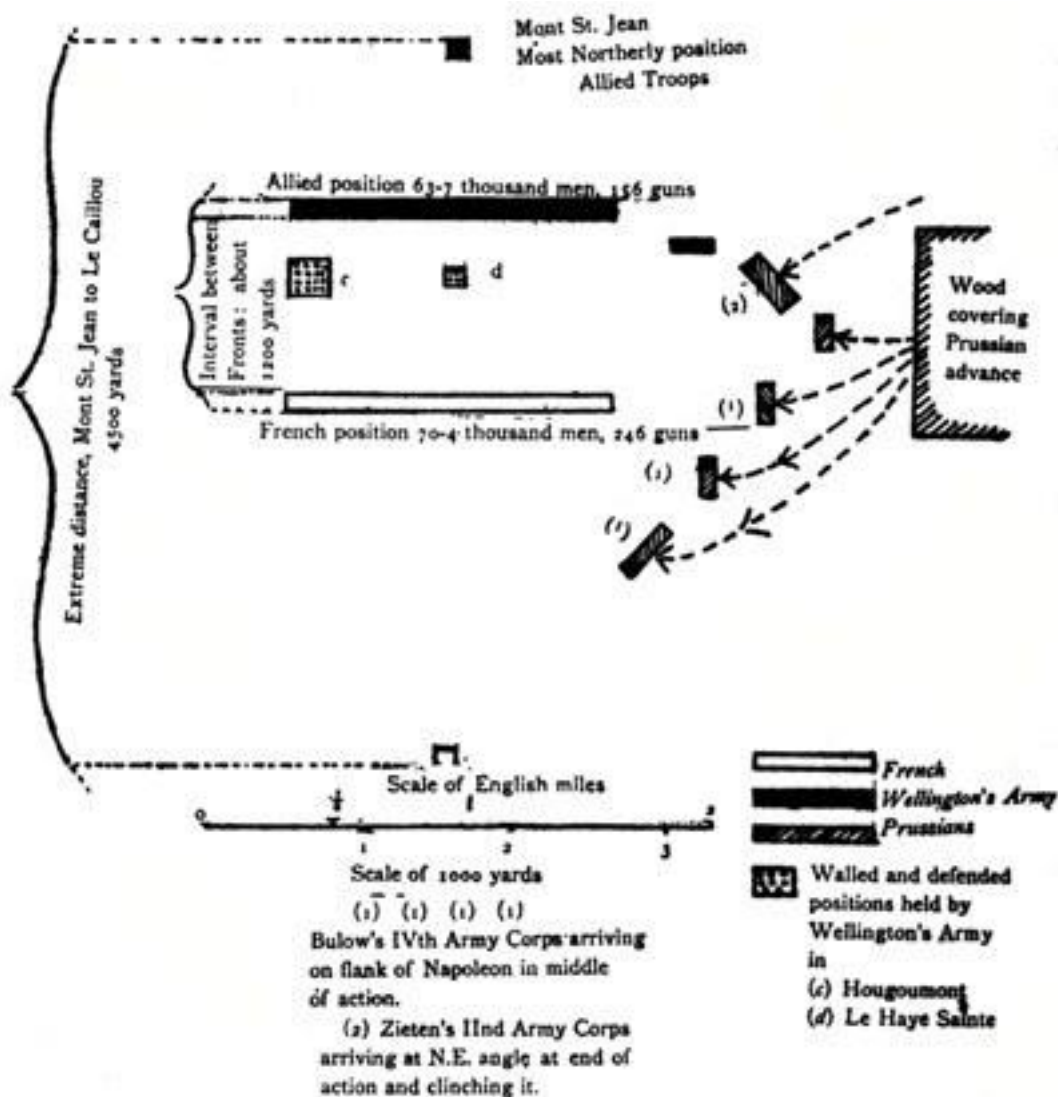
Если бы он это сделал, это просто означало бы, что позже он бы объединился со своими союзниками и что в долгосрочной перспективе Наполеону все равно пришлось бы сражаться с армией союзников, значительно превосходящей его собственную.

Все это равносильно тому, чтобы еще раз подчеркнуть то, на чем настаивали на протяжении этих страниц; Ватерлоо было проиграно не в воскресенье, 18 июня, а за два дня до этого, когда 63 000 человек Наполеона разбили и отбросили 80 000 Блюхера, но не смогли сдержать их, не смогли отбросить их на восток, подальше от Веллингтона, или вызвать общую капитуляцию, и потерпели неудачу, потому что Первый французский армейский корпус под командованием Эрлона, численностью около 20 000 человек, не смог зайти с фланга в критический момент.

Мы видели, каковы были последствия этой неудачи; мы обсудили ее причины, и мы должны повторить главный факт для военной истории всех тех четырех дней: провал последнего отчаянного предприятия Наполеона обернулся бесполезными маршами и контрмаршами Эрлона между Катр-Бра и Линьи, за два дня до финальной битвы при Ватерлоо.

Таким образом, битва при Ватерлоо должна делиться на две основные фазы: первая - начало борьбы с Веллингтоном до подхода пруссаков; вторая - основная и решающая часть боевых действий, в которой пруссаки и англичане объединяются против французской армии.

Эта вторая фаза развивается непрерывно по мере увеличения численности прибывающих пруссаков, пока не завершается появлением корпуса Зитена в самом конце дня и распадом французской армии; следовательно, эта вторая часть сама по себе способна к значительному разделению. Но при любом большом и общем взгляде на все действие мы должны рассматривать его разделенным на эти две большие главы, в течение первой из которых ведется сомнительная борьба между Наполеоном и Веллингтоном; во время второй из которых борьба, уже не вызывающая сомнений, определяется появлением пруссаков на поле боя с фланга.

Увеличенное изображение

Элементы Ватерлоо.

Первая часть Акции

До прихода пруссаков

Акция должна была принять форму нападения войск Наполеона на эту оборонительную позицию, удерживаемую Веллингтоном. Задачей Веллингтона, хотя его общие силы немного уступали противнику по численности,^[17] и значительно уступали в вооружении, было

удерживать эту оборонительную позицию до тех пор, пока пруссаки не подойдут с фланга. Ему сказали, что это произойдет самое позднее к часу или двум. Задачей Наполеона было захватить сильные внешние укрепления Гугомон и Ла-Эй-Сент; и, сделав это, громить линию обороны противника до тех пор, пока он не прорвет ее. То, что задержка с началом этого удара была бы фатальной; что пруссаки присутствовали на его фланге, могли прибыть в разгар сражения и были одновременно уверенно и неизбежно ожидаемы его врагом; что его простое одиночное сражение превратится в два все более сложных, Наполеон понятия не мог. Наполеон не видел необходимости спешить. Перед ним был долгий дневной свет. Необходимо было дать земле немного просохнуть после ужасного дождя предыдущего дня, чтобы эффективно использовать артиллерию; он также не давил на свои колонны, которые все утро выдвигались на позиции и которые не успели полностью развернуться даже к одиннадцати часам.

Вскоре после этого он продиктовал Сульту боевой приказ. Его первые и эффектные фразы звучат следующим образом: —

“Как только вся армия будет развернута, то есть примерно в половине второго, в тот момент, когда император отправит приказ маршалу Нею, атака должна быть предпринята. Его целью будет захват деревни Мон-Сен-Жан и перекрестка дорог....”

В остальной части приказа указаны силы, которые будут задействованы в этой первой атаке.

Французские войска состояли из II армейского корпуса, развернутого слева или к западу от дороги, I армейского корпуса справа или к востоку от нее, а позади Наполеона, в центре и в резерве, VI корпуса и гвардии.

План, возникший в голове императора, был совершенно прост. Не должно было быть поворота ни правого, ни левого фланга противника, который привел бы только к отбрасыванию этого врага на восток или запад. Его линия должна была быть прорвана, деревня Мон-Сен-Жан, которая лежала на гребне позиции Веллингтона и которая со всех сторон выходила на плато, должна была быть взята, и после этого Наполеон был волен принять решение о своих следующих действиях в соответствии с характером и степенью беспорядка, в который он поверг прорванную линию противника.

На самом деле Наполеон предпринял движение до половины второго, которое он установил в своем приказе о начале штурма. Это движение было движением против передовой и укрепленной позиции Гугомона.

Он отдал приказ левому флангу, расположенному к востоку от большой дороги, Второму армейскому корпусу под командованием Рейля, направить войска для занятия внешних садов, лесов и огородов загородного дома, и без двадцати пяти двенадцать первый пушечный выстрел в поддержку этого движения стал также первым пушечным выстрелом Ватерлоо.

После короткой артиллерийской дуэли и обмена пушечными выстрелами между высотой слева от французов, с которой открывается вид на Гугомон, и соответствующей высотой справа от англичан французская пехота начала спускаться по склону, чтобы занять небольшой лес, расположенный к югу от замка. Этими четырьмя полками командовал брат императора Жером, который, как мы видели в Катр—Бра, находился под командованием Рейля. Расчистка леса не была таким уж отчаянным делом, но оно было трудным и заняло целый час. Немцы из Нассау и

Ганновера, которым была поручена оборона Гугомона и его подступов, упорно оспаривали стоящие деревья и вырубку, которая лежала между ними и садовой стеной замка.

На этом раннем и даже преждевременном этапе боевых действий необходимо четко понимать, что целью Наполеона при нападении на Гугомон было только ослабить центр Веллингтона.

Гугомон лежал справа от Веллингтона. Веллингтон всегда нервничал за свой правый фланг и боялся поворота своей линии там, потому что, если бы ему пришлось отступать, его коммуникации в конечном счете пролегли бы в этом направлении. Именно по этой причине он направил прямо на Брен-л'Алле, почти в миле к западу от своей линии, голландско-бельгийскую дивизию Шассе и шестнадцать орудий, которые он соединил с резервным корпусом в Хале, гораздо дальше на запад.

Наполеон рассудил, что атака на Гугомон до начала собственно боевых действий, наступление, таким образом, справа от Веллингтона, заставит его попытаться укрепить это место и обезоружить свой центр, куда император намеревался направить основную тяжесть атаки.

У Наполеона не было никаких других намерений, которые история может обнаружить, когда он так рано предпринял атаку на Гугомон. Это было почти что "ложным маневром". Но когда около половины первого дивизия его брата расчистила лес и подошла к высокой садовой стене фермы, по какой-то причине, которую невозможно определить, то ли из-за рвения войск, импульсивности самого Джерома, то ли по какой-то другой причине, вместо того, чтобы довольствоваться удержанием леса в соответствии с приказом, французы яростно атаковали стену с бойницами и защитой. Они попытались взломать большую дверь, которая была утоплена и, следовательно, защищена убийственным перекрестным огнем. Их отбросили обратно в лес, оставив кучу трупов. В этот момент Рейлле, согласно его собственному отчету (который вполне может быть точным), отдал приказ дивизии оставаться в лесу и не тратить силы на столь сильный аванпост. Но Джерому и его людям нельзя было отказать. Они обошли замок под сильным артиллерийским огнем английских батарей наверху и попытались взять северную стену. Пока они это делали, четыре роты Колдстримов, единственное подкрепление, с которым у Веллингтона мог возникнуть соблазн расстаться со своей главной линией, подошли в подкрепление обороне, и после ожесточенного боя французы были снова отброшены.

К тому времени перевалило за час, и это первое яростное покушение на Гугомона, непреднамеренное императором и явное расточительство, провалилось вдвойне. Сама по себе она потерпела неудачу — дом и сад по-прежнему оставались незанятыми, пост по-прежнему занимали. Оно не достигло своей цели, которая заключалась в том, чтобы отвлечь Веллингтона и заставить его перебросить многочисленные войска из центра направо для защиты угрожаемого места.

Тем временем император, для которого этот отвлекающий маневр нескольких полков против Гугомона был всего лишь незначительным делом, подготовился и собирался нанести свой главный удар.

Читатель увидит на контурах цветной карты определенный отрог суши, отмеченный широкой зеленой полосой перед боевым порядком французов и дополнительно отмеченный зеленой буквой "В" в самом центре карты. Именно вдоль этого отрога, примерно в час дня, император выдвинул большую батарею из восьмидесяти орудий, чтобы подготовить атаку на противоположный гребень, которая должна была начаться в тот момент, когда их огонь

прекратится. Наполеон в этот момент наблюдал за своей армией и ее приближающимся сражением с этой вершины на большой дороге, обозначенной зеленым цветом "А" на моей цветной карте, откуда открывается весь ландшафт на север и запад.[18]

Там он получил доклад Нея о том, что орудия готовы и ждут только приказа.

Незадолго до того, как пушки были готовы и Ней доложил об этом, Наполеон получил письмо Груши, в котором сообщалось, что основная масса прусской армии отступила на Вавр. Он ответил на это инструкциями Груши действовать так, чтобы ни один прусский корпус в Вавре не смог прийти и присоединиться к Веллингтону. Едва император продиктовал этот ответ, как, взглянув на север, а затем на восток, на открывшийся великолепный вид, он увидел, примерно в четырех милях от себя, тень, или движение, или пятно на голой возвышенности в направлении Вавра; он подумал, что это группы людей. Несколько мгновений спустя был доставлен сержант силезских гусар, взятый в плен некими кавалерийскими подразделениями далеко на востоке. У него было при себе письмо, отправленное Бюловым Веллингтону, в котором сообщалось, что пруссаки уже близко, и пленник далее сообщил императору, что только что замеченные войска были авангардом прусского подкрепления. Проинформированный таким образом, император приказал добавить постскриптом к продиктованному им письму и приказал Груши немедленно выступить к этой прусской колонне, напасть на нее, пока она еще была на марше и беззащитна, и уничтожить ее.

Такой приказ предполагал способность Граучи выполнить его; Наполеон считал эту способность само собой разумеющейся. Но на самом деле Граучи не смог выполнить его вовремя. Тяжелая езда не позволила доставить записку Наполеона в квартиру Граучи меньше чем за полтора часа. Когда дело дойдет до этого, нужно будет найти самого Граучи, и для этого его 33 000 человек должны быть собраны вместе, чтобы выбрать новое направление. Кроме того, император не мог знать, в каком состоянии могли находиться силы Груши и в каком направлении они, возможно, уже двинулись. Следует, однако, упомянуть, чтобы объяснить очевидную надежду Наполеона в тот момент на то, что дела пойдут хорошо, что *заклученный сказал императору, что в прусских войсках принято считать, что Граучи на самом деле в этот момент маршировал, чтобы присоединиться к нему, Наполеону*,. Наполеон послал часть кавалерии на восток, чтобы наблюдать за наступлением пруссаков; он приказал остаткам одного армейского корпуса, Шестого, который он держал в резерве позади своей линии,[19] спуститься с холма к деревне Плансенуа и быть готовым встретить прусскую атаку; и, сделав все это, он приготовился к штурму хребта, который удерживали войска Веллингтона.

Этому штурму должна была предшествовать, как я уже говорил, артиллерийская подготовка с большой батареи из восьмидесяти орудий, которая располагалась вдоль отрога к северу и перед линией французов. В течение получаса эти орудия наполняли неглубокую долину дымом; в половине второго они прекратились, и Первый армейский корпус Эрлона, только что вступивший в бой, поскольку, к несчастью, промахнулся мимо Линьи и Катр-Бра, начал спускаться со своих позиций, пересекать дно и взбираться на противоположный склон, в то время как над головами атакующих колонн французские и английские пушки отвечали друг другу с высоты на высоту.

Наступление через долину, как видно из карты, имело справа от себя деревню Папелот, слева ферму Ла-Э-Сент, а целью было шоссе, которое проходит вдоль вершины хребта и большая

часть которого в те дни представляла собой проселочную дорогу, столь же эффективную для обороны, как и обычная траншея.

Следуя практике, от которой он никогда не отказывался, которую он считал повсеместно успешной и на которую он всегда полагался, герцог Веллингтон сохранил свои британские войска, ядро своего оборонительного плана, для последней и худшей части операции. Он разместил для принятия на себя первого удара те войска, на которые меньше всего полагался, и это была первая голландско-бельгийская бригада под командованием Бийландта. Это тело было размещено перед затонувшей дорогой (в точке, отмеченной красным на карте). За ним он разместил бригады Пака и Кемпа, обе британские; слева от него, но также позади дороги, ганноверскую бригаду Беста. Деревню Папелотт он удерживал вместе с бельгийцами Перпончера.

Будет видно, что сокрушительный огонь восьмидесяти французских орудий, продолжавшийся в течение получаса, полностью обрушился на голландско-бельгийских солдат, стоявших незащищенными на переднем склоне на расстоянии не более 800 ярдов.^[20] При атаке французов, хотя она была нанесена по высоким посевам и по размокшей и скользкой почве вверх по склону, бригада Бийландта разбилась. Действительно, сомнительно, что какие-либо другие войска не сломались бы при таких обстоятельствах. К сожалению, этот инцидент стал предметом неоднократных и крайне несправедливых обвинений. Отряд, намеренно выдвинутый вперед перед всей линией фронта, чтобы выдержать такой страшный обстрел и укрыть остальных; более того, отряд, который за два дня боев определенно потерял четверть своего состава убитыми и ранеными и, вероятно, потерял более трети, заслуживает гораздо более рыцарского суждения, чем то, которое демонстрируют в его отношении большинство историков. Как бы то ни было, бригада Кемпа быстро заполнила брешь, образовавшуюся после неудачи нидерландцев, и начала оттеснять французскую атаку.

Тем временем французские правые, захватившие Папелот, были вынуждены отступить, увидев, что центр таким образом отброшен назад, в то время как французским левым не удалось захватить ферму Ла-Э-Сент. Действительно, на этой стороне, то есть в районе большой дороги, сдерживание французского наступления было более полным, чем где бы то ни было. Попытка добиться своего первого успеха кавалерийской атакой была встречена заслуженно знаменитой контратакой, в ходе которой, среди других полков, Первый и Второй лейб-гвардейские, Синие, королевские драгуны, сломили французскую конницу и последовали за отступающими французами вниз по склону. Центр этого отступления был точно так же атакован шотландскими серыми; и в конце всего дела английские всадники подъехали к отрогу, где стояла большая батарея, зарубили артиллеристов саблями, а затем, будучи таким образом так бесполезно и так опасно отодвинуты от своей линии, были, в свою очередь, отброшены назад к английским позициям с большими потерями.

Когда эта начальная глава сражения завершилась, конечным результатом стало то, что первоначальная атака Первого корпуса под командованием Эрлона провалилась. Он оставил после себя много пленных; некоторые орудия, которые продвигались вместе с ним, были выведены из строя; он потерял два цвета.

Если не считать яростного непоследовательного и почти бесцельного боя, который все еще бушевал далеко слева вокруг Гугомона, битва прекратилась. Долина между противоборствующими силами была усеяна мертвыми и умирающими, но ни одна

сформированная группа не стояла и не двигалась среди павших людей. Во время этой странной остановки все обтекаемые склоны выглядели как поле битвы, уже проигранное или выигранное. Это было между тремя и половиной шестого пополудни, и так закончился первый этап битвы при Ватерлоо. Это продолжалось чуть больше двух часов.

Вторая часть Акции

Вторая и решающая фаза битвы при Ватерлоо отличалась от первой тем, что на первой фазе Наполеон атаковал команду Веллингтона в одиночку. Это была линия против линии. Наносся удар по линии противника на гребне Мон-Сен-Жан, Наполеон уверенно рассчитывал прорвать ее до конца дня. Его первый молниеносный удар, которым стала атака Первого армейского корпуса под командованием Эрлона, провалился, и провалился сильно. Кавалерия, поддержавшая атаку пехоты, потерпела неудачу так же, как и их товарищи, и британцы, в свою очередь, атаковали отступающих французов, ворвались прямо в их строй, закололи саблями их артиллеристов, но, в свою очередь, были разбиты контрударом другой французской кавалерии.

Эта первая фаза закончилась своего рода остановкой или обмороком в битве, как я уже описывал.

Вторая фаза была совсем другим делом. Она превратилась, по сути, в два сражения. Наполеон сражался не только против Веллингтона перед собой, но и против Блюхера, который был справа от него и почти позади него. Это было уже не простое дело - ударить всей силой французской армии по британцам и их союзникам на переднем гребне, но отчаянная попытка прорвать англо-голландскую линию с течением времени, с уменьшающимися и постоянно сокращающимися силами; с силами, постоянно сокращаемыми необходимостью отводить все больше и больше людей вправо, чтобы противостоять, если это было возможно, возрастающему давлению накапливающихся прусских войск на правый фланг французов.

Эта вторая фаза боевых действий при Ватерлоо началась около четырех часов.

Это правда, что прибывающие пруссаки еще не вышли из-за лесной завесы, скрывавшей их в двух с половиной милях к востоку, но в тот час (четыре часа) головы их колонн были полностью готовы к выступлению, и задержка между их фактическим появлением на поле боя и началом второй половины сражения не имела существенного значения для результата.

Вторая половина сражения началась с серии мощных кавалерийских атак, которые император не планировал и которые, даже наблюдая за ними, он верил, что они будут для него фатальными. Как зрелища, эти знаменитые скачки представляли собой самое ужасное и запоминающееся зрелище в истории современной войны; как тактика они были ошибочными, и прискорбно ошибочными.

Прежде чем началась вторая фаза сражения, Наполеон, видя наступление пруссаков и не видя Груши, мог легко изменить свой план, отказаться от наступления, занять оборону вдоль высоты, которой он командовал, там ожидать Груши и, если Груши все еще медлил, поддерживать шансы на исход, который мог быть, по крайней мере, негативным, если бы он мог предотвратить его решающую катастрофу.

Но даже если такая концепция и приходила в голову императору, военная наука была против этого. Если бы когда-нибудь у тех, кто противостоял ему, было полное время сконцентрировать свои силы, он бы, даже с подкреплением Груши, сражался почти два к одному. Его очевидный, можно сказать, необходимый план состоял в том, чтобы прорвать линию Веллингтона, если ее еще можно было прорвать, прежде чем наступающие пруссаки почувствуют на себе полное давление. Без этого не могло быть ничего, кроме немедленной или окончательной катастрофы.

Гораздо позже мы увидим, как судьба предоставила императору еще одну возможность оторваться и перейти к обороне или отступлению, по мнению некоторых критиков.

Но мы увидим, что в тот второй и более поздний раз в тот день его преимущество при этом было еще меньше, чем сейчас, между половиной четвертого и четырьмя часами, когда он решил возобновить бой.

Сначала он отправил Нейю приказ удостовериться в Ла-Э-Сент, выбить врага из этого опорного пункта, который сдерживал прямое наступление на центр, а затем возобновить общую атаку.

Ла-Эй-Сент не был взят с этой первой попытки. Французы были отброшены; стрелки, которые помогали прямой атаке, поднимаясь по склону справа, также были отброшены назад, и после этого неудачного начала движения орудиям было приказано подготовить дальнейшую и более энергичную атаку в большем масштабе. Не только первая большая батарея из восьмидесяти орудий, но и многие батареи к западу от Брюссельской дороги (которые до сих пор были обращены на Гугомон и английские орудия за этой позицией) были теперь направлены на центр английской линии, и там разразилась канонада, еще более яростная, чем та, которая открыла бой в час дня. Люди, воспитанные на военном опыте целого поколения, называли это самым яростным артиллерийским натиском своего времени; и никогда, возможно, даже за всю карьеру артиллериста, который сейчас находился на последнем рубеже своей судьбы, оружие не служило ему лучше.

Под ударами этого снаряда фронт командования Веллингтона был частично отведен под прикрытие хребта. Поток раненых, смешанный с немалым количеством разбитых и обращенных в бегство людей, начал растекаться на север по Брюссельской дороге; и Ней, вообразив при таком зрелище, что линия противника дрогнула, совершил свою капитальную ошибку и призвал кавалерию к атаке.

Линия Веллингтона не дрогнула. Для массы французской кавалерии броситься в атаку в такой момент означало безвозвратно растратить энергию, высокий потенциал которой на поле боя соответствует очень быстрому истощению, и которая, будучи бесценной против фронта, пошатнувшегося и сомнительного, бесполезна против фронта, все еще прочного.

Этот ложный шаг отдал приказ не император и не мог быть им. Неясно даже, был ли весь отряд всадников, который двинулся в путь, вызван Неем, или же самые задние не просто следовали за продвижением своих товарищей. Во всяком случае, большая группа всадников^[21], находившаяся в резерве позади Первого армейского корпуса и к западу от дороги, полностью прошла сквозь пехоту и начала рысью продвигаться вниз по долине для атаки на противоположный склон.

Я повторяю, неизвестно, призвал ли Ней всю эту массу кавалерии и намеренно ли рисковал растратить ее одним ударом. Более вероятно, что произошло какое-то недоразумение; что

командование Десноэтта, которое было составлено за командованием Мийо, последовало за командованием Мийо, находясь под впечатлением, что обоим был отдан общий приказ; что Ней, видя, что этот дополнительный отряд кавалерии следует за ним, вообразил, что приказ отдал Наполеон. Во всяком случае, Наполеон никогда не отдавал подобных приказов и с высоты, на которой он стоял, не мог видеть их первого исполнения, поскольку первое наступление этой кавалерии было скрыто от него небольшим возвышением местности.

В долине к западу от брюссельской дороги для атаки было выстроено 5000 всадников. Только когда они начали подниматься по склону, Наполеон увидел, каким количеством людей они рисковали, и осознал всю серьезность ошибки Ней.

Атаковать нерасчлененную пехоту таким образом, да еще и без немедленной пехотной поддержки, было делом, которым этот мастер войны никогда бы не приказал, и которое, когда он увидел, как оно развивается под командованием его лейтенанта, наполнило его чувством опасности. Но было слишком поздно колебаться или менять диспозицию этого внезапного шага. 5000 человек поднялись медленной и трудной рысью по стоячим посевам и густой грязи на возвышенностях, выдержали — с секундным колебанием — последний залп британских орудий, а затем, достигнув края плато, перешли в галоп и бросились в атаку.

Это было бесполезно. Они миновали линию орудий (артиллеристы получили приказ бросить свои орудия и отойти в ряды пехоты); они развили слишком короткий натиск, слишком слабый импульс; они бурлили, как гласит известная метафора того поля боя, “подобно сердитым волнам, обтекающим скалы”; они обрушивались со всех сторон на квадраты, в которые выстроилась пехота союзников. Площади стояли.

Веллингтон был невысокого мнения о своем командовании. Она содержала, действительно, элементы более разнообразные и необработанный материал, в большей пропорции, чем когда-либо приходилось иметь дело ему или, возможно, любому другому генералу великих войн, но до сих пор это была непоколебимая пехота; и вся концепция этого ложного движения, вся ошибка этого действия кавалерии заключалась в идее, что линия фронта союзников пострадала так, как она была очень далека от страданий. Против каре ничего не предпринималось; и самым стойким из них, ядром всего сопротивления, были каре британской пехоты в три ряда, против которых яростный рукопашный бой саблями, прищипывание шпорами и фехтование саблей со штыком оказались совершенно бесполезными. На эту массу всадников, беспорядочно и безрезультатно двигавшихся по островам пеших, сопротивляясь всем их усилиям, Аксбридж, собрав всю свою кавалерию, бросился в атаку, и 5000 свежих всадников обрушились на французских улан и кирасир, уже измельченных картечью с пятидесяти ярдов и мушкетным огнем с десяти. Эта контратака Аксбриджа очистила плато. Французские всадники развернули конницу и снова скрылись во впадине долины, а английские артиллеристы вернулись к своим орудиям. Вся ярость затеи провалилась.

Но это не удалось лишь на мгновение. То, что осталось от французской кавалерии, перестроилось и снова попыталось атаковать. И снова, несмотря на то, что их численность сильно уменьшилась, они взобрались на склон; и снова образовались каре, и мучения всадников вокруг них возобновились.

Если смотреть с того места, где Наполеон стоял в тылу своей линии, с высоты, с которой открывался вид на поле боя, менее гениальным глазам, чем его собственные, казалось, что эта

вторая попытка увенчалась успехом. Действительно, его свирепая дерзость, казалось, не только французским наблюдателям на таком расстоянии, обещала успех. Командиры резервных батарей в тылу линии Веллингтона были предупреждены об отступлении, и Наполеон, неохотно, но вынужденный необходимостью, увидев, наконец, один шанс на победу простым ударом, сам выслал вперед конный резерв для поддержки отдаленных кирасир и улан. Он обратился к Келлерману, командовавшему кавалерией гвардии, с просьбой продолжить атаку.

Он знал, насколько сомнительным был успех этого последнего подкрепления, ибо знал, насколько опрометчивым был первый бросок Нейя с огромной массой конницы на не сломленного врага; но теперь, когда дело было сделано, чтобы без поддержки оно не переросло в панику, которая могла охватить всю армию, он рискнул почти последними конными войсками, которые у него были, и послал их вперед, действуя таким образом, как человек, бросающий хорошие деньги за плохими из страха, что все может быть потеряно.

Все же более веская причина побудила Наполеона рискнуть на самый отчаянный случай и бросить Келлермана по пятам за Мийо. Этой причиной было наступление, теперь уже завершенное, пруссаков справа от него и настоятельная и мучительная необходимость прорвать линию Веллингтона, прежде чем вся мощь вновь прибывших почувствуется на французском фланге и в тылу.

Давайте тогда обратимся и посмотрим, насколько далеко и с какой скоростью пруссаки в этот момент — почти к половине шестого - достигли своей цели.

Из четырех прусских армейских корпусов, расположившихся бивуаком вокруг Вавра и, как мы видели, беспрепятственно со стороны Груши, именно четвертому, корпусу Бюлова, была поставлена задача выступить первым воскресным утром на соединение с Веллингтоном. Он действительно находился дальше всех к востоку от всей прусской армии,^[22] но он был свеж для сражения, поскольку прибыл слишком поздно, чтобы вступить в бой при Линьи. Она была законченной; ею хорошо управляли.

Путь, который ему предстояло пройти, был не только долгим, но и трудным. Переход через реку Ласне должен был быть осуществлен по такому крутому ущелью и таким непроходимым путям, что современный наблюдатель, следуя за этим маршем так, как следовал за ним автор настоящего произведения, после дождя по тем же полям и дорогам, невольно удивляется, что это было сделано в то время, которое энергия Блюхера и традиционная дисциплина прусских солдат сочли возможным. Во всяком случае, головы колонн были на опушке Фишермонского леса при Ватерлоо^[23] (или Парижа) еще до четырех часов и были готовы к высадке. Веллингтон ожидал, что они будут на поле самое позднее к двум часам дня. Они разочаровали его на два часа и почти на три, но чудо в том, что они прибыли вовремя; и здесь уместно подробно рассмотреть этот подвиг, совершенный Четвертым прусским армейским корпусом, поскольку это вопрос, о котором наши историки Ватерлоо часто умалчивают и которым, к сожалению, пренебрегают в нашей стране.

Четвертый прусский армейский корпус под командованием Бюлова находился так далеко на востоке, что достиг Льежа, когда 14 июня Наполеон готовился переправиться через Самбр. Все его различные подразделения находились в непосредственной близости от города, так что ни

одно из них не было обойдено вниманием в ходе значительного марша, который все они собирались предпринять на запад; даже самый западный его отряд находился не более чем в трех милях от Льежа.

Бюлов должен был получить приказ выступить на запад в половине одиннадцатого утра 15-го. Приказ, как мы видели, говоря о Линьи, был отдан только вечером того же дня. Четвертому армейскому корпусу было приказано сосредоточиться в окрестностях Ханнута и немного восточнее этого отдаленного пункта. Корпус в целом прибыл только во второй половине дня в пятницу 16-го.

Именно с этого момента — Ханнута — начинаются великие усилия.

Следует помнить, что Бюлов командовал не менее чем 32 000 человек. Утомление и трудности, сопутствующие продвижению такого тела, по большей части привязанного к одному пути, легко оценить.

Во второй половине дня 16-го, пока шло сражение с Линьи, он выдвинул весь этот корпус к пунктам непосредственно к северу и востоку от Жамблу. Таким образом, ни один человек из его великого отряда не прошел меньше двадцати миль, многие, должно быть, прошли более двадцати пяти в ту пятницу днем.

Затем последовала ночь, в течение которой остальные три разбитых корпуса отступили к Вавру.

Та ночь была полна их растерянного, но беспрепятственного отступления. Ранним утром субботы 32 000 человек Бюлова отступили вдоль линии, параллельной общему отступлению, и весь тот день они пробирались по пересеченной местности через Велайн и Коррой в Дион-Ле-Мон.

Эта задача была выполнена под проливным дождем, по немощеным дорогам и по невыносимой грязи на расстоянии почти семнадцати миль для наиболее отброшенных войск и не менее тринадцати для тех, кого случайность расположения пощадила больше всего.

Большая часть Четвертого корпуса провела первую ночь под открытым небом; всю вторую ночь они провели на промокшей земле. На *третий* день, воскресенье битвы при Ватерлоо, это войско, хотя оно находится дальше всех прусских войск от поля битвы при Ватерлоо, выбрано для первого марша на помощь Веллингтону, потому что оно еще не участвовало в боях и считается “свежим”. Таким образом, на рассвете, после стоянки бивуаком в ту ужасную погоду, войско Бюлова снова в движении. Она пройдет через Вавр только где-то около восьми часов, и об ужасных условиях марша можно догадаться по тому факту, что ее центр достиг Сен-Ламбера только в час дня, а последняя бригада прошла через это место только в три часа. Спуск по крутому ущелью Ласне и подъем по его западной стороне были настолько трудным делом, что, как мы видели, бригады начали выходить из леса на вершине только после четырех часов. Только после пяти часов последняя бригада, 14-я, выстроилась в ряд с остальными на поле Ватерлоо, продвинувшись в таких отвратительных условиях медленного, промокшего марша еще на пятнадцать миль.

Таким образом, примерно за сорок восемь часов эта великолепная работа была выполнена. Общее продвижение составило более пятидесяти миль для среднего бойца корпуса —

определенно более шестидесяти для тех, кто прошел дальше всех, — с перерывом всего в две короткие ночи, и те ночи были проведены под открытым небом, одну из которых - под проливным дождем. Все это было совершено без заметных потерь в людях, оружии или багаже, и в конце концов эти люди завязали бой, который стал главным фактором, решившим исход Ватерлоо.

Таково было величайшее усилие Четвертого прусского армейского корпуса, решившее исход битвы при Ватерлоо.

За всю историю войн не так много примеров столь стойкой выносливости и столь превосходной организации передвижения столь крупных сил в подобных условиях.

Когда Четвертый прусский корпус выступил из леса Фишермон и начал двухмильное наступление во фланг Наполеону, за которым уже наблюдал кавалерийский отряд, Наполеон приказал Лобау с Шестым французским армейским корпусом, или, скорее, с тем, что он оставил при себе из Шестого армейского корпуса, выступить вперед и остановить его.

Речь могла идти только об отсрочке. У Лобау было всего 10 000 человек против 30 000, которые Бюлов мог в конечном счете выставить против него, когда подошли все его бригады; но промедление было для Наполеона главным в тот момент. Отражать наступающий натиск пруссии ровно настолько, насколько это позволило бы ему удерживать Мон-Сен-Жан, было его самой отчаянной потребностью. Лобау встретился с врагом втроем против двоих в долине Плансенуа,^[24] был обращен в бегство таким численным превосходством и изгнан из деревни.

Все это время, во время успеха пруссии, который все ближе и ближе подводил вражеское подкрепление к тылам французской армии и к позициям самого императора, напрасные, хотя и великолепные действия французской кавалерии продолжались против правого центра Веллингтона, к западу от брюссельской дороги. Келлерман атаковал в третий раз; плато было занято, британские орудия брошены, каре образовано. В третий раз это яростное столкновение конницы с пешими было видно с далекой высоты Бель-Альянс. В третий раз это зрелище несло с собой обманчивую видимость победы. В третий раз кавалерийская атака снова отступила, истощенная, в долину внизу. Ней, такой же необузданный, каким он был при Катр-Бра, не сумевший рассудить так же, как и тогда, крикнул о последнем резерве конницы и забыл призвать те 6000 нетронутых пехотинцев, основную часть Второго корпуса Рейля, которые наблюдали с высоты французского хребта за тщетными усилиями своих конных товарищей.

Каким бы безумием ни было атаковать непрерывную пехоту одной конницей, атаки были настолько повторяющимися и упорными, что при *немедленной* поддержке пехоты они могли бы добиться успеха. Если бы тем 6000 человек Рейля, основной массе Второго армейского корпуса, которые стояли без оружия на гребне холма к западу от брюссельской дороги, было приказано неотступно следовать в последней кавалерийской атаке, Наполеон, возможно, все же вырвал бы победу в таком отчаянном двойном натиске, какого еще не избежал ни один генерал в военной истории. Предположительно, он мог бы прорвать линию обороны Веллингтона до того, как этот собирающийся поток пруссаков справа и позади него завершил бы его уничтожение.

Но момент был упущен. Пехоте Рейля не приказывали выдвигаться вперед до тех пор, пока у обороняющейся линии не было достаточно времени, чтобы подготовиться к обороне; пока

английские артиллеристы снова не вернулись к своим орудиям, а английские каре снова развернулись и удерживали всю линию своих высот.

Такие ошибки легко заметить, когда мы измеряем часы и расстояния по карте. Некоторых удивляет, что такие серьезные ошибки вообще появляются в истории армий. Те, у кого есть опыт действительной службы, расскажут нам, что означало опьянение от кавалерийских атак, какой кровью был переполнен мозг Нея и почему приказ пехоте поступил слишком поздно. Из 6000 пехотинцев, предпринявших столь запоздалую атаку, четверть была разбита еще до того, как была достигнута британская линия, и эта атака, в свою очередь, провалилась.

В этот момент сражения, чуть позже шести часов, два успеха французов дали им возможность предпринять последнее катастрофическое усилие и положили конец трагедии.

Первым был захват Ла-Эй-Сент, вторым - возвращение Плансенуа.

Ла-Э-Сент, все еще остававшаяся неврежденной перед самым фронтом линии Веллингтона, должна была быть захвачена, если Наполеон предпримет еще одну попытку. Майор Бэринг удерживал его со своим небольшим отрядом немцев весь день. Дважды он отражал общую атаку, ина протяжении более чем пяти часов он сопротивлялся частичным и столь же безуспешным атакам. Теперь Ней, которому было приказано осуществить это любой ценой, выставил против него дивизию, и даже больше, чем дивизию. Французы вскарабкались на своих мертвецов, взломали двери, стреляли со стен, и в конце бойни Бэринг с сорока двумя людьми - все, что осталось от него из девяти рот, — прорубил себе путь обратно к основным позициям, и ферма была взята. Гугомон на левом фланге, вокруг которого весь день бушевала бессмысленная борьба, так и не был полностью очищен от своих защитников, но основная его часть была объята пламенем, и со взятием Ла-Э-Сент весь фронт был свободен для последней атаки в тот момент, который должен был решить Наполеон.

Тем временем у Плансенуа новые французские подкрепления отбили деревню и снова потеряли ее. Шестой корпус, как мы видели, отступил перед наступлением пруссии. Следующее французское подкрепление, хотя поначалу и отбросило пруссаков назад, в свою очередь отступило, когда подошли последние части противника, и прусские батареи обрушили заряды прямо на поля, окаймлявшие брюссельскую дорогу.

Наполеон взял одиннадцать батальонов гвардии (императорская гвардия была его резервом и еще не вступила в бой[25]) и расположил их на своем фланге для защиты брюссельской дороги; еще двумя батальонами он усилил колеблющиеся войска в Плансенуа. Штыком они выбили врага из деревни и на какое-то время сдержали то давление на фланг и тыл, которое в конечном итоге не могло не возобновиться.

Было уже чуть больше семи, когда все это было сделано. Наполеон обозревал поле боя, по которому все еще было возможно (по крайней мере, по его мнению) нанести удар, который мог бы спасти его. Далеко слева он увидел охваченный пламенем Гугомон; в центре - захваченный Ла-Э-Сент; справа - стрелков, наступавших по склону перед английской линией; его восточный фланг на мгновение освободился от пруссаков, которые отступили перед внезапной атакой гвардии. Он услышал вдалеке канонаду, которая могла принадлежать Граучи.

Но даже когда он рассматривал свою возможность, он увидел еще одну вещь, которая подтолкнула его к немедленному риску. На северо-восточном углу своей напряженной и

согнутой назад боевой линии, на дальнем, опасном, незащищенном ее участке, он увидел новые, совершенно неожиданные полчища наступающих людей. В этот последний час Зитен выходил из боя во главе своего Первого прусского армейского корпуса - и Наполеон увидел, что самые отдаленные из его войск готовы уступить новому потоку.

Солнце, до захода которого оставалось не более часа, снова выглянуло. Его свет падал ровно в неглубокую долину, но вся эта впадина была настолько заполнена дымом недавних выстрелов, что последний удар, который теперь готовил Наполеон, был частично скрыт от союзников на холме. Этой последней ставкой, единственным оставшимся предприятием, должно было стать использование его последнего резерва и атака Охраны.

Пожалуй, ни в одном сражении в истории не было столь отчаянной ситуации, которая сохранялась бы без приказа об отступлении. Фронт Веллингтона, на который наступали французы, все еще оставался непробитым; на французский фланг и тыл, хотя Четвертый прусский армейский корпус на данный момент был удержан, он неизбежно должен был вернуться; оставалось еще больше: они наступали на единственную линию, открытую французам для отступления, и теперь сюда наступал Зитен со своими новыми массами.

Если в этот час, сразу после семи, в тот роковой день отступление было для Наполеона возможным или целесообразным, этого требовали все правила военного искусства. Теперь он был в значительном меньшинстве; его измученные войска были напряжены до предела. Заходить слишком далеко в таком напряжении означает во всех отношениях, не только на войне, непоправимую катастрофу.

Но отступление вряд ли было возможно как военная акция; оно было невозможно как политическая.

Наполеон вряд ли мог отступить в тот час, хотя он уже был разбит, потому что ярость и истощение боя, растущая неразбериха и растущее рассеяние его частей делали любую быструю концентрацию и организацию с целью внезапного отступления крайне опасными. Обреченный корпус, прижатый все ближе и ближе к своему правому флангу, подвергшийся все большей угрозе в правом тылу, а теперь внезапно оказавшийся под угрозой на своем незащищенном выступающем углу, будет сражаться дальше.

Хотя Наполеон вышел из боя час назад, когда 30 000 человек Бюлова нанесли удар по его правому флангу и сделали его поражение неизбежным; хотя он тогда, пока еще мог, организовал отход, прекратил яростную борьбу за Ла-Э-Сент до того, как она увенчалась успехом, и прикрыл своими лучшими войсками немедленное отступление, это отступление не помогло бы его делу.

Появление пруссаков справа от него наглядно доказало природу его гибели. Граучи — четверть его сил — был полностью отрезан от него. Враг, которого он считал неподвластным Граучи и которого Граучи преследовал, появился, напротив, между ним и Граучи. Теперь Зитен тоже была здесь.

Если бы Наполеон ушел в отставку, он ушел бы до того, как силы наполовину сравнялись с его собственными, и им было суждено вырасти вдвое в течение нескольких часов. Его уход на пенсию привел бы Ворчуна к неминуемой катастрофе.

С политической точки зрения отступление было еще более безнадежным. Сам он вернулся бы во Францию побежденным, имея самое большее половину сил, которые пересекли границу тремя днями ранее. Таким образом, он вернулся во Францию, более богатые классы которой следили за его властью, почти все с завистью, большинство с активной ненавистью, окруженный генералами, из которых, возможно, не было и десяти, которым он мог искренне доверять, и целым обществом, которое поддерживало его только при сомнительном условии победы.

Такой уход был крахом. Морально это было еще более невозможно, чем физически, в полевых условиях. Поэтому в столь отчаянных условиях, проиграв битву, если вообще когда-либо была битва, император все же предпринял один решающий бросок и за полчаса до захода солнца выслал вперед Гвардию.

В те торжественные минуты, когда императорская гвардия построилась для спуска в лощину, на дальнем склоне которой предстояло увидеть их последний ратный подвиг, Зитен с Первым прусским корпусом продвинулся в дальний угол поля битвы. На дальнем конце длинного хребта Мон-Сен-Жан, более чем в миле отсюда, этот последний крупный отряд и новейшее подкрепление врагов императора вышли из-за стен и зарослей Смохена и, новички в боевых действиях, уже теснили измотанные французские линии, выдержавшие шестичасовую бойню. Недостаточно было того, что Четвертый прусский корпус уже определил исход дня со своими 30 000 человек, выступившими против него с востока; теперь передовые батальоны Первого, наступавшего с севера, казалось, окончательно решили дело.

Именно в таких условиях непоправимой катастрофы Наполеон сотворил чудо и сам, медленно спускаясь по долине во главе своих товарищей и ветеранов, передал их Ней для последней атаки на линию Веллингтона, которая все еще удерживала противоположный склон.

Именно тогда, в тот момент, когда Зитен и бойцы Первого прусского армейского корпуса начали наступление на северо-восточном участке сражения и были готовы полностью овладеть им, гвардия начала массированное наступление между Гугомоном и Ла-Э-Сент, к западу от брюссельской дороги. На том роковом холме, который стал свидетелем четырех крупных кавалерийских атак и совсем недавно разгрома Второго корпуса, высокие мужчины, еще более высокие из-за медвежьих шкур и мушкетов на плечах, наследники двадцати двух победоносных, а теперь бессмертных лет, наклонились вперед, наступая. К висящему в долине пушечному дыму добавился поднимающийся вечерний туман; и когда яростная канонада, которая должна была поддержать их атаку, прекратилась с их приближением к линии фронта противника, своего рода тишина воцарилась среди зрителей этого великого события.

Мероприятие было кратким.

Этому предшествовало странное зрелище: одинокий всадник невредимым проскакал галопом от французов к английской линии (капитан); он возвестил врагу о приближении гвардии. Он ненавидел флаг, Революцию и ее солдат: он был за старых королей.

В этой драматической помощи не было необходимости. Затишье в бою, необходимость Наполеона нанести последний удар, возможно, сквозь туман и дым было видно фактическое передвижение гвардии. Пехота, которую Веллингтон отогнал за гребень во время наихудшей артиллерийской подготовки, теперь снова выдвинулась вперед. Веллингтон направил для приема ударной бригады Адамса и гвардейской бригады самых сильных и пользующихся

наибольшим доверием своих войск. Три батареи резерва были выдвинуты вперед с приказом не отвечать на французские пушки, а вести огонь по наступающим колоннам в атаке.

Когда гвардия двинулась вверх, весь французский фронт справа двинулся вперед и поддержал атаку. Но слева Второй армейский корпус, недавно разбитые 6000 человек Рейля, все еще не мог продвинуться. Они отстали далеко к западу от брюссельской дороги; Охранник поднимался по склону один.

В двухстах ярдах от английской линии град начал косить их. Они смыкались после каждого залпа. Их продвижение продолжалось беспрепятственно.

Из четырех колонн[26] та, что ближе всего к брюссельской дороге, достигла, коснулась и прорвала линию защитников. Его численность составляла один батальон, но он взял две английские батареи и, атаковав бригаду Хэлкетта, поверг 30-й и 73-й полки в замешательство. На мгновение можно было бы вообразить, что линия обороны здесь прорвана, но этот первый и величайший шанс на успех был упущен, а вместе с ним и все шансы, ибо все решает голова атаки.

Читатель, вероятно, видел на карте, далеко к западу или слева, в Брейн-л'Алле, бельгийский резерв, который Веллингтон отвел так далеко, ошибочно полагая, что французы попытаются повернуть его в этом направлении. Эти силы в 3000 человек с шестнадцатью орудиями Веллингтон отозвал на последних этапах сражения. Именно их действия, и особенно действия их артиллерии, сорвали этот первый успех гвардии. Голландцы атаковали штыками, чтобы усилить эффект от своих пушек, и самая западная колонна французской атаки была уничтожена.

Поскольку все четыре колонны шли не в один ряд, а голова первой была немного впереди, чем голова второй, голова второй - чем голова третьей, и так далее, удар французской гвардии по британцам пришелся на четыре отдельных удара, каждый из которых был нанесен на несколько мгновений позже предыдущего.

Мы видели, как голландцы разбили первую колонну.

Вторая колонна, атаковавшая справа от бригады Хэлкетта, также потерпела неудачу. 33-й и 69-й полки действительно дрогнули, но оправились, и их выздоровление было во многом обусловлено личным мужеством их командира.

Следующая колонна, опять же третья, налетела на британскую гвардию; и гвардейцы, прекратив огонь до тех пор, пока противник не оказался на расстоянии броска камня, открыли огонь в упор и привели французов в замешательство. Во время этой неразберихи гвардейская бригада бросилась в атаку, преследовала противника часть пути вниз по склону, была окружена врагом и снова отброшена на гребень.

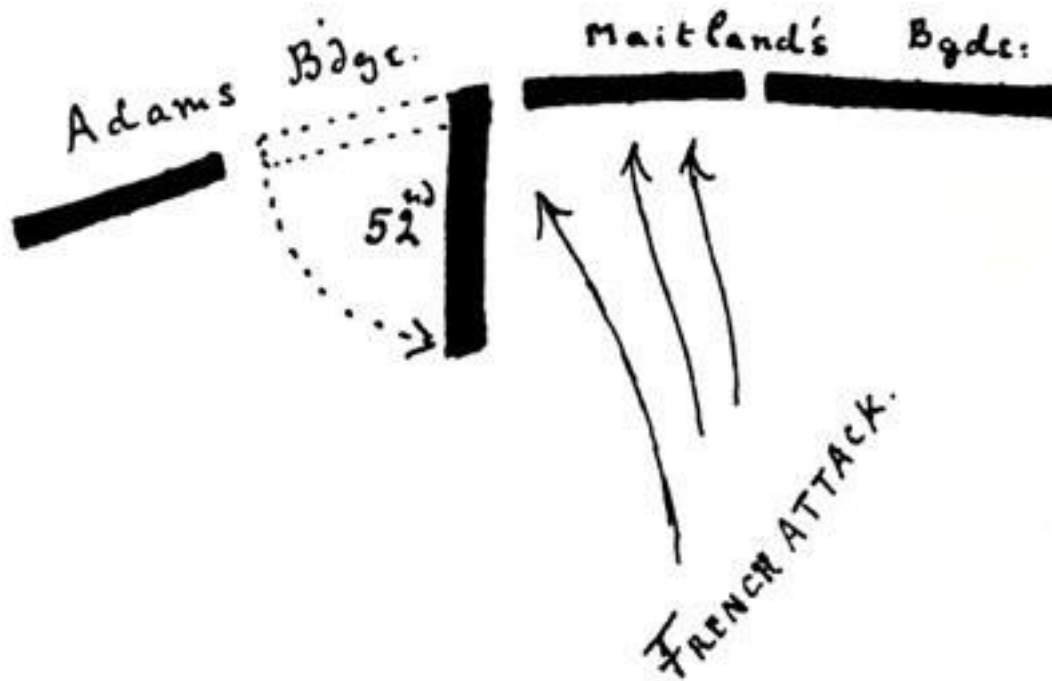
Четвертая колонна французов теперь почти достигла крайнего края британской линии. Здесь бригада Адамса, батальон 95-го, 71-го и 52-го полков, ожидала удара.

52-й был самым ближним из трех.

Он стоял как раз там, где замешательство гвардейцев, отброшенных назад на холм, соединилось со все еще не сломленными рядами крайнего звена британцев под командованием Адамса.

52-е число определило кризис того дня. И именно тогда была решена битва при Ватерлоо, или, если быть более точным, это был момент, когда наступил неизбежный переломный момент.

Колборн был его командиром. Вместо того, чтобы ждать в линии, он решил пойти на очень серьезный риск, покинуть ее по собственной инициативе и пойти на огромный риск; он взял на себя смелость вывести 52-й полк вперед, перед линией обороны и перпендикулярно ей, и таким образом обрушить фланговый огонь на последнюю атаку французов.

Опасность была действительно очень велика. Это оставило брешь в английской линии; возможность, даже шанс, французского наступления слева против этой бреши и в тылу 52-го полка означал гибель. Это было из тех вещей, которые, когда люди делают это и терпят неудачу, являются их концом. Колборн сделал это и преуспел. Слева от 52-го полка французы не предприняли никаких усилий. Следовательно, ей следовало учитывать только свой фронт; она развернулась, оставила опасную брешь в английской линии и обрушила свой огонь во фланг последней атаке четвертой французской колонны. Этот огонь был успешным. Штурм приостановился, дрогнул и начал сдаваться.

Французская линия справа, продвигавшаяся в поддержку усилий гвардии, увидела это отступление, и как раз в тот момент, когда они это увидели, пришли известия о неконтролируемом и подавляющем натиске Зитена на северо-восток поля боя, натиске, который и там, наконец, сломил французский строй.

Эти два события произошли настолько почти одновременно, что никакие исторические изыскания или аргументы теперь не определяют право ни того, ни другого на приоритет. Когда французы к западу от Брюссельской дороги уступили, вся английская линия двинулась вместе и начала наступление. Когда остатки Первого французского армейского корпуса к востоку от брюссельской дороги были атакованы Зитеном, *они* также сломались. В какой момент произошло первое сгибание, никогда не будет определено.

Войско Наполеона, растянутое до последнего предела и даже дальше, рвалось с еще большей яростью, и в эти последние мгновения дневного света полное замешательство охватило все его многочисленные и разрозненные части, кроме двух.

Эти двое были, во-первых, определенными остатками самой гвардии, а во-вторых, войсками Лобау, все еще упрямо удерживающими восточный фланг.

Каре Старой гвардии, стойкие, но изолированные в потоке паники, сдерживали преследование, как острова сдерживают поток. Преследование все еще продолжалось. Весь мир знает историю о вызове, брошенном этим ветеранам, и о спорном ответе Камбронна как раз перед тем, как мушкетная пуля разmozжила ему лицо и он упал замертво. Лобау также, как я уже говорил, держал свои войска вместе. Но поток прусского наступления, постоянно усиливавшийся, унес Плансенуа; задние шеренги Шестого армейского корпуса, ввергнутые в огромную реку беглецов, которая теперь в панике текла на юг по Брюссельской дороге, были сметены ею и погибли; и, наконец, с наступлением темноты первые шеренги также смешались с массой паники, и императорская армия перестала существовать.

В ту ночь светила луна, и час за часом прусская кавалерия, которой была поручена эта задача, следовала за ними, размахивая саблями, наседая, ускоряя бегство. Миля за милей, мимо самого поля Катр-Бра, где после этих двух дней все еще лежали голые трупы, ободранные крестьянами, нарастал разгром. Истощение ослабило преследователей еще до того, как страх уступил место усталости преследуемых; и когда остатки армии Наполеона снова миновали Самбру, в катастрофе выжило не 30 000 разрозненных, неорганизованных, рассеянных и сломленных людей.[\[27\]](#)

КОНЕЦ

НАПЕЧАТАНО ИЗДАТЕЛЬСТВОМ NEILL AND CO., LTD., ЭДИНБУРГ.

НЕКОТОРЫЕ КНИГИ, ИЗДАННЫЕ ИЗДАТЕЛЬСТВОМ STEPHEN SWIFT & CO., LTD. по адресу Кинг-стрит, 16, Ковент-Гарден, Лондон

BELLES LETTRES

ПРИНЦ АЗРИИЛ. Автор: Артур Линч, М.А., М.Р. Crown 8vo. 5s. net. На призыв к чему-то новому в литературе, неопределимому, неожиданному был дан ответ.

БОЛЬШЕ СВЕРСТНИКОВ. Стихи Илера Беллока. Фотографии Б.Т.Б. Цена 2s. 6d. net. “Смех звучит в каждой строке стихов и иллюстрациях”. — *Daily Express*. “Тем, кто еще не попробовал своеобразный юмор, который эти сотрудники привнесли в ”Поучительные истории для детей” и ”Книгу зверей плохого ребенка”, следует во что бы то ни стало изучить историю жизни различных сверстников, изложенную в этих кратких стихах”. - *Times*.

АНГЛИЧАНИН В НЬЮ-ЙОРКЕ. Автор: Ювенал. Crown 8vo. 5s. net. Заметки и этюды о жизни в Нью-Йорке: яркая оригинальность и виртуозные дедукции. Мистер Иден Филпоттс пишет об авторе: “Увиденное блестяще изложено. Он пишет с большой силой и мастерством”.

СМЕНА ВРЕМЕН ГОДА. Автор Г. Г. Десмонд. Crown 8vo. 5s. net. Эта книга для всех любителей природы, пожалуй, больше всего понравится тем, кто живет в городах. Дух, даже если тело не может идти вместе с ним, возвращается обновленным благодаря этим экскурсиям за город.

ТОРЖЕСТВУЮЩАЯ ПОШЛОСТЬ. Чарльз Уитби, доктор медицины, автор книг “Создатели человека”, “Мудрость Плотина” и др. Корона 8vo, ткань. 3s. 6d. net. Эта книга, название которой по иронии судьбы напоминает “Торжествующую демократию” мультимиллионера, отражает разочарованное впечатление от современности. Это упрек оптимистам и предупреждение мечтателям.

ФИЛОСОФИЯ ДОНА. Г. Ф. Эбботт. Crown 8vo. 3s. 6d. net. Эта в высшей степени оригинальная и заставляющая задуматься книга представляет собой драматическое представление некоторых интеллектуальных сил, действующих в Англии сегодня.

ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА. Пьеса в четырех действиях. Эшли Дьюкс. Crown 8vo. 2s. net. Эта пьеса - та самая редкость, английская драма идей, которая ни в коем случае не является подражанием мистеру Бернарду Шоу. Это представляет собой интеллектуальный конфликт, который также является страстным конфликтом индивидуальностей.

СЭР ЭДВАРД: Краткий рассказ о благородной жизни. Автор: член Литературного общества. Корона 8vo, ткань. 1s. net. Юмор этой замечательной сатиры неотразим. Сэр Эдвард - не карикатура, а символ; материализация в гротескной форме дрейфующих идей и ложных идеалов запутавшейся цивилизации.

ДОЛИНА ТЕНЕЙ. Фрэнсис Грирсон. Crown 8vo. 6s. net. “Рассказано с удивительным очарованием... увлекательный, как любой роман.... Правда, хотя она часто страннее вымысла, почти всегда скучнее; мистер Грирсон совершил редкий подвиг, сделав ее интереснее”. — *Удар*.

КЕЛЬТСКИЙ ТЕМПЕРАМЕНТ и другие эссе. Фрэнсис Грирсон. 2s. 6d. net. “Я нахожу ‘Кельтский темперамент’ очаровательным и полным мудрости”. Уильям Джеймс.

СОВРЕМЕННЫЙ МИСТИЦИЗМ и другие эссе. Фрэнсис Грирсон. F'scap. 8vo. 2s. 6d. net. “Приятно читать серьезного критика, который серьезно относится к собственному мнению”. — *The Manchester Guardian*.

ПАРИЖСКИЕ ПОРТРЕТЫ. Фрэнсис Грирсон. 2s. 6d. net. “Самой замечательной чертой портретов мистера Грирсона является их необычайно четкая проработка деталей ... законченная, искусная и богато оформленная книга”. — *Times*.

ЮМОР НЕДОЧЕЛОВЕКА. Фрэнсис Грирсон. 3s. 6d. net. В этом томе собраны последние работы величайшего эссеиста нашего времени.... “Эссе из числа самых тонких и содержательных, которые я знаю”. — Морис Метерлинк.

LA VIE ET LES HOMMES. Фрэнсис Грирсон. 3s. 6d. net. “J’ai trouvé ces méditations pleines d’aperçus profonds et sagaces. J’ai été frappé de l’originalité puissante de la pensée de l’auteur.” — Sully Prudhomme (de l’Académie Française).

Сноски:

[1] Я использую слово “английский” здесь, чтобы подчеркнуть характер командования Веллингтона; ибо, хотя даже эта вторая половина линии обороны союзников в большинстве своем не была британского происхождения, все же в ней присутствовала значительная часть британских войск; командующим был англичанин, герцог Веллингтон, и лучшие части вооруженных сил были с этих островов.

[2] Скорее 106 000; 204 орудия.

[3] Несомненно, это ошибка в суждении, поскольку, таким образом, вся масса армии, вся, за исключением Первого и Второго корпусов, переправлялась бы через Самбру в этом одном месте, со всеми задержками, которые были бы связаны с таким планом. Фактически, Четвертый корпус, или правое крыло наступления, был, наконец, отправлен Шатле за реку, но было бы лучше отдать такие приказы с самого начала.

[4] Пленных прусцев было около пятисот.

[5] См. *ante*, стр. 27 и 32.

[6] Здесь можно было бы допустить пространное отступление от вопроса о том, как будет развиваться защита от воздушной разведки. В том, что она будет развиваться, никто не может сомневаться. Каждое такое преимущество со стороны одного комбатанта в конце концов было нейтрализовано распространением общих знаний и общего метода для всех.

[7] Если быть точным, не совсем пять двенадцатых.

[8] Стоит отметить, что Веллингтон, когда он впервые услышал о приближении Наполеона, велел Перпончеру оставаться в нескольких милях к западу, в Нивеле. Вплоть до битвы при Ватерлоо Веллингтон действовал под фантастическим впечатлением, что французы или значительная их часть по какой-то экстраординарной причине собирались свернуть с брюссельской дороги, повернуть на запад и атаковать его *справа*. Он, как и следовало ожидать от гения обороны, нервничал из-за своих сообщений. К счастью для Веллингтона, Перпончер просто не подчинился этим приказам, покинул Нивель до рассвета, был в Катр-Бра до восхода солнца и продолжил действовать, как мы увидим выше.

[9] Или самое большее шестнадцать.

[10] Эта первая гвардейская дивизия состояла из двух бригад Мейтленда и Бинга.

[11] Следует помнить, например, что корпус Зитена, который помог переломить чашу весов при Ватерлоо двумя днями позже, прибыл на поле битвы только *менее чем за полчаса до захода солнца*.

[12] На этой карте я пронумеровал отдельные корпуса и подразделения от одного до десяти, не называя их. Эти подразделения включают английскую кавалерию и бригаду Дорнберга, Камберлендский гусарский полк, Первую, Вторую, третью и Пятую пехотные дивизии, Брауншвейгский корпус, Нассауэрский полк и Вторую и третью нидерландские дивизии. Все они в конечном итоге достигли Катр-Бра, за исключением Второй пехотной дивизии.

[13] В котором 15 000 человек, поскольку точная статистика полностью отсутствует, и все это вопрос приблизительной оценки, мы можем назначить то соотношение, которое мы пожелаем, между убитыми, ранеными и пленными соответственно.

[14] Причина, по которой он, таким образом, не знал о том, что на самом деле произошло с пруссаками, заключалась в том, что офицер, посланный начальником прусского штаба к герцогу после наступления ночи, чтобы сообщить ему о поражении пруссии, так и не прибыл. Этот офицер был тяжело ранен по дороге, и сообщение не было доставлено.

[15] Между французскими властями, которые настаивают на тесном преследовании их войск и стремительном бегстве английского арьергарда, и английскими властями, которые указывают на то, насколько незначительными были потери этого арьергарда, и насколько справедливым было замечание Веллингтона о том, что отступление в целом прошло беспрепятственно.

Этот спор, как и многие другие споры, разрешается с учетом того, что каждый рассказчик прав со своей точки зрения. Французское преследование было самым энергичным, английский арьергард действительно был сильно потеснен; но этим арьергардом так хорошо управляли, что он постоянно держался особняком, отбивался, насколько мог, и эффективно прикрывал беспрепятственное отступление основной массы армии.

[16] “Мертвая” местность означает местность перед позицией, защищенной *самой крутизной* от огня обороняющихся на вершине. Идеальным фронтом для обороны с применением огнестрельного оружия является не очень крутой склон, а длинный, пологий, открытый и *ровный*.

[17] Почти ровно десять процентов.

[18] Это на высоте от тридцати до пятидесяти футов над отрогом, на котором он только что расставил свои орудия перед армией, примерно на двадцать пять футов выше гребня, занятого в миле от него армией союзников, и на несколько футов выше голой земли, находящейся чуть более чем в четырех милях, на которой Наполеон впервые заметил прибывающих пруссаков.

[19] См. [карту напротив титульного листа](#).

[20] Существует противоречие свидетельств относительно того, как долго бригада подвергалась этому ужасному испытанию. В какой-то момент он был слегка отозван, но в какой именно момент - сомнительно.

[21] Группа отмечена буквой "С" на [цветной карте](#). По большей части им командовал Мийо, но тыл находился под командованием Десноэтта.

[22] Смотрите эскиз на противоположной странице [134](#).

[23] Это дерево на крайней правой стороне [цветной карты](#).

[24] В модели на стр. [155](#) Плансенуа не показан. Это было бы вне модели, ближе к зрителю, позади позиции Наполеона в точке А и между точкой А и N.

[25] Гвардия в целом весь день простояла в резерве позади французской линии, в точке, отмеченной D на [цветной карте](#).

[26] Фактически это продвижение эшелонам превратилось в четыре колонны.

[27] Мы, конечно, можем допустить 7000 пленных и 30 000 убитых и раненых, но это минимум. Вполне возможно, что еще 3000 следует добавить к пленным и еще 5000 - к тем, кто пал. Оценки так сильно расходятся, потому что многочисленные случаи дезертирства после падения Империи очень затрудняют сравнение остатков армии с ее первоначальной численностью.

Примечание переписчика:

За исключением исправлений, указанных в информации при наведении курсора, были сохранены типографские несоответствия в написании и расстановке переносов.